

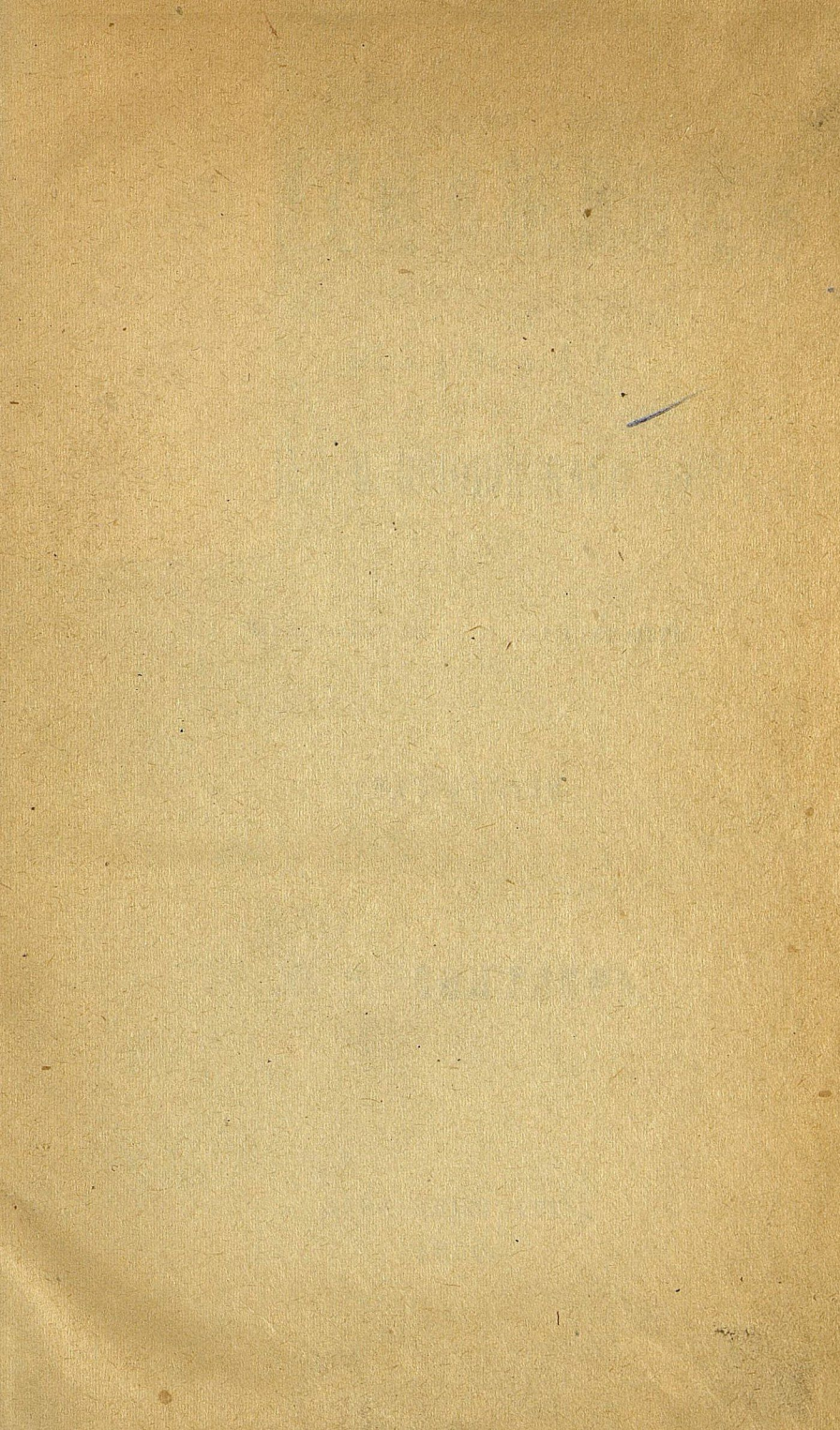
IV $\frac{14}{21}$

1860 N9-12

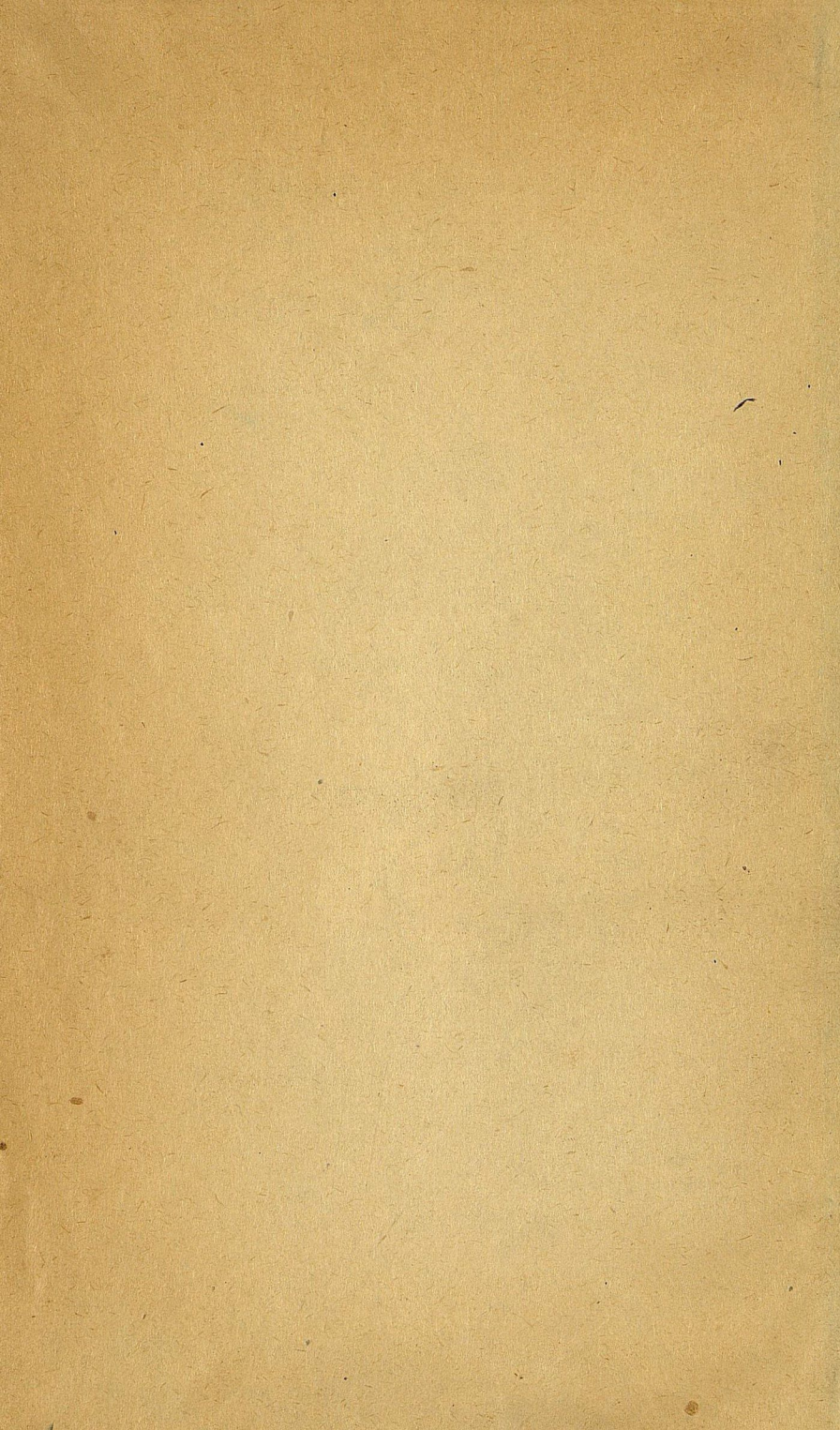

14
— 21

270.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

1860
9-12

№ 9. СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСИЖИНА

ПЛАТЯ

ДЛЯ ВОСКРЕСЕНИЯ И ЮБИЛЕЯ ВОСКРЕСЕНИЯ

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 9. СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ВЪ ГИНОЛЬФІИ ДЕНАЛЬМЕНТА ВЪНШНЕГО ТОРЛОВА

ПОДСНЖНЖНЖН

ЖАЧНАЧ

ВОЗВРАЩАЮЩИМЪ И ВОЗВРАЩАЮЩИМЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

ИЗДАВАНІИ ВЪ МАШИННОМЪ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, октября 26 дня 1860 года.

ЦЕНСОРЪ С. Лебедевъ.

№ 9. СЕНТЯБРЬ.

САНКТИПЕТЕРБУРГЪ

1860

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

ТЮРЕНЬ, *разсказъ*: I. *Привидѣніе*. — II. *Ограда*... 1

ОЧЕРКИ ЯЗЫЧЕСКОЙ ЛИТВЫ С. РУТКОВСКАГО..... 21

АНГЛІЙСКІЯ ЛОШАДИНЫЯ СКАЧКИ..... 39

КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ (*историческій романъ Вальтера Скотта, въ сокращеніи*):

XXVII. *Взрывъ*. — XXVIII. *Неизвѣстность*. — XXIX. *Возмездіе*. — XXX.

Неизвѣстность. — XXXI. *Розыскъ* 393—502

СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ

Тюбана, рассказ: I. Промыслов. — II. Ограда... 1

Очерки изрешечкой А. П. Рутковский... 21

Английский товарищский клуб... 30

Кавалит Дорланд (неполный список вояков Ватланд)

Сюжета, во коридоре:

XXVII. Вербас. — XXVIII. Невзвист-

носье. — XXIX. Возмездие. — XXX.

Невозможность. — XXXI. Возврат 303—503

ОБЪ ИЗДАНИИ

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1861 ГОДУ

ПОДСНЪЖНИКА,

ЖУРНАЛА ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ,

ОДОБРЕННАГО ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Объявляя объ изданіи въ 1861 году «ПОДСНЪЖНИКА», Редакція считаетъ излишнимъ распространяться въ какихъ бы то ни было общаніяхъ. Постоянно увеличивающееся число подписчиковъ показываетъ, что журналъ по возможности удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. Въ составъ журнала по-прежнему будутъ входить статьи слѣдующаго содержания:

• Стихотворенія, рассказы, повѣсти, сказки, какъ русскихъ писателей, такъ и иностранныхъ; кромѣ того, Редакція будетъ помѣщать отрывки, имѣющіе сами по себѣ цѣлость, изъ сочиненій, которыя хотя написаны и не для ранняго возраста, но

могутъ имѣть вліяніе на развитіе въ юношествѣ правильныхъ понятій о нравственномъ, изящномъ, о добрѣ и истинѣ.

II. Путешествія.

III. Статьи серьезнаго содержанія, отличающіяся удобопонятнымъ изложеніемъ, занимательныя и разнообразныя. Сюда относятся статьи: а) по части *Исторіи*, какъ всеобщей, такъ и отечественной, и по части *другихъ наукъ*, имѣющихъ тѣсную связь съ Исторіею; б) *статьи по части естествознанія во всѣхъ его отрасляхъ*, съ отдѣльными рисунками и полиטיפажами.

Въ отдѣлѣ для серьезнаго чтенія Редакція будетъ помѣщать, между прочимъ, извлеченія изъ ученыхъ статей, появляющихся въ нашей литературѣ, особенно отличающихся нравственнымъ содержаніемъ и художественностью изложенія, съ сохраненіемъ лучшихъ страницъ сочиненій, служащихъ матеріаломъ такимъ статьямъ.

Чтобъ показать, въ какой степени Редакція выполняла въ эти три года программу, представляемъ перечень главнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ «ПОДСНѢЖНИКЪ» за 1858, 1859 и 1860 года.

Русскія сказки *М. Л. Михайлова*: Три зятя. — Котъ и пѣтушокъ. — Булатъ-Молодецъ. — Рукавица. — Два случая изъ морской жизни (двѣ статьи) *И. А. Гончарова*. — Сурокъ, рассказъ *М. Кублицкаго*. — Гриша, маленькій подмастерье, рассказъ *Д. В. Григоровича*. — Волшебный цвѣтокъ, сказка. — Замокъ Аренштейнъ, рассказъ *Фр. Гофмана*. — Несколько сказокъ изъ собранія народныхъ нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ. — Книжная келья XV вѣка. — Жизнь и приключенія Ваньки-Кота, *А. Ризникова*. — Собраніе чудесъ, 12 повѣстей, заимствованныхъ изъ мифологіи, *НАТАНІЯ ГОТОРНА*, съ тридцатью семью рисун-

III

ками. — Шлях Муромецъ, *Л. М—ва*. — Золотая рыбка, *Т.* — Старый негръ Тиффъ (извлечено изъ романа Бичеръ-Стоу: «Правы и обычаи Южныхъ-Штатовъ»). — Никонъ и Тифонъ, рассказъ, *А. Ризникова*. — Сестра, изъ украинскихъ народныхъ разсказовъ *Марка-Вовчка*. — Вечеръ въ теремъ царя Алексѣя Михайловича, *Григ. Данилевскаго*. — Помня, историческая повѣсть, составленная по роману *Л. Бульвера*. — Утинное болото. — Картины сѣверной Скандинавіи. — Изъ записокъ путешественника по Европѣ, *Д. Григоровича*. — Какъ торговали важнѣйшіе народы древняго міра. — Народныя преданія древнихъ грековъ (въ нѣсколькихъ №№). — Рыцарство, *Н. Лыткина*. — Женевское озеро, *В. Водовозова*. — Гете, три статьи *Г. Думшина*. — Разказы о древнихъ русскихъ паломникахъ, *Н. С—на*. — Изобрѣтеніе книгопечатанія. — Осада Мальты турками въ хvi вѣкѣ, извлеч. изъ соч. *Прескотта*. — День въ римскомъ цркѣ. — Завоеваніе Мексики Фердинандомъ Кортесомъ. — Франклинъ, *Г. Думшина*. — Война Алой и Бѣлой Розы. — Дагестанъ и Имамъ его Шамиль. — Русскій въ плѣну у Кобанцевъ. — Египтяне по *Максу Дункеру*, двѣ статьи *В. Милеванта*. — Сказанія древнихъ Германцевъ, *Н. Аевенаргуса*: Множескія сказанія. — Сказаніе о *Зигфридѣ*.

Жизнь и правы науковъ, съ шестнадцатью рисунками. — Ископаемый уголь, съ восемнадцатью чертежами и рисунками. — Цвѣтная пыль, съ семью чертежами. — Ламы, съ двумя рисунками. — Деревья-исполнны, съ четырьмя рисунками. — Термиты, съ тринадцатью рисунками. — Лисица, *Д. Михайлова*. — Алмазъ, съ пятью рисунками. — Животныя Новой Голландіи, съ пятью рисунками. — Янтарь, съ пятью рисунками. — Водолазное искусство, съ пятью рисунками. — Языкъ животныхъ, и проч.

Съ апрѣля 1860 г. началось печатаніе романа Вальтеръ-Скотта (въ сокращеніи: Квентинъ Дорвардъ, — а съ Марта:

«Чтеніе изъ Русской Исторіи», *И. К. Щебаляскаго*.

Подписчики на «ПОДСНѢЖНИКЪ» 1859 и 1860 годовъ получили, въ видѣ преміи, *Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей*, въ двухъ частяхъ.

Въ 1861 году журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» будетъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 150 до 200 страницъ въ каждой.

Цѣна за 12 книгъ въ годъ ШЕСТЬ руб., съ доставкою на домъ — СЕМЬ руб., съ пересылкою въ города СЕМЬ руб. ПЯТЬДЕСЯТЬ коп.

Нѣкоторыя учебныя заведенія, подвѣдомственныя Министерству Народнаго Просвѣщенія, присылали въ редакцію за годовое изданіе 7 р. 50 коп. Редакція, желая, по возможности, облегчить этимъ заведеніямъ приобрѣтеніе «ПОДСНѢЖНИКА», назначила для нихъ уменьшенную цѣну, а именно ШЕСТЬ руб. съ пересылкою, о чемъ и упомянуто при слѣдующемъ распоряженіи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, напечатанномъ въ февральскомъ № журнала Министерства за 1859 годъ:

**О ЖУРНАЛѢ, ОДОБРЕННОМЪ ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ
ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

«Министръ Народнаго Просвѣщенія, признавая издаваемый г. Майковымъ журналъ, подъ названіемъ «ПОДСНѢЖНИКЪ», назначаемый для дѣтскаго и юношескаго возраста, по роду и достоинству помѣщаемыхъ въ немъ статей, весьма полезнымъ имѣть въ бібліотекахъ учебныхъ заведеній, разрѣшилъ начальствамъ оныхъ подписываться на сей журналъ по мѣрѣ денежныхъ способовъ заведеній. Цѣна журнала съ пересылкою ШЕСТЬ руб.

(вмѣсто 7 р. 50 к.), которые могутъ быть уплачиваемы въ течение года.»

Для избѣжанія замедленія въ отправкѣ журнала и для того, чтобы можно было своевременно распорядиться печатаніемъ потребнаго числа экземпляровъ, Редакція покорнѣйше проситъ гг. желающихъ подписаться на «ПОДСНѢЖНИКЪ» 1864 года присылать свои требованія заблаговременно и по возможности не позже конца Января будущаго года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ПЕТЕРБУРГА — Въ главной Конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ» при книжномъ магазинѣ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, и въ Конторѣ «ПОДСНѢЖНИКА» при книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ *Демидова*.

ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ: Въ Конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ» при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и Конт.*, на Лубянкѣ, въ домѣ *Сисалина*.

ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ЗАКАВКАЗСКАГО КРАЯ: въ Тифлисѣ, у книгопродавца *Бернштама*.

Гг. Иногородные подписчики и учебныя заведенія, подвѣдомственные Министерству Народнаго Просвѣщенія, благоволятъ адресовать свои требованія

исключительно въ Редакцію журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», въ С.-Петербургѣ, на Лиговкѣ, противъ зданія Николаевской желѣзной дороги, въ домѣ Зуева.

Каждый № журнала, по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ» благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ Господину С. Петербургскому Почтъ Директору.

Такъ какъ статьи *Н. К. Щебальскаго*, подь заглавіемъ *ЧТЕНІЕ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ*, будутъ печататься и въ будущемъ году, то Редакція, считая эти статьи весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для журнала, — безденежно разошлетъ *новымъ* подписчикамъ тѣ изъ нихъ, который уже напечатаны и еще будутъ напечатаны въ нынѣшнемъ году. Поэтому Редакція проситъ подписчиковъ на 1861 г., которые не получали журнала въ нынѣшнемъ году, въ требованіяхъ своихъ *непремьлно* объяснять, что они не подписывались на «ПОДСНѢЖНИКЪ» 1860 года.

Редакторъ и издатель *В. И. Майковъ*.

ТЮРЕНЬ.

(разсказъ.)

ПРИВИДѢНІЕ.

«Перестанешьли ты, Бертье, разсказывать сказки о привидѣніяхъ, сказки годныя развѣ только для того, чтобы пугать старыхъ бабъ? Посмотри-ка на Марселину: какъ она выпучила глаза и вертитъ ими то на право, то на лѣво, — какъ она разсматриваетъ эти доспѣхи; точно, Господи прости! она ждетъ, что они оживятся и въ своихъ желѣзныхъ рукахъ унесутъ ее въ преисподнюю; поди-ка, дай лучше мнѣ урокъ фехтованія.»

Тотъ, кто это говорилъ и которому украшеніемъ служили бархатъ, шелкъ и кружева, былъ ребенокъ такого слабаго и нѣжнаго сложенія, что съ перваго взгляда нельзя было ему дать болѣе семи лѣтъ.

Бертье, къ которому онъ обращался, былъ старый солдатъ временъ Генриха IV. Онъ лишился ноги въ 1594 г., при взятіи Лаона; потомъ, удалясь въ княжество Седанъ, свою родину, онъ проводилъ тамъ дни, а иногда и часть ночи, чистя и приводя въ порядокъ

оружіе, которымъ, къ сожалѣнію своему, не могъ уже владѣть болѣе... Кромѣ того, храбрый солдатъ, привыкшій приводить въ трепеть враговъ Франціи, часто вознаграждалъ себя теперь за вынужденное бездѣйствіе — пугая слугъ замка самыми нелѣпыми разсказами. Но что всего было забавнѣе во всемъ этомъ, это то, что добрый, простой старикъ, рассказывая другимъ исторіи о привидѣніяхъ, приходилъ самъ въ такое волненіе, что почти всегда и рассказчикъ и слушатели оставались въ недоумѣніи — одинъ, не имѣя духу продолжать повѣствованіе, другіе едва переводя дыханіе отъ страха.

Въ эту минуту, сидя съ сестрою своею, старою Марселиною, у окна оружейной залы, онъ полировалъ заржавленный бердышъ и оканчивалъ начатое наканунѣ повѣствованіе, между тѣмъ какъ сестра его, забывъ свою прялку, смотрѣла на него во всѣ глаза, какъ бы желая лучше вслушаться въ разсказъ брата.

При словахъ молодого человѣка, прервавшаго ихъ такъ внезапно, Марселина воскликнула:

«Вы прерываете Бертъе въ самомъ лучшемъ мѣстѣ его разсказа, милостивый государь! въ самомъ лучшемъ мѣстѣ!»

А Бертъе возразилъ:

«Сегодня утромъ я уже далъ вамъ одинъ урокъ, сударь, другой можетъ утомить васъ.»

— Утомить меня, мой добрый Бертъе! сказалъ ребенокъ, котораго большіе черные глаза заискрились отъ негодованія. За кого ты меня принимаешь, скажи пожалуйста?

— За сына моего повелителя и господина!

— И который будетъ твоимъ повелителемъ и господиномъ когда нибудь, слышишь ли ты, Бертье?

— Дай Богъ, и я надѣюсь на это, милостивый государь.

— Такъ почему же ты меня не слушаешь, Бертье?

— Напротивъ, всегда слушаю, сударь: — но два урока фехтованія, въ такой короткой промежутекъ, въ ваши лѣта...

— Въ мои лѣта! да знаешь ли ты, что я скоро буду мужчина!... съ запальчивостію прервалъ молодой человекъ.

— Какъ мнѣ не знать этого! возразилъ съ усмѣшкою старый солдатъ: — вы вѣдь родились на второй годъ царствованія союзника нашего, короля Франціи, Людовика тринадцатаго?

— 11-го сентября 1611 г., гордо произнесъ ребенокъ.

— А теперь у насъ, кажется, десятое января 1622 г. Что значить, что вамъ теперь... позвольте... одинъ... два...

И пока Бертье считалъ по пальцамъ, мальчикъ возразилъ съ самоувѣренностію:

«Десять лѣтъ и четыре мѣсяца, безъ одного дня... не правда ли, Марселина?»

— Совершенная правда, милостивый государь, отвѣчала старуха, у которой прялка приняла свое обычное движеніе.

— Столько же, сколько твоему племяннику Жерару Бертье, котораго ты цѣлый день заставляешь дѣлать на караулъ.

— И это правда, только прошу васъ, сударь, замѣтить, что Жераръ вдвое больше и сильнѣе васъ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ, спрашиваю я тебя? сказалъ съ нетерпѣніемъ слабый ребенокъ: — развѣ я не изъ такого же тѣла и костей, какъ онъ? или люди болѣе полные лучше другихъ?

— Конечно нѣтъ, сударь; но вы еще такъ слабы и продолжительная усталость можетъ сдѣлать васъ больнымъ.

— Правду сказать, всѣ вы презабавные люди; цѣлый день повторяютъ около меня, что я слабъ, что не надо утомлять меня!... во-первыхъ, отецъ мой... потомъ мать... но той не удивительно: матери всегда боятся за дѣтей своихъ... наконецъ, даже старшій братъ мой и тотъ заботится о моемъ здоровьѣ! Знаешь ли, вѣдь это скучно, Бертъ!... Я хочу научиться военному ремеслу.

— А на что это вамъ, сударь?

— Чтобы сдѣлаться со временемъ великимъ полководцемъ.

— Это бы для меня было хорошо сдѣлаться великимъ полководцемъ и заставить говорить о себѣ, милостивый государь, сказалъ другой дѣтскій голосъ, раздавшійся изъ за дверей оружейной залы: — но вы, чтобы вы ни дѣлали, вы всегда будете знамениты.

Этотъ другой ребенокъ былъ одѣтъ въ крестьянскую блузу.

«Да, знаменитъ, какъ старый герцогъ Валафредскій: дни на охотѣ, а ночи въ пиррахъ.»

— Жераръ правъ, сударь, возразилъ бывшій солдатъ: — не второй ли вы сынъ его свѣтлости Генриха Оверньскаго, герцога Бульонскаго и владѣтельнаго принца Седанскаго?

— Да, — ну, чтожъ!

— И госпожи Елизаветы Нассауской, дочери Вильгельма перваго Нассаускаго, принца Оранскаго.

— Ну, что же это все значить?

— Это значить, господинъ виконтъ Тюрень, что, когда кто происходитъ отъ древняго, знаменитаго рода Башни Оверньской, котораго кровь смѣшана съ кровью королей и который даровалъ властелина Аквитаніи и принцессъ почти во всѣ государства Европы, тотъ, — я знаю что я говорю, — можетъ сидѣть сложа руки или лежать цѣлый день, если ему угодно, не дѣлая ничего, но для военнаго ремесла, повѣрьте мнѣ, господинъ виконтъ, я знаю, — вы слишкомъ слабы.

— Это значить, что ты ничего не знаешь, воскликнулъ съ сердцемъ молодой Тюрень: — что ты старый болтунъ и что именно ты, который работалъ всю жизнь свою, долженъ сидѣть теперь сложа руки или лежать, если тебѣ угодно, а я хочу воевать. Братъ мой наследуетъ верховную власть въ Седанѣ, я сохраню ему ее и, въ случаѣ пужды, буду его защищать: а потому, безъ дальнихъ разговоровъ, брось свои старые изломанные пики времянь короля Дагобера: Жераръ и я мы твоя армія, ты нашъ полководецъ, командуй же.

— Вы бы гораздо лучше сдѣлали, сударь, замѣтила ему Марселина, еслибы сѣли сдѣсь, возлѣ насъ

и позволили Бертъе окончить разсказъ... Это такъ прекрасно сударь, такъ страшно!

— Вѣрно опять сказка о привидѣнiяхъ, ручаюсь въ этомъ, сказалъ Тюренъ, пожимая плечами: — вздоръ!...

— Вздоръ, воскликнула Марселина, дѣлая знаменiе креста: — душа грѣшника, которая является каждую ночь въ двѣнадцать часовъ! это вздоръ!...

— Гдѣ? въ замкѣ? спросилъ сынъ герцога Бульонскаго.

— Нѣтъ, милостивый государь, на краю ограды Седанской, отвѣчалъ Бертъе.

— Ахъ! это исторiя о привидѣнiи съ огненнымъ копьемъ! сказалъ Жераръ, садясь на полъ и скрестивъ ноги: — умоляю васъ, сударь, попросите дядюшку разсказать вамъ ее... Это чудо, какъ хорошо... и къ тому же справедливо; неправда ли, дядюшка, вы видѣли привидѣнiе?

— Ты его видѣлъ? повторилъ виконтъ, приближаясь къ группѣ.

— Не совсѣмъ, милостивый государь, но Петръ!...

— Петръ видѣлъ его? спросилъ еще молодой виконтъ!...

— Вотъ видите, сударь, и Петръ-то его не видалъ, но дѣдъ его, который тоже не видалъ его, увѣрялъ, что его прадѣдъ видѣлъ привидѣнiе и; что всего лучше, говорилъ съ нимъ и въ тотъ вечеръ было такъ темно, какъ въ глухую полночь, и вылъ вѣтеръ... настоящая буря, сударь!

— Но съ тѣхъ поръ привидѣнiе не возвращается, если никто не видалъ него болѣе? сказалъ Тю-

рень, сядясь на одну изъ окружавшихъ оружейную залу скамью, покрытую алымъ бархатомъ.

— Извините, милостивый государь, оно является каждую ночь, въ одно и тоже время, сказали Бертье, Марселина и Жераръ.

— А почему вы это знаете, если никто изъ васъ его не видалъ?

— Изъ насъ никто его не видалъ, но мы могли бы его увидѣть, если бы захотѣли, серьезно сказалъ Бертье.

— То-есть, если бы достало у насъ для этого довольно смѣлости, наивно прибавила Марселина.

— Говори за себя, сестра Марселина, возразилъ съ досадою старый воинъ: — потому... что... а... если не пошелъ смотрѣть его, то это конечно не отъ боязни... человекъ, воевавшій съ союзниками и видѣвшій Генриха IV, лицомъ къ лицу — какъ имѣеть честь теперь васъ видѣть, милостивый государь, — не можетъ, я надѣюсь, прослыть за труса.

— Ну, послушайте, дядюшка... сказалъ Жераръ качая головою: — можно смотрѣть въ лицо Генриху IV, королю Людовику XIII и даже его свѣтлости принцу Седанскому, и даже говорить съ ними, но жариться на огненномъ копѣѣ вмѣстѣ съ привидѣниемъ, вовсе не забавно!

— Но наконецъ, что это за привидѣнiе съ огненнымъ копьемъ? спросилъ молодой виконтъ, топая ногою отъ нетерпѣнiя.

— Ваша свѣтлость, вѣроятно, слышали что нибудь

о мельникѣ *Тигровое Сердце*? сказалъ Бертье, опираясь на свое копье.

— Не болѣе, какъ о привидѣннн, отвѣчалъ Тюрень.

— И такъ, милостивый государь, этотъ мельникъ *Тигровое сердце*, который жилъ тому назадъ сто, двѣсти или триста тысячъ лѣтъ, потому что, въ самомъ-то дѣлѣ, никто изъ здѣшнихъ не знавалъ его, былъ мельникъ.

— Это весьма вѣроятно, сказалъ молодой Тюрень, смѣясь.

— Я буду имѣть честь замѣтить вашей свѣтлости, сказалъ Бертье съ какимъ-то безпокойствомъ, что, если вы будете прерывать меня, то я совершенно потеряю нить моего разсказа.

— Ну, ну, продолжай, сказалъ Генрихъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Потому что это дѣло весьма серьезное, сударь, сказалъ Бертье съ печальнымъ видомъ: — и не надо смѣяться, рассказывая эту исторію, иначе съ нами можетъ случиться несчастье!

«И такъ, продолжалъ онъ, это было давно, очень давно, во время царствованія Людовика IX, въ 1260 г. Злодѣи причиняли такое опустошеніе, а городская стража была такъ немногочисленна, что Парижане, а по примѣру ихъ и другіе города, просили позволенія охранять себя самимъ. Поэтому учрежденъ былъ караулъ цѣхвой или обывательской, и вотъ однажды, когда было очень холодно, холодно, какъ сегодня, сударь, и снѣгъ покрылъ на полъ-аршина кровли замъ-

ка, улицы и ограду, вотъ точно такъ, какъ сегодня, вдругъ на мельницѣ отворилась дверь и въ ней показался блѣдный и болѣзненный молодой человѣкъ.

«— Братъ, сказалъ онъ мельнику, сегодня моя очередь идти ночью на ограду, но я боленъ, у меня лихорадка: окажи дружбу, сходи на мое мѣсто, а я сделаю для тебя тоже, когда ты будешь на караулѣ.

«— Благодарю за предпочтеніе, отвѣчалъ Тигровое сердце. Но хотя я здоровъ, а къ холоду не менѣе тебя чувствителенъ.

«— Но я могу умереть отъ этого, братъ.

«— Такъ что же! я только получу лишнее наслѣдство.

«— Братъ! спрашиваю тебя разъ, два раза: хочешь ли ты оказать мнѣ эту услугу?

«— Три раза нѣтъ, отвѣчалъ Тигровое сердце, и въ эту минуту, на стѣнныхъ часахъ замка, пробило полночь. Братъ закричалъ ему:

«— Будь же ты три раза проклятъ, и чтобы до скончанія вѣка тебѣ быть на стражѣ каждый разъ, когда снѣгъ покроетъ землю!

«Послѣ этого онъ удалился, а Тигровое сердце легъ спать; но на другой день нашли брата его мертвымъ: онъ замерзъ на валу, и вотъ въ тотъ же вечеръ пришла очередь мельника идти въ караулѣ.

«— Неужели ты пойдешь? спросила у него жена.

«— Конечно пойду, отвѣчалъ онъ.

«— А если ты замерзнешь?

«— Тогда ты останешься вдовою.

« — Ты бы исповѣдался, Тигровое сердце; вспомни угрозы твоего брата, ты можешь умереть во грѣхѣ.»

«Но Тигровое сердце былъ бусурманъ и только разсмѣялся при словахъ жены своей; онъ взялъ аллебарду, которая свѣтилась какъ золото, и пошелъ на ограду. Съ тѣхъ поръ, никто не видалъ его, сударь, прибавилъ Бертье тихимъ и дрожащимъ голосомъ: — кромѣ, впрочемъ, тѣхъ ночей, когда снѣгъ идетъ; но тогда никто не говорить съ нимъ.»

Въ эту самую минуту, дверь оружейной залы скрипнула и невольный крикъ раздался изъ всѣхъ устъ.

«Что тамъ такое?» спросилъ одинъ господинъ, входя въ залу съ довольно многочисленною свитою.

— Ваша свѣтлость,.. ваша свѣтлость... пролепеталъ Генрихъ, почтительно кланаясь: — батюшка! Бертье рассказывалъ намъ исторію о привидѣніи съ огненнымъ копьемъ.» И дитя бросился къ принцу Седанскому, и поцѣловалъ руку, которую протягивалъ ему отецъ.

«И вы приняли меня за привидѣніе, сказалъ принцъ смѣясь: — хорошо... очень хорошо... Ну, господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ своей свитѣ, на лошадей: охота будетъ хороша сегодня, не будемъ терять ни минуты.»

— Батюшка, произнесъ тоненькій, вкрадчивый голосокъ позади герцога Бульонскаго, который почувствовалъ, что кто-то удерживаетъ его за полу плаща: — позвольте мнѣ сопровождать васъ на охоту?

— Тебѣ, воскликнулъ герцогъ, взявъ сына за ухо

и представивъ его такимъ образомъ обществу: — подивитесь дерзости этого ребенка, господа.

Мальчикъ краснѣя опустилъ голову.

«Такъ прикажите Бертъе, покрайней мѣрѣ, драться со мною,» сказалъ онъ сквозь зубы.

— Что за воинственный духъ у тебя сегодня, виконтъ? возразилъ герцогъ, захохотавъ. Ты хочешь охотиться, потемъ хочешь драться... Бѣдное дитя мое, ты слишкомъ нѣженъ, чтобы подвергать себя холодному воздуху, и слишкомъ слабъ, чтобы драться... посмотримъ, что ты на это скажешь! говори, я позволяю.

— Но, батюшка, сказалъ Генрихъ почти плача, если мнѣ будутъ мѣшать ѣздить верхомъ; если будутъ всегда бояться изъ-за меня холоду, жару и Богъ знаетъ чего, то я никогда не сдѣлаюсь великимъ полководцемъ, какъ вы.

— А! ты хочешь сдѣлаться великимъ полководцемъ, повторилъ одинъ изъ вельможъ: — bravo, племянникъ, я берусь за это.

— Благодарю васъ за ваше доброе намѣреніе, господинъ Морицъ Нассауской, отвѣтилъ герцогъ, съ грустію показывая зятю своему на необыкновенную худобу своего меньшого сына: — по слабое сложеніе этого бѣднаго ребенка будетъ тому препятствовать. Выбирай другое ремесло, Генрихъ: повѣрь мнѣ, военное дѣло тебѣ не по силамъ. Можешь ли ты, слабый и щедушный, спастъ на землѣ въ какую бы ни было погоду, съ лафетомъ пушки или камнемъ подъ геловой, вмѣсто подушекъ? Природа не создала тебя воинномъ, сынъ мой, надо покориться: ступай-ка къ

матери своей, Генрихъ, и попроси научить тебя читать по ея служебнику. Прекрасный будетъ, въ самомъ дѣлѣ, полководецъ, прибавилъ герцогъ, смѣясь и дружески потрепавъ блѣдныя щеки малютки: — полководецъ, который боится привидѣнiя.

Генрихъ былъ пораженъ этимъ замѣчанiемъ. «Я боюсь привидѣнiй! — сказалъ онъ, когда отецъ вышелъ: — я!... увидимъ.»

— А почему вы ничего не отвѣчали вашему батюшкѣ, господинъ Генрихъ, когда онъ вамъ сказалъ, что вы слишкомъ слабого сложенiя для военнаго ремесла?... Вы такъ увѣрили меня вчера, что съумѣете его убѣдить? сказалъ Жераръ.

— Сегодня я нашелъ кое-что получше убѣжденiй, Жераръ, отвѣчалъ молодой Генрихъ удаляясь: я докажу это на дѣлѣ и безъ возраженiя!

II.

ОГРАДА.

Зорю давно пробили. Соединясь въ обѣденной залѣ, придворные принца Седанскаго не думали еще покидать стола, занятые разсказами о прежнихъ своихъ подвигахъ и о настоящей охотѣ. Герцогиня Бульонская удалилась въ свои покои, окруженная придворными дамами, и занялась работою по канвѣ, аристократическою забавою всѣхъ благородныхъ дамъ того времени.

«Жаннета, сказала вдруг герцогиня, прерывая молчаніе, дайте мнѣ, пожалуйста, эту шкатулку, вотъ тамъ, на моемъ туалетѣ.»

При этихъ словахъ, молодая дѣвушка встала съ мѣста и подала шкатулку. Елизавета, открывъ ее, вынула очень толстые золотые часы, превосходной работы, и на цѣпочкѣ изъ того же метала надѣла себѣ на шею.

— Боже! какъ это хорошо! сказали всѣ женщины, всплеснувъ руками.

— Это новое изобрѣтеніе и въ большой модѣ при французскомъ Дворѣ, сказала герцогиня: — называютъ эту вещь — часы съ репетиціею и, какъ меня увѣряли, они показываютъ время, точно также, какъ большіе стѣнные часы въ замкѣ, только надо заводить ихъ каждый вечеръ, ложась спать. Они немножко тяжелы, прибавила герцогиня, взвѣсивая ихъ на рукѣ, но кажется нельзя сдѣлать ихъ легче... Несмотря на это, чрезвычайно приятно носить всегда при себѣ часы; какъ вы думаете?... Это подарокъ высокороднаго моего супруга.

Удивленіе, которое произвела эта драгоценная новость, оковало всѣ уста.

Въ это время, одна изъ дамъ герцогини, вышедшая, чтобы передать слугѣ приказаніе госпожи своей, возвратилась блѣдная и смущенная.

«Что съ вами, госпожа де-Гутеро? спросила герцогиня, глядя пристально на свою штатсъ-даму: — не случилось ли что съ вами или съ кѣмъ нибудь изъ людей нашихъ въ замкѣ? говорите же, вы меня пугаете!»

— Сударыня... сударыня... заикаясь сказала госпожа де-Гутеро: — я встрѣтила, уходя отсюда, госпожу де-Вьевиль, гувернантку господина виконта Тюреня.

— Ну, что же... оканчивайте, сказала принцесса, видя замѣшательство своей штатсъ-дамы.

— Нигдѣ не могутъ найти молодого принца.

— Этого быть не можетъ! воскликнула принцесса, бросаясь къ дверямъ своей комнаты: — не можетъ быть! Генрихъ вѣрно играетъ въ какомъ нибудь углу замка... онъ хотѣлъ пошалить со своею гувернанткою; но ради Бога, чтобы всѣ люди мои отправились искать его повсюду!

Встревоженная принцесса сама послѣдовала за своими дамами, чтобы удостовѣриться, что ея приказанія будутъ въ точности исполнены; она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ госпожею де-Вьевиль, съ Бертье, Марселиною, Жераромъ и многими другими служителями.

«О! сударыня, помилуйте, сказала гувернантка, бросаясь къ ногамъ принцессы: — Увѣрю васъ, что я не виновата.»

— Охотно вѣрю, отвѣчала принцесса, которой гнѣвъ уступалъ безпокойству: — но что же вы всѣ тутъ дѣлаете, вмѣсто того, чтобы искать его? съ которыхъ поръ вы не видали моего сына, говорите... Ты, Бертье, котораго онъ такъ любилъ, давно ли ты его видѣлъ?

— Увы! ваша свѣтлость, отвѣчалъ старикъ утирая глаза: — сегодня утромъ.

— Да, прибавила Марселина, горько плача: — со

времени разказа о привидѣніи... бѣдное дитя такъ много смѣялось.

— И это самое принесло ему несчастье, докончилъ Бертье: — да! я предсказывалъ ему!

Чьи-то поспѣшные шаги заставили замолчать всѣхъ; портьера быстро была отдернута и изъ-за нея явился герцогъ. Герцогиня бросилась къ нему въ объятія.

«Сынъ мой?» сказала она.

— Успокойся, другъ мой, нѣжно отвѣтилъ герцогъ: — я уже отдалъ приказаніе; Генрихъ не можетъ быть далеко, сторожъ замка видѣлъ, какъ онъ въ сумерки переходилъ подъемный мостъ.

— Одинъ? спросила Елизавета, едва держась на ногахъ.

— Одинъ, сказалъ принцъ:—онъ бѣжалъ, и когда сторожъ хотѣлъ заговорить съ нимъ, онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы тотъ молчалъ, и продолжалъ свой путь.

— Но почему же этотъ человѣкъ тотчасъ не предупредилъ насъ? сказала принцесса: — Выходить ночью, по такой погодѣ! онъ захворалъ... бѣдное дитя! Но Боже мой! Куда же онъ пошелъ?

— Я это узнаю, милая Елизавета; прежде всего я хотѣлъ тебя успокоить. Друзья мои, въ сопровожденіи людей съ факелами, обойдутъ весь городъ; они будутъ стучаться у каждой двери и я присоединюсь къ нимъ... а ты возвратись къ себѣ и положиись на меня.

Принцъ на подъемномъ мосту увидалъ Бертье и Жерара.

«Ну что?» закричалъ онъ имъ издали.

— Нигдѣ нѣтъ, сказали они печально:— мы встрѣтили цеховой караулъ, но принца никто не видалъ.

Не отвѣчая имъ, герцогъ направилъ шаги свои къ оградѣ. Луна только что взошла и свѣтъ ея, дѣлавшій уже ненужнымъ свѣтъ факеловъ, освѣщаль городъ; она ярко блистала на свѣгѣ, покрывавшемъ землю. Рядъ пушекъ защищаль Седанской валъ и на каждомъ углу стоялъ часовой.

«Кто идетъ?» сказалъ первый часовой, увидя принца.

— Я, твой принцъ, отвѣчалъ герцогъ Бульонской: — не видалъ ли ты моего сына, виконта Тюреня?

— Вотъ тамъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ часовой, и указаль рукою на пушку, на лафетѣ которой лежалъ молодой человекъ.

— Генрихъ! сказалъ принцъ подбѣгая къ сыну; но вдругъ, остановясь и дѣлая знакъ, чтобъ молчали, онъ прибавилъ: «онъ спитъ!»

Однако Генрихъ услышалъ голосъ отца, и открывъ глаза, приподнялъ голову.

«Ваша свѣтлость!» сказалъ онъ, не трогаясь съ мѣста.

— Что вы тамъ дѣлаете, сударь? вскричалъ герцогъ съ запальчивостію: — вы приводите въ волненіе весь замокъ, мать ваша умираетъ отъ безпокойства — и я самъ...

Принцъ не могъ продолжать отъ душевнаго волненія.

Генрихъ всталъ и упалъ на колѣни передъ отцемъ.

«Батюшка, простите меня, если я причинилъ безпокойство; но я хотѣлъ доказать вамъ, что второй сынъ вашъ, — не маленькая дѣвочка, которая боится холоду, и не трусъ, который боится привидѣній; вы видите, я не умеръ ни отъ холода, ни отъ боязни.

— И этимъ самымъ, милый племянникъ, по истинѣ, ты опровергъ слова тѣхъ, кто не хочетъ, чтобы ты слѣдовалъ воинственному призыву, воскликнулъ Морицъ Нассауской: — Что до меня касается, я повторю, съ позволенія его свѣтлости, моего деверя, и герцогини Елизаветы, сестры моей, что я готовъ принять тебя въ мой полкъ.

— Солдатомъ, дядюшка? сказалъ молодой Тюрень съ восторгомъ.

— Солдатомъ, племянникъ, отвѣчалъ принцъ: — чтобы научиться повелѣвать, надо прежде умѣть повиноваться.

— Теперь, пойдемъ и успокоимъ матушку, сказалъ Генрихъ.

Не долго удерживалъ виконтъ Тюрень свой юношескій жаръ; едва исполнилось ему четырнадцать лѣтъ, какъ онъ послѣдовалъ за дядею своимъ въ Голландскую армію, и изъ солдата, пройдя всѣ чины, принялъ команду надъ отрядомъ пѣхоты подъ начальствомъ Фридриха, преемника Морица Нассаускаго.

Когда умеръ отецъ его, Генрихъ Оверньскій, молодой виконтъ Тюрень былъ посланъ ко двору Людовика XIII, какъ залогъ даннаго герцогинею Бульонскою слова королю Франціи — никогда не разъединять ихъ взаимныхъ интересовъ. Кардиналъ Ришелье, пред-

видя, вѣроятно, что выйдетъ изъ принца Тюреня, послалъ его въ 1631 г. въ Лорену, во главѣ отряда, подъ предводительствомъ маршала де-ла-Форсъ; тамъ онъ рѣшилъ успѣхъ осады де-ла-Моты и былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ.

Въ 1644 г. онъ былъ сдѣланъ маршаломъ Франціи королевою регентшею, по смерти Людовика XIII.

Съ тѣхъ поръ, жизнь Тюреня была ознаменована рядомъ блистательныхъ побѣдъ и славныхъ дѣяній. Слава его превзошла всякое описаніе и молодой король Людовикъ XIV возвелъ его въ званіе генералиссимуса всѣхъ королевскихъ армій.

Послѣ заключеннаго въ 1668 г. мира, Тюрень отдохнулъ отъ всѣхъ трудовъ своихъ; но недолго продолжался этотъ отдыхъ; когда было объявлено о вторженіи непріятеля въ Голландію, въ 1672 г., онъ снова появился во главѣ армій.

Подлѣ деревни Зальбахъ, въ 1675 г., должно было произойти рѣшительное сраженіе; Вѣнской кабинетъ противопоставилъ знаменитому Тюреню знаменитаго Монтекукули. Европа въ недоумѣніи ожидала конца этой борьбы, когда непредвидѣнное происшествіе рѣшило ее.

27-го іюля, въ субботу, въ два часа по полудни, виконтъ Тюрень, тогда уже шестидесяти лѣтъ отъ роду, пожелалъ осмотрѣть одну мѣстность, гдѣ онъ располагалъ поставить батарею; на другой день онъ хотѣлъ дать сраженіе. Но прежде, чѣмъ сѣсть на лошадь, онъ приказалъ предупредить своего духовника, что онъ намѣренъ приобщиться св. Таинцъ передъ сра-

женіемъ, и въ сопровожденіи многочисленной свиты поѣхалъ на осмотръ.

Не доѣзжая тридцати шаговъ до того возвышенія, куда онъ отправлялся, онъ былъ разсерженъ племянникомъ своимъ, молодымъ д'Эльбефомъ, который заставлялъ скакать около него свою лошадь.

«Ты все вертишься около меня, племянникъ, сказалъ онъ ему. Оставайся на одномъ мѣстѣ, меня можетъ замѣтить непріятель» — и приказавъ многимъ изъ людей своихъ ожидать его возвращенія, онъ поѣхалъ одинъ къ лагерю.

«Въ той сторонѣ стрѣляютъ, ваша свѣтлость, сказалъ Гамильтонъ, выѣхавъ къ нему на встрѣчу: — пожалуйста вотъ сюда.»

— Вы правы, сказалъ Тюрень смѣясь: — я вовсе не желаю быть убитымъ сегодня.

Но небо, вопреки предположеніемъ людей, рѣшило иначе. Только что онъ повернулъ свою лошадь, какъ Сентъ-Илеръ, со шляпою въ рукѣ, подѣхалъ къ фельдмаршалу.

«Ваша свѣтлость, сказалъ онъ ему, не угодно ли вамъ взглянуть на эту батарею, которую я расположилъ здѣсь.»

Едва выговорилъ Сентъ-Иллеръ эти слова, какъ ядромъ оторвало у него руку, которою онъ указывалъ на батарею, и вмѣстѣ съ тѣмъ убило Тюрени.

Сынъ Сентъ-Иллера, увидя отца изувѣченнымъ, бросился къ нему съ крикомъ и плачемъ.

«Молчи, дитя мое, мужественно произнесъ раненый,

показывая на Тюреня, распростертаго безъ жизни: — вотъ о комъ надо плакать, вотъ кто не замѣнимъ.»

Никогда, никакая потеря не была такъ чувствительна для Франціи; всѣ сословія оплакивали его; великому Тюреню отданы были почести, которые воздаваемы были только конетаблю Дюгесклену; останки его хранились въ Севтъ-Дени, въ склепѣ королей.

Когда, послѣ революціи, гробницы королей были преданы поруганію и уничтожены, гробницу Тюреня перенесли въ церковь Инвалидовъ. Чрезвычайно трогательно видѣть ее тамъ, какъ бы подъ защитою героевъ, для которыхъ онъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ образцовъ полководцевъ.

ОЧЕРКИ ЯЗЫЧЕСКОЙ ЛИТВЫ.

Издревле по берегамъ рѣки Нѣмана и его притокъ жило литовское племя; оно раздѣлялось на два отдѣла: Жмудь, населявшую Ковенскую губернію, и собственно Литву, занимавшую сѣверныя части губерній Гродненской и Минской.

Литовское племя отличалось вообще большой самостоятельностью. Ни по обычаямъ, ни по нравамъ, ни по своей языческой религіи Литовцы не походили на своихъ сосѣдей Славянъ и Финновъ. Самый климатъ и природа литовскаго края дѣлали его очень оригинальнымъ. Холодное время года стояло тамъ очень долго. Цѣлые десять мѣсяцевъ солнце находилось ниже горизонта; остальные два мѣсяца оно свѣтило здѣсь безпрестанно и своимъ зноемъ утомляло въ полдень все живущее. Въ продолженіи четырехъ полуденныхъ часовъ нельзя было производить никакихъ полевыхъ работъ и потому онѣ отбывались по утрамъ и въ свѣтлыя ночи. За то и морозы были жестоки: не рѣдко люди отмораживали себѣ руки или ноги, а иногда замерзали и совсѣмъ на смерть. Морозы измѣняли цвѣтъ

шкуры звѣрей; иногда путешественники, расположившіеся у огня, замѣчали, что въ одной половинѣ ихъ котловъ вода кипѣла, между тѣмъ, какъ въ другой оставалась еще въ оледенѣніи.

Несмотря на лѣтній зной, хлѣбныя растенія не успѣвали созрѣвать на корню: ихъ снимали съ поля и досушивали при огнѣ. Впрочемъ рѣдко гдѣ можно было видѣть пашни: почти вся страна была покрыта дремучими лѣсами, огромными озерами и песчаными степями (*). За то литовскіе лѣса были такъ обширны, что обыкновенный ихъ обитатель, бѣлка, перепрыгивая съ дерева на дерево, совершала путешествіе въ нѣсколько десятковъ миль (**), не касаясь земли.

За малолюднымъ Полѣсьемъ чернѣлась тотчасъ обширнѣйшая Бѣловѣжская пуца, менѣе славная тогда, нежели теперь, потому что были другія пуцы не меньше ея, напр. Метиславская, Борисовская, Рудницкая, простиравшаяся отъ Вильно къ Нѣману. Прорѣзанныя обширными лугами и озерами, поросшія разнаго рода деревьями и кустарниками, наполненныя всякими звѣрями и птицами, литовскія пуцы казались отдѣльными царствами растеній и животныхъ. Люди, жившіе кое-гдѣ при лѣсахъ, совершенно въ нихъ терялись. Дровосѣки или охотники, казалось бы, уже далеко про-

---

(*) Въ Минской губерніи и въ настоящее время есть значительныя песчаныя степи; такъ въ Пинскомъ уѣздѣ случается проѣзжать десятки верстъ такихъ степей, покрытыхъ впрочемъ кое-гдѣ рѣдкимъ лѣсомъ.

(**) Литовская миля имѣетъ 7 русскихъ верстъ.

ники въ лѣсъ, но на самомъ дѣлѣ они были только у края его. Во внутренность литовскихъ лѣсовъ могло только проникнуть одно воображеніе, представлявшее ихъ жилищемъ баснословныхъ чудовищъ и привидѣній.

А литовскіе озера? Это были настоящія моря. Изобиліе водъ породило у тамошнихъ жителей преданіе, будто вся южная Литва была прежде моремъ, простиравшимся по рѣкѣ Припети, и что уже въ послѣдствіи вода спущена какимъ-то властелиномъ въ Черное море. Въ извѣстныя времена года, вода, накопившаяся отъ стоявшихъ снѣговъ и проливныхъ дождей, превращала всю мѣстность въ море; когда же вода опадала, оставались рѣки съ мутною, какъ бы морскою водою. Самыя литовскія степи образовались изъ недавно покрытыхъ водою странъ и походили на осушенное пещаное морское дно. Все ясно говорило, что эта страна самая новая въ Европѣ суца.

На этой младенческой землѣ жили полудикіе, полукочующіе люди. Одѣтые въ продолженіи всего почти года въ вывороченные шерстью вверхъ овечьи тулупы, въ мѣховыя шапки съ широкими и длинными ушами и полями (*шлык*), въ мѣховыя сапоги и рукавицы, по наружности своей они походили болѣе на звѣрей, чѣмъ на людей.

Земледѣліе, лучшая связь человѣка съ землею, было имъ почти незнакомо. Дикій видъ земли, при разработкѣ ея, представлялъ большія препятствія, которыя народъ не хотѣлъ преодолевать. По этому только весьма незначительное пространство земли было обработано и то въ такой лишь степени, въ какой можно было это

сдѣлать деревяннымъ плугомъ. Языческіе Литовцы были такъ невѣжественны, что не могли понять пользы желѣза и были противъ него предубѣждены. Кстати замѣтимъ, что они были также предубѣждены противъ каменныхъ укрѣпленій и потому не только сами укрѣплялись деревянными стѣнами, но даже, завладѣвъ непріятельскою каменною крѣпостцою, считали ее не столь прочною, какъ деревянную, срывали ее и воздвигали деревянную. Не имѣя довольно хлѣба, Литовцы питались домашнимъ скотомъ, рыбою, звѣрями, птицами, медомъ и грибами.

Къ счастію ихъ, въ лѣсахъ водилось множество звѣрей, доставлявшихъ вкусную пищу и дорогіе мѣха. При томъ, рога зубровъ служили обыкновенною посудю. Они употреблялись вмѣсто кубковъ и стакановъ; и потому у богатыхъ Литовцевъ они были оправлены въ серебро. Когда Литовцы собирались въ походъ, то обыкновенно производили большую охоту, чтобы приготовить войску нужное количество соленой и копченой дичи. Не мало также Литовцевъ питалось свѣжими и сушеными рыбами, водившимися въ тамошнихъ рѣкахъ въ весьма большомъ количествѣ. Впрочемъ Литовцы наиболѣе занимались разведеніемъ рогатаго скота и лошадей. Особенно были многочисленны княжескіе табуны. Князь Витольдъ имѣлъ до 10000 своихъ вѣрховыхъ лошадей. Даже бѣдный крестьянинъ содержалъ до 60 штукъ рогатаго скота, не включая въ это число овецъ и козъ. Не моловажнымъ тоже промысломъ было пчеловодство. Литва, и въ настоящее время богатая лучшими сортами меду, въ старину была имъ

еще богаче. Ковенскій медъ считался жителями лучшимъ изъ всѣхъ.

Къ числу значительныхъ промысловъ Литовцевъ надобно присоединить огородничество. Они сѣяли въ своихъ огородахъ всякаго рода зелень, и часто большая печеная рѣпа замѣняла хлѣбъ, даже у бояръ. При томъ, въ огородахъ ихъ засѣвались ленъ и пенька, которыхъ употребленіе, за неимѣніемъ суконъ, было весьма важно. Литовцы любили также засѣвать, вокругъ своихъ жилищъ, цвѣты, которыми они украшались сами и украшали свои избы. Съ любовію къ цвѣтамъ соединялось у нихъ знаніе цѣлебной силы многихъ растеній.

Литовскія жилища были непрочны и неудобны. Самый богатый домъ, по литовски *нума*, представлялъ видъ наскоро построеннаго шалаша кочующаго племени. Вообразите себѣ, на 10 квадратныхъ саженьяхъ, подъ общею крышею, укрѣпленную на четырехъ стѣнахъ безъ оконъ, расположенное вокругъ огня на земляномъ полу литовское семейство, а немного поодаль лошадей и рогатый скотъ; вотъ литовская нума. Удивительно ли, что Литовцы, даже во времена своего могущества, думали сняться съ своихъ мѣстъ и перекочевать въ мѣста болѣе безопасныя отъ нападенія рыцарей Нѣмецкаго ордена. Это намѣреніе повторилось и при крещеніи Литвы.

Не имѣя никакихъ законовъ, языческіе Литовцы управлялись однимъ произволомъ. Участь всѣхъ ихъ зависела отъ произвола князей, а участь простого народа отъ произвола господъ, или литовскихъ бояръ.

Слѣдствіемъ этого было всеобщее рабство. Такъ бояре были рабами князя; безъ воли его, они не могли ни продать землю, ни оставить ее въ наслѣдство дѣтямъ; не могли по своему желанію выдать дочерей своихъ замужъ. Жена была рабою мужа, покупавшаго ее. Онъ могъ продать ее съ дѣтьми въ рабство или отдать заимодавцу за долгъ. Дѣти были собственностію отца, властелина ихъ жизни и свободы. Отецъ, не имѣя права выдать дочь замужъ, безъ дозволенія князя, могъ однако продать ее въ рабство или даже убить, въ дѣтствѣ. Крестьянинъ былъ рабомъ не только своего, но каждаго господина. Онъ долженъ былъ равнодушно смотрѣть, какъ какой либо проѣзжіи бояринъ присвоивалъ себѣ его имѣніе. Кромѣ того въ Литвѣ, почти въ каждомъ домѣ, было много рабовъ настоящихъ. Они состояли изъ военно-плѣнныхъ, отданныхъ въ рабство, по рѣшенію суда, изъ сочетавшихся бракомъ съ рабами или съ рабынями, изъ прижитыхъ отъ такихъ браковъ дѣтей, наконецъ изъ людей, поступившихъ въ безусловное рабство, по доброй волѣ, съ голода, за долги, или за неуплаченныя подати. Литовскій хозяинъ оцѣнивалъ свое богатство количествомъ рабовъ, которые шли въ приданое за ихъ дочерьми, слѣдовали за своими господами на войну и сожигались живые вмѣстѣ съ ихъ трупами. Духъ рабства такъ проникъ все ихъ общество, что даже независимые Литовцы охотно принимали на себя роль слугъ и преклоняли колѣни предъ самою тѣною верховной власти, предъ каждымъ знакомъ своихъ князей. Князья же, будучи за границею образованными рыцарями, были

у себя настоящими восточными деспотатами. Послы городовъ, находившихся въ зависимости отъ великихъ князей литовскихъ, не иначе приближались къ нимъ, какъ падая лицомъ на землю и цѣлуя ее. Только страхъ удерживалъ всѣхъ въ покорности, а для большаго внушенія его и поддержанія, въ языческой Литвѣ существовали разнаго рода тюрьмы, пытки и казни. Во время проѣзда великаго князя по краю, всегда былъ при немъ слуга съ натянутымъ лукомъ, изъ котораго, по приказанію князя, онъ убивалъ всякаго въ чемъ либо виновнаго. Нерѣдко гнѣвный князь приказывалъ зашить провинившагося въ медвѣжью шкуру и отдать на растерзаніе дикимъ звѣрямъ; или же приказывалъ ему удавиться, и тотъ немедленно надѣвалъ на свою шею петлю.

Всѣ жители языческой Литвы, за исключеніемъ жрецовъ и иностранцевъ, дѣлились на четыре сословія, а именно: князей, бояръ, подданныхъ и рабовъ. Литовскіе князья, состоя изъ значительнаго числа лицъ, составляли цѣлое сословіе. Великіе князья не были непосредственные властители всей Литвы.

Они непосредственно управляли городомъ Вильно съ принадлежавшимъ къ нему княжествомъ (нынѣшняя Виленская губернія), а также довольно часто они управляли и Жмудью. Остальными землями управляли, на правахъ собственности, потомки Гедимина, то есть нѣсколько десятковъ родственныхъ князей. Всякій изъ нихъ, будучи неограниченъ въ своемъ княжествѣ, долженъ былъ признавать верховную власть великаго князя. Но эти князья всячески старались уклониться

отъ вліянія великихъ князей, и потому послѣдніе предпринимали мѣры къ изгнанію ихъ изъ княжествъ. Отсюда происходили безпрестанныя перемѣны въ титулахъ и владѣніяхъ: Каждый князь жилъ доходами съ своихъ земель, на которыхъ онъ держалъ большіе табуны лошадей, стада рогатаго скота, при томъ у каждаго изъ нихъ велось хозяйство и производились въ большихъ размѣрахъ охота и рыболовство.

Второе сословіе составляли литовскіе бояре. Они были болѣе или менѣе зажиточные землевладѣльцы. Ограниченные князьями въ распоряженіи собственности и судьбою семейства; обязанные къ безусловной военной службѣ, уплатѣ разныхъ податей и даже къ работѣ, по требованію князя, они составляли только болѣе богатый классъ его подданныхъ; князья же были расположены болѣе къ своимъ непосредственнымъ подданнымъ, то есть рабамъ, нежели къ боярамъ, потому что благосостояніе нѣкоторыхъ бояръ порождалъ въ князьяхъ опасеніе на счетъ безусловнаго ихъ послушанія. По этому князья преимущественно выбирали себѣ приближенныхъ и совѣтниковъ изъ своихъ рабовъ. Такъ, любимецъ великаго князя Ягеллы, Войдылло изъ повара сталъ сперва придворнымъ, потомъ пожалованъ въ старосты, главноуправляющіе и наконецъ женился на сестрѣ великаго князя. Если послѣ котораго нибудь изъ бояръ оставалась дочь съ большимъ приданымъ, то князь охотно выдавалъ ее замужъ за простаго конюха, лишь бы онъ былъ отваженъ и вѣренъ. Большая часть должностей замѣщалась невольниками. Кстати, замѣтимъ здѣсь, что управленіе ли-

товскимъ народомъ было немногосложно. Важнѣйшіе должностныя лица были: княжескій намѣстникъ; цивунъ или иначе староста, то есть управитель укрѣпленнаго мѣста и вмѣстѣ съ тѣмъ судья; дзиецкій или великій возный, доставлявшій преступниковъ въ мѣста правосудія, которое находилось: надъ простымъ народомъ—въ рукахъ боярѣ, а надъ сими послѣдними въ рукахъ намѣстниковъ и цивуновъ. Кромѣ означенныхъ должностныхъ лицъ, были еще сборщики податей, сборщики купеческихъ пошлинъ и нѣкоторые другіе. Всѣ они отправляли свои обязанности грозно и по возможности обирали народъ.

Третье сословіе составляли подданные, или крестьяне. Они рѣзко не отличались отъ четвертаго сословія, то есть отъ безусловныхъ рабовъ. Оба эти сословія были въ полной зависимости отъ своихъ господъ. При неразвитомъ земледѣліи, они не были исключительно земледѣльцами; отъ воли господина зависило употребить тѣхъ и другихъ на службу въ лѣсу, или при стадѣ, на рѣкѣ, съ сѣткою, или для воздѣланія поля, или наконецъ, вооруженныхъ пикою или лукомъ, взять съ собою на войну.

И такъ, стало быть, всѣ литовцы жили такъ, какъ хотѣлъ ихъ князь, всѣ дѣлали то, что онъ заставлялъ ихъ дѣлать; удивительно ли, что литовскіе князья, любившіе безпрестанные набѣги на сосѣдственныя земли, находили всегда готовое войско, въ которомъ страсть къ грабежу поддерживалась ежегодными вторженіями въ Пруссію, Русскія княжества и въ Польшу?

Обязанность женщинъ было, конечно, домашнее хозяйство, а если женъ было нѣсколько (*), то старшая распоряжалась другими. Онѣ ходили за скотомъ, пряли прялку и ткали холстъ. Женщины пользовались значительною свободою. Одѣваясь почти также, какъ мужчины (**), онѣ часто являлись въ многочисленныя народныя собранія. Не разъ случалось, что наслѣдница старосты, за отсутствіемъ отца, управляла ввѣреннымъ ему замкомъ. Естественнымъ образомъ рождается вопросъ, чѣмъ же занимался бояринъ литовскій дома? Имѣя въ изобиліи приготовляемый изъ кобыльаго молока кумысъ, отличные меда, разнаго рода пиво, Литовцы, въ мирное время, то и дѣло что пировали и пьянствовали. Хозяинъ дома, гдѣ происходило пиршество, усѣвшись съ гостями за столъ, пилъ съ каждымъ изъ нихъ и уговаривалъ пить всякаго; даже принуждалъ къ этому подарками, которые дѣйствительно давались наиболѣе выпившимъ. Женщины и дѣвицы также принимали участіе въ пирахъ, обыкновенно продолжавшихся до полуночи; только тогда всѣ засыпали большею частію подъ столомъ, или на лавкахъ, гдѣ сидѣли. Литовскія пиршества освящались самой религіей. Всѣ литовскіе обряды и праздники сопровождались пиршествами. Кто изъ нихъ далъ гостямъ болѣе

(*) Въ Языческой Литвѣ, какъ на Востокѣ, преобладало многоженство и мужья покупали женъ.

(**) Разница одежды женской отъ мужской состояла въ томъ, что, вмѣсто шапокъ, онѣ обертывали головы очень длинными, въ нѣсколько разъ сложенными, бѣлыми холстами.

съѣсть и выпить, тотъ считался болѣе религіознымъ. Само собою разумѣется, что только зажиточные люди могли исполнять и дѣйствительно исполняли всѣ предписанные религіею обряды; бѣдные же люди, лишь въ осенніе праздники, послѣ уборки хлѣба и огородныхъ растений, пировали, сколько позволяли ихъ средства.

Самыя древнія литовскія преданія говорятъ, что Литовцы поклонялись солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и огню. Во времена болѣе историческія они почитали Перкуна, бога молніи и грома, и сродныхъ съ нимъ: Аушве, Сотвароса, Окопирмоса и Швайктоса, которые были божествами небеснаго свѣта; а также Потримпоса, или Атримпоса—божество урожая; Поклуса—бога истребленія и Курно или Земеникаса—божество земныхъ плодовъ. Въ давно истребленномъ нѣмецкими рыцарями главномъ литовско-прусскомъ городѣ Ромовѣ, подъ тѣною священнаго дуба, стоялъ великій жертвенникъ съ идоломъ, представлявшимъ три божества: Перкуна, Потримпа и Поклуса. Любимое и обыкновенное жертвоприношеніе Литовцевъ своимъ богамъ было разведеніе огня въ храмѣ, или даже дома; во многихъ же мѣстахъ построены были у нихъ на возвышенностяхъ земли храмы, въ которыхъ пылалъ вѣчный огонь Жнича, тщательно поддерживаемый жрецами. А какъ воображеніе Литовцевъ вездѣ видѣло чудеса и сверхъестественныя явленія, и весь міръ представлялся имъ храмомъ и проявленіемъ силы небесныхъ божествъ, то, почитая небо, они почитали

также и землю со всѣмъ, на ней находящимся. Они считали священными холмы, боры, рощи, озера, рѣки и разныхъ животныхъ; ужи, ящерицы и вообще пресмыкающіяся, по сырости литовской земли, весьма многочисленныя, имѣли въ каждомъ домѣ храмъ и жертву, состоящую изъ молока. Кромѣ того всякій предметъ, всякое занятіе человѣка имѣло особое божество, и потому ихъ міръ наполненъ былъ богами, полубогами, богинями, добрыми и злыми духами. Кромѣ вышеописанныхъ, были божества весны, любви, хозяйства, хлѣбовъ, охоты, пчеловодства, садовъ, лѣсовъ, льна, напитоковъ, орѣховъ, стадъ, табуновъ, путешественниковъ, и прочія. Всякій домъ, всякое зажиточное семейство находилось подъ опекою особаго Нумеяса; всякій шагъ въ жизни подлежалъ благословенію или гнѣву божества предпринимаемаго дѣла. По этому, разстилая на зиму въ избѣ мохъ, вспахивая первый загонъ земли или вынимая изъ печки первый коровай хлѣба, Литовцы считали нужнымъ отдать честь божествамъ этихъ дѣйствій. И какъ страстно они желали знать, хорошо или худо это принято? какая будетъ участь предпріятія? что будетъ въ будущемъ? Поэтому, шедшая на непріятеля военная рать, хозяинъ, ожидающій жатвы, больной, обремененный долговременнымъ страданіемъ, пастухъ, потерявшій стадо, дѣвушка, видѣвшая во снѣ медь, словомъ, всѣ ходили къ ворожеямъ за совѣтомъ. Согласно множеству божествъ и многочисленности спрашивавшихъ о будущемъ, въ Литвѣ много было жрецовъ и знахарей. «Въ каждомъ языческомъ домѣ, гово-

рять современникъ, находятся вѣщатели, жертвоприносители, чародѣи; всѣ они носятъ важную, жреческую одежду.»

Подъ верховною властью первосвященника, называвшагося Криве-Кривейта, было нѣсколько степеней жрецовъ—а именно: Кривы или жрецы и судьи, вайделоты—второстепенные жрецы; виршайтосъ—жертвоприносители, сигеноты—языческіе монахи, тилуссоны и лингуссоны—исполнители обрядовъ при похоронахъ; буртиникасы—литовскіе барды и прочее. Въ послѣдствіи времени, хотя вѣра литовцевъ въ могущество ихъ боговъ ослабѣла, такъ что многіе даже жрецы перешли въ христіанскую Пруссію, однакожь жертвоприношенія и ворожба все продолжались и число жрецовъ, знахарей, сейтоновъ, лабдариссовъ не уменьшалось. По прежнему приходили къ нимъ съ вопросами въ разныхъ случаяхъ жизни и вѣрили въ ихъ предсказанія. Способы ворожить были у нихъ весьма различны. Такъ напр. войску, идущему на войну, вѣщатель приказывалъ достать внутренности перваго военноплѣннаго и смотря потому, какъ онѣ выходили, съ большимъ или меньшимъ количествомъ крови, предсказывалъ о судьбѣ похода. Чтобы узнать хороша ли будетъ жатва домохозяина, жертвоприноситель вызывалъ домашняго ужа на столъ къ мискѣ, и судя потому, являлся ли онъ, или не являлся, заключалъ о жатвѣ. Гадавшій о концѣ болѣзни страдальца, вызывалъ въ храмѣ тѣнь его; если она являлась лицомъ, это значило здоровье; если же спиною, то смерть. Слѣдъ угнавшаго стадо вора колдунъ отыскивалъ въ кружкѣ, наполненной пивомъ.

Бросивъ въ нее монетку, онъ смотрѣлъ какое она прійметъ направленіе: по немъ онъ опредѣлялъ о томъ, въ какую сторону бѣжалъ воръ. Дѣвицѣ, видѣвшей во снѣ медъ, знахарь совѣтовалъ беречь чистоту нравовъ, потому что медъ означалъ искушеніе.

У языческихъ литовцевъ много было праздниковъ, которые сопровождались большими, или меньшими пиршествами; главныхъ праздниковъ было у нихъ шесть. Первый, Новый годъ торжествовался сожиганіемъ истекшаго года, въ видѣ старой колоды, и встрѣчею новаго, въ видѣ маленькой деревянной лодки. За нимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, называвшемся у литовцевъ голубинымъ, они праздновали встрѣчу весны, въ честь божества этого времени года, Пергрубиса. Послѣ молитвы объ урожаѣ и многихъ жертвоприношеній, каждое селеніе устраивало общій пирь. Около нашего праздника св. Іоанна, что 24 іюня, Литовцы праздновали въ честь Росы; празднество это сопровождалось разведеніемъ на холмахъ большихъ костровъ и пляскою съ пѣніемъ, вокругъ огня. Въ концѣ сентября, послѣ уборки съ полей, начинался рядъ празднествъ, продолжавшихся нѣсколько недѣль и посвященныхъ: богу земли, тѣнямъ умершихъ, богу Перкуну, наконецъ божеству льна. Пиршества обыкновенно продолжались до тѣхъ поръ, пока доставало припасовъ. Если кто умиралъ въ это время, язычники весьма удивлялись ему. Они думали, что нельзя было умереть, когда у нихъ такъ много яствъ и питья. Эти пиршества совершались подъ открытымъ небомъ, на большихъ полянахъ среди лѣсовъ, въ общемъ сборѣ всего народа.

При наступленіи праздниковъ, на мѣстѣ, назначенномъ для ихъ совершенія, отъ всѣхъ хозяевъ являлись кадки пива и меду, груды гусей, куръ, телятъ, ягнятъ; а также назначенный для пиршества рогатый скотъ. Празднество начиналось тѣмъ, что предъ жрецомъ клали нѣсколько штукъ скота, который онъ убивалъ палкою. По его примѣру всѣ присутствовашіе бросались на остальныхъ птицъ и животныхъ и подобнымъ же образомъ, безъ кровопролитія, убивали ихъ палками. Послѣ этого жертвы жарились и варились, а народъ въ это время пѣлъ пѣсни и плясалъ. Въ заключеніе начинались угощенія, продолжавшіяся нѣсколько дней. Самыя торжественныя пиршества Хаутурей или Дзяды, т. е. поминки всѣхъ умершихъ, совершались всегда въ лѣсахъ на языческихъ кладбищахъ.

Всякая деревня имѣла въ лѣсу кладбище, состоявшее изъ столькихъ могилъ и надмогильныхъ пепелищъ, сколько было въ деревнѣ семействъ. На этихъ мѣстахъ въ праздникъ Хаутурей собирались жители съ запасами для пиршества и съ одеждою для умершихъ. Послѣ нѣсколькихъ дневныхъ пиршествъ, послѣ жертвоприношенія Перкуну, совершалось кормленіе умершихъ, состоявшее въ томъ, что каждое семейство, на могилѣ своихъ умершихъ, вливало въ холодное надмогильное пепелище жертвенную кровь, ставило на цыновкахъ миски съ пищею, и на сучьяхъ ближайшаго дерева развѣшивало одежду. Ночью звѣри, или хищныя птицы, или заготовлявшіе въ лѣсахъ мачты христіанскіе дровосѣки опоражнѣвали миски и уносили одежду, а язычники на другой день, радуясь, что умершіе при-

няли имъ оставленное, предавались опять пиршествамъ, до совершеннаго истощенія запасовъ.

Смерть Литовца сопровождалась продолжительными печальными обрядами. Вдова должна была, по ихъ обыкновению, тридцать дней плакать на гробъ мужа; мужъ восемь дней на гробъ жены. Кромъ того въ третій, шестой и девятый дни послѣ сожженія (*) или погребенія умершаго, возобновлялось похоронное торжество, соединявшееся съ угощеніемъ многочисленныхъ гостей. Въ сороковой день совершалось особеннаго

(*) Тѣла умершихъ въ язычествѣ великихъ князей Литовскихъ сжигались и погребались слѣдующимъ образомъ. На Виленскомъ кладбищѣ, называвшемся Свенторогъ, рылась большая, глубиною болѣе нежели въ сажень, могила, надъ которою укладывался огромный, изъ сухого смолистаго дерева, костеръ. На немъ клали: облаченное въ великокняжескую одежду тѣло покойнаго съ его лукомъ и стрѣлами, живого слугу, живого убраннаго коня, по парѣ гончихъ и борзыхъ, рысьи и медвѣжьи когти и охотничій рожокъ. Они клали все это для того, чтобы покойный могъ и въ другомъ мірѣ воевать и охотиться. Послѣ того, по принесеніи предписанныхъ религіею жертвъ богамъ, Тилуссоны и Лингуссоны воспѣвали славныя дѣла умершаго, и за тѣмъ зажигался костеръ сверху. Когда огонь доходилъ до основанія костра, тогда костеръ обрушивался и проваливался въ могилу; но изъ нея долго еще пламя вылетало высоко надъ поверхностью земли. Такимъ же образомъ совершалось сожиганіе прочихъ языческихъ Литовцевъ, только съ меньшею торжественностію, или съ однимъ только соблюденіемъ предписанныхъ религіею обрядовъ, состоявшихъ въ принесеніи жертвы богамъ; возлѣ тѣла всякаго покойнаго родственники его клали на костеръ любимыя имъ во время жизни вещи.

рада торжество. Нѣсколько десятковъ человѣкъ угощалось нѣсколько часовъ, сохраняя глубочайшее молчаніе. Нельзя было при этомъ произнести ни одного слова, ни стукнуть посудой, ни позволить лаять собакамъ; потому что это могло бы испугать тѣнь покойнаго, для котораго и приготовлено было угощеніе. Такая же тишина царствовала въ храмахъ и вокругъ ихъ. Самое названіе главной столицы язычества Пруссаковъ и Литовцевъ — Ромове означало мѣсто вѣчнаго спокойствія.

Впрочемъ всѣ литовскіе праздники, кромѣ Росы, сопровождались таинственными обрядами въ честь умершихъ, которыхъ они считали своими собесѣдниками. Удивительно ли, послѣ всего сказаннаго, что Литовцы не боялись смерти; и чего имъ бояться? Единственное удовольствіе въ ихъ жизни — пресыщеніе, обыкновенно сопровождалось, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, всякаго рода лишеніями, потому что они вообще были бѣдны. Печеная рѣпа была обыкновеннымъ кушаньемъ даже бояръ, посылавшихъ ее взаимно, въ видѣ подарка. Не только не было у нихъ золота и серебра, но даже не было и желѣза. Нерѣдко случалось, что цѣлыя семейства, по причинѣ голода, отдавались въ рабство, или убѣгали къ нѣмецкимъ рыцарямъ, богатымъ своимъ врагамъ. По этому Литовцы не только не боялись смерти, но часто желали ее и ускоряли. По ихъ вѣрованіямъ, сожигавшій себя добровольно на кострѣ въ честь боговъ дѣлалъ имъ угодное. Въ духѣ этого равнодушія къ жизни, родители нерѣдко утопляли новорожденныхъ дѣтей женскаго пола. Такой же участи

подвергались дѣти болѣзненные, калѣки, какъ бремя общества, немогущаго удовлетворить потребностямъ людей здоровыхъ. На этомъ же основаніи, дѣти лишали жизни престарѣлыхъ родителей; братъ сожигалъ еще живого, долго и безнадежно страдавшаго отъ болѣзни брата. Рабъ считалъ своею обыкновенною участію — сгорѣть на кострѣ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ. Преступникъ, исполняя приговоръ, безъ всякаго сожалѣнія забрасывалъ на шею петлю. Каждый городъ, каждое селеніе, даже въ позднее время, имѣли висѣлицы, на которыхъ жизнь человѣческая тратилась понапрасну. Печаленъ былъ видъ Литвы, грубы, но страшны для сосѣдей нравы ея обитателей до тѣхъ поръ, пока христіанская вѣра не опрокинула идоловъ и не смягчила нравъ литовскаго народа.

Это событіе важно для Литвы еще и потому, что, соединясь въ это время съ Польшею, она заняла, вмѣстѣ съ нею, хотя на нѣкоторое время, довольно почетное мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ.

С. Рутковскій.

АНГЛІЙСКІЯ ЛОШАДИНЫЯ СКАЧКИ.

Лошадиныя скачки составляютъ одно изъ любимѣйшихъ удовольствій англичанъ. На этихъ скачкахъ отличаются англійскія лошади, горячей арабской крови, которыя въ пять или девять минутъ пробѣгаютъ пространство на полтора часа обыкновенной ѣзды.

Для скачекъ выбираютъ возвышенное мѣсто, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и огораживаютъ это мѣсто перилами. Вообще оно должно быть обширное, сухое и ровное, но въ немъ должны встрѣчаться и неудобныя мѣстности, напр. низменныя мѣста, возвышенія, кустарники, болота, и тому подобное, которыя необходимы для такъ называемыхъ «скачекъ съ препятствіями (*)».

Знаменитѣйшее мѣсто для скачекъ находится въ Ирландіи, близъ Килькенни; здѣсь устроено до восемнадцати ристалищъ. Возлѣ самой дороги, имѣющей

(*) Въ Соединенномъ Британскомъ королевствѣ насчитываютъ до 120 мѣстъ, удобныхъ для скачекъ.

въ ширину до 20 футовъ, находится небольшое зданіе (важня), въ которомъ взвѣшиваютъ жокеевъ и помѣщаются надзиратели скачекъ. Этотъ же домъ служитъ сборнымъ пунктомъ для тѣхъ, которые держатъ пари. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этого строенія стоитъ другое, назначенное для дамъ и почетныхъ лицъ, которыя платятъ за входъ три шиллинга. За этими зданіями устроиваются подмости безъ крыши, для такихъ зрителей, которые въ состояніи заплатить не больше двухъ шиллинговъ; отсюда смотрѣтъ очень удобно и здѣсь всегда бываетъ много народу. Остальные зрители, не желающіе ничего платить за удовольствіе видѣть скачки, становятся за перилами, или взбираются на какойнибудь холмъ и смотрятъ оттуда. На скачкахъ бываетъ иногда отъ 4 до 50 тысячъ зрителей, которые толпами прибываютъ сюда съ разныхъ сторонъ, изъ-за нѣсколькихъ миль, пѣшкомъ, верхомъ или въ каретахъ. Здѣсь встрѣчаются даже больные и калѣки.

За нѣсколько дней до открытія скачекъ надзиратели начинаютъ ходить по домамъ и собирать добровольныя приношенія, которыя всякій охотно даетъ по сочувствію къ народному празднику, или потому, что въ замѣнъ пожертвованныхъ денегъ городъ получить выгоду отъ множества вновь прибывшаго народу. Изъ этихъ приношеній и суммы, выручаемой отъ продажи мѣстъ, назначаются призы для побѣдителей. Призъ состоитъ изъ 50 фунт. стерл. (около 312 руб.) и каждый день выдается только по одному призу, а скачки продолжаются три дня.

Скаковыхъ лошадей воспитываютъ и приучаютъ къ верховой ѣздѣ съ особеннымъ попеченіемъ, что составляетъ занятіе жокеевъ (берейторовъ), между которыми встрѣчаются молодые люди и люди пожилыхъ лѣтъ.

Лучшія скаковыя лошади принадлежатъ, большею частью богатымъ людямъ, которые на хорошую лошадь издерживаютъ до 1000 фунт. стерлинговъ (слишкомъ 6000 р.). Но при этомъ требуется достовѣрное свидѣтельство въ томъ, что такая лошадь нѣсколько разъ выигрывала на скачкахъ призы. Многія частныя лица держатъ такихъ лошадей для спекуляціи.

Воспитаніе скаковой лошади требуетъ особеннаго искусства. При кормленіи ея наблюдаются извѣстныя правила: ей даютъ часто слабительное; каждый день ее чистятъ и моютъ и она постоянно стоитъ покрытая толстой шерстяной попоной. Вслѣдствіе такого ухода, лошади приобрѣтаютъ красивый видъ и нѣжную, тонкую кожу, хотя онѣ не отличаются толщиной; онѣ, подобно избалованнымъ дѣтямъ, дѣлаются непослушными, напр. однѣ бьютъ задомъ, не даютъ садиться на нихъ, не стоятъ покойно на мѣстѣ, а другія, напротивъ, до того упрямы, что не хотятъ двинуться съ мѣста, не смотря ни на какія побужденія.

Успѣхъ на скачкахъ зависитъ сколько отъ быстроты лошадей, столько же и отъ искусства всадниковъ. Если двѣ лошади бѣгутъ съ равной скоростью, но одинъ всадникъ тяжеле другого хотя только 7-ю фунтами, то первый на разстояніи 4 англійскихъ миль опередитъ другого на 100 футовъ. Это дознано опытомъ и поэтому надзиратели смотрятъ за тѣмъ,

чтобы жокеи назначались равные по вѣсу. Если одинъ легче другого, то для равновѣсія кладутъ въ карманы свинцу. Употребляютъ также пустыя трубки, наполненныя дробью, прикрѣпляя ихъ къ сѣдлу, или всыпаютъ свинцовой дроби въ кожаный мѣшокъ, который жокей обвязываетъ вокругъ себя въ видѣ пояса. При этомъ наблюдается, чтобы лошади не были обременены излишнею тяжестью. Для пятилѣтней лошади вѣсъ тяжести вмѣстѣ съ всадникомъ и сѣдломъ полагается въ 126 фунтовъ, а для четырехлѣтней — не болѣе одного центнера. Если жокей слишкомъ тучень, то онъ старается въ продолженіи полугода изнурять себя постною пищею, слабительнымъ, потѣніемъ и усиленнымъ движеніемъ. Сѣдло жокея бываетъ величиною не больше суповой тарелки и вѣситъ только три фунта. Жокеи носятъ тонкіе панталоны, короткіе легкіе сапоги, куртку изъ тонкой тафты, того цвѣта, какой носитъ его господинъ, и маленькую шляпу. Ихъ занятіе требуетъ большой силы, мужества и неустрашимости; они должны быть небольшого роста, крѣпкаго сложенія и непоколебимой честности, потому что при большихъ суммахъ, на которыя идетъ нари, естественнымъ образомъ является подкупъ, такъ что выигрышъ или проигрышъ зависитъ очень часто отъ удара плети жокея или едва замѣтнаго движенія поводьями. Жокеи ѣздятъ верхомъ всегда на тощакъ или полуголодные — и между тѣмъ, какъ другой на ихъ мѣстѣ давно бы упалъ съ лошади отъ усталости, они мчатся зашнурованные во весь опоръ, обливаясь потомъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль. Рассказываютъ объ одномъ

жокеѣ, который на тощахъ сѣлалъ 88 миль не слѣзая съ лошади. Такіе жокеи пользуются извѣстностью и приобрѣтаютъ значительное состояніе. Нѣкоторые изъ нихъ зарабатываютъ до 300 гиней въ годъ.

Ѣзда ихъ верхомъ отличается нѣкоторыми особенностями. Они не сидятъ на сѣдлѣ, а держатся только на стременахъ, подаваясь корпусомъ нѣсколько впередъ, но за то такъ крѣпко сжимаютъ колѣнами бока лошади, что у нея появляются отъ этого раны. Поводья держатъ они обѣими руками, заставляя лошадь держать голову внизъ. Это дѣлаютъ они для того, чтобы уменьшить напоръ воздуха и сотрясеніе въ спинномъ хребтѣ отъ скачковъ лошади. На всемъ скаку лошадь принимаетъ такое положеніе, что брюхо ея едва не касается земли. Вообще должно сказать, что видъ согнутаго всадника и вытянутой въ линію лошади не производитъ на зрителя пріятнаго впечатлѣнія.

За нѣсколько дней до открытія скачекъ начинаютъ приводить изъ разныхъ мѣстъ лошадей и о прибытіи ихъ объявляютъ въ газетахъ. Иныя лошади носятъ громкія имена и потому возбуждаютъ большія ожиданія. До открытія скачекъ разносятъ печатныя объявленія о томъ, какія лошади будутъ бѣгать въ этотъ день и подъ управленіемъ какихъ жокеевъ.

Скачки начинаются обыкновенно въ первую среду послѣ праздника Троицы. Народъ толпами спѣшитъ къ назначенному мѣсту. Въ часъ пополудни поданъ былъ однажды трубою первый сигналъ, и четыре лошади, назначенныя въ тотъ день для скачекъ, приведены были, подъ попонами, на мѣсто. За ними появились четыре

всадника съ сѣдлами, которыя надзиратели тотчасъ же взвѣсили. Съ лошадей сняли попоны и начали сѣдлатъ.

Народъ долженъ былъ немного отступитъ отъ перилъ, и при второмъ сигналѣ жокеи сидѣли уже на лошадяхъ, крѣпко держа поводья, и не позволяя никому вести лошадей подъ уздцы, для того, чтобы лошади не бросались въ скачъ прежде сигнала. Но вотъ поданъ третій сигналъ и началось ристаніе. «Впередъ! смѣлѣй!» послышалось въ толпѣ народа. Тысячи глазъ, очковъ и биноклей обратились вдругъ по направленію дороги. Жокеи пустили лошадей снача рысью, потомъ легкимъ голопомъ, для того, чтобы разгорячить ихъ, но поровнявшись съ мѣстомъ, гдѣ стоятъ смотрители, они пустились во весь опоръ. Черезъ минуту всадники скрылись въ густой пыли, сквозь которую только изрѣдка сверкали длинныя и стройныя ноги лошадей. Толпа зрителей взволновалась. «Прекрасно! Bravo! Впередъ, впередъ! Держись крѣпче, Карлей!» слышатся сотни голосовъ въ толпѣ зрителей. Чѣмъ ближе всадники къ цѣли, тѣмъ крики сильнѣе, лошади несутся во весь опоръ, вытянувшись въ линію, жокеи согнувшись на сѣдлѣ употребляютъ все усилія, чтобы побудить къ скорости усталыхъ животныхъ. Еще нѣсколько минутъ — и всадники достигли цѣли. Нѣкоторые потеряли всякую надежду и отстали далеко отъ другихъ. Двое или трое все еще скачутъ, ни одинъ изъ нихъ не уступаетъ другому въ силѣ, ловкости и неутомимости, — но кто изъ нихъ смѣлѣе, это пока неизвѣстно. Крики зрителей сливаются въ неистовый ревъ. Измученное животное дѣлаетъ послѣдній скачекъ

и первое достигаетъ цѣли. Но случается иногда, что лошадь пронесется за цѣль, прежде чѣмъ жокей успѣетъ остановить ее. Окружность ристалища заключаетъ въ себѣ англійскую милю и это разстояніе лошадь пробѣгаетъ въ двѣ минуты. Пятилѣтія лошади должны пробѣгать это пространство 4 раза, слѣдовательно сдѣлать 4 мили для того, чтобы выиграть призъ. Побѣдителемъ признается та лошадь, которая опередила другую хотя бы только на разстояніи лошадиной головы. Послѣ того лошадей проводятъ, чистятъ и даютъ часъ на отдыхъ, до начала другой скачки. Въ это время жокеевъ снова взвѣшиваютъ, для того, чтобы узнать, не сбросили ли они съ себя во время скачки какую нибудь тяжесть. Если при этомъ окажется, что въ карманѣ жокея не достаетъ свинца, или онъ потерялъ шляпу или хлыстъ, то всѣ усилія его были напрасны и онъ не получаетъ никакого вознагражденія. Но случается, что жокей теряетъ часть своего вѣса отъ излишняго пота и въ такомъ случаѣ недостатокъ одного фунта не принимается въ соображеніе.

Для того, чтобы выиграть призъ, лошадь должна перегнать другихъ лошадей по крайней мѣрѣ два раза, тогда выдается призъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ и скачки въ тотъ день оканчиваются. Если же на второмъ ристаніи опередить другая лошадь, то заставляютъ бѣжать ту же лошадь въ третій и иногда въ четвертый разъ.

Лошадь, выигравшая призъ, не имѣетъ права бѣжать на слѣдующій день, въ который назначаются для состязанія другія лошади по очереди. На жокеевъ это

запрещеніе не распространяется, и они могут скакать каждый день, на какой угодно лошади.

Если лошадь выиграетъ призъ, то владѣлецъ ея даетъ жокею награду въ 10 гиней, въ противномъ же случаѣ — только 5 гиней.

На скачкахъ многіе держатъ пари на огромныя суммы, за ту или за другую лошадь. Такіе люди изучаютъ каждую лошадь и знаютъ сколько та или другая изъ нихъ можетъ вынести. Поэтому пускаться въ заклады весьма опасно. Одинъ изъ такихъ знатковъ лошадей держалъ пари противъ четырехъ, что лошадь, которая опередила другихъ двумя милями, все-таки не получитъ приза, и онъ выигралъ. Онъ очень хорошо зналъ, что лошадь эта была слишкомъ горяча и что она сначала безъ сомнѣнія обгонитъ всѣхъ другихъ лошадей, но что у нея нѣтъ необходимой твердости и потому она, какъ это обыкновенно бываетъ, на четвертой милѣ непременно должна остаться назади. Одинъ мелочной торговецъ выигралъ такимъ образомъ 300 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ того онъ приобрѣлъ въ Лондонѣ нѣсколько отличныхъ домовъ и вблизи города превосходное имѣніе.

Англійскіе поселяне устраиваютъ иногда, для шутки, скачки ословъ; здѣсь также назначаютъ призы и держатъ пари. Все это дѣлается для шутки, но ни какъ не составляетъ національнаго удовольствія. Англичане имѣютъ обыкновеніе обрѣзывать уши у ословъ, отъ чего эти некрасивыя животныя дѣлаются еще некрасивѣе.

КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА.

(ВЪ СОКРАЩЕНІИ)

(продолженіе).

1870

REVENUE DEPARTMENT

STATE OF NEW YORK

(of the year 1870)

(continued)

Faint, illegible text, likely a list or table of contents, possibly containing names and figures.

XXVII.

ВЗРЫВЪ.

На слѣдующее утро послѣ прибытія короля, происходилъ общій смотръ войскамъ герцога бургундскаго, которыя были многочисленны и превосходно устроены. Когда герцогъ въ видѣ привѣтствія вассала своему феодальному государю объявилъ, что войска эти принадлежатъ королю, а не ему самому, то движеніе верхней губы и гордый взглядъ его доказывали убѣжденіе, что слова его были только пустымъ комплиментомъ, и что это прекрасное войско, по его собственной неограниченной волѣ, также готово двинуться на Парижъ, какъ куда бы то ни было. Неудовольствіе Людовика усилилось, когда онъ узналъ въ этой арміи множество знаменъ французскаго дворянства не только изъ Нормандіи или Бретани, но даже изъ областей непосредственно принадлежащихъ французской коронѣ; эти вельможи присоединились къ герцогу бургундскому и дѣйствовали съ нимъ заодно въ слѣдствіе разныхъ обидъ, заставившихъ ихъ покинуть отечество.

Вѣрный своей роли, король, повидимому, мало обращалъ вниманія на этихъ недовольныхъ, хотя на самомъ дѣлѣ перебиралъ въ умѣ своемъ способы, посредствомъ которыхъ можно было бы отдѣлить ихъ отъ Бургундіи и возвратить во Францію. Съ этою цѣлью, онъ рѣшился послать къ тѣмъ, кого онъ счи-

талъ важнѣйшими изъ нихъ, Оливье или другихъ агентовъ, чтобъ въ тайнѣ развѣдать о расположеніи ихъ умовъ.

Самъ онъ старался усердно, хоть и весьма осторожно, склонить въ свою пользу главныхъ военачальниковъ и совѣтниковъ герцога, употребляя для этого обычные способы, т. е. обращая на нихъ благосклонное вниманіе, расточая искусную лесть и не жалѣя щедрыхъ подарковъ — не для того, какъ онъ говорилъ, чтобъ отвлечь ихъ отъ ревностной службы ихъ благородному повелителю, а за тѣмъ, чтобъ они содѣйствовали сохраненію мира между Франціей и Бургундіей: цѣль превосходная сама по себѣ и очевидно клонившаяся къ пользѣ обоихъ государствъ и ихъ владѣтелей.

Одно вниманіе такого мудраго и могущественнаго государя было уже само по себѣ сильною приманкой; обѣщанія дѣлали многое, а прямые подарки, которыхъ обычаи того времени не воспрещали Бургундцамъ принимать безъ зазрѣнія совѣсти, производили еще болѣе. Въ продолженіе кабаньей травли, когда герцогъ, съ всегдашнею своею горячностью увлекавшійся предстоящимъ ему предметомъ, — были ли то дѣла, или удовольствія, — совершенно предался охотѣ, Людовикъ, не стѣсняемый его присутствіемъ, искалъ и находилъ случаи говорить тайно и отдѣльно со многими изъ тѣхъ, которые, по слухамъ, имѣли наиболѣе вліяніе на Карла. Въ числѣ ихъ не были забыты д'Эмберкуръ и Коминъ; онъ также не преминулъ примѣшавать въ число любезностей, сказанныхъ этимъ двумъ

значительнымъ особамъ, похвалъ доблести и воинскому искусству перваго, и глубокой прозорливости и литературнымъ дарованіямъ будущаго историка того періода.

Такая возможность личнаго склоненія въ свою пользу, или, если читателю угодно, возможность подкупа министровъ Карла, составляла, можетъ быть, главную цѣль пріѣзда короля, еслибъ даже ловкости его и не удалось приласкать самого герцога. Сношенія между Франціей и Бургундіей были такъ тѣсны, что выгоды большей части бургундскихъ вельможъ были связаны съ Франціею, и благосклонность Людовика могла имѣть большое вліяніе на успѣхъ, а неудовольствіе могло причинить имъ значительное разстройство. Рожденный для интригъ всякаго рода, щедрый до мотовства, когда это было нужно, искусный въ изобрѣтеніи самыхъ благопріятныхъ предложений для своихъ предложеній и подарковъ, король умѣлъ согласовать духъ гордости разныхъ лицъ съ ихъ корыстью, и показывать истиннымъ или мнимымъ патриотамъ, что главный предметъ его домогательствъ заключается въ благѣ Франціи и Бургундіи, между тѣмъ, какъ частныя выгоды опутываемыхъ имъ людей, подобно скрытымъ колесамъ какой нибудь машины, дѣйствовали не менѣе могущественно отъ того, что помощи ихъ не было видно. Короче сказать, хотя Людовикъ черезъ своихъ министровъ долгое время прѣбывалъ дорогу къ возбужденію такого участія при бургундскомъ дворѣ, которое было бы выгодно пользамъ Франціи, — личныя старанія его, вѣроятно на-

правленные по свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ заранѣе, болѣе содѣйствовали выполнению его плана въ нѣсколько часовъ, нежели всѣ труды его агентовъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Королю не доставало одного только человѣка, котораго онъ особенно желалъ расположить въ свою пользу; то былъ графъ де-Крѣвкеръ, котораго твердость во время пребыванія его въ Плесси въ качествѣ посла, не только не возбудила неудовольствіе въ королѣ, но, напротивъ, казалось, зародила въ немъ желаніе привлечь его по возможности къ себѣ. Людовику не очень пріятно было слышать, что графъ, предводительствуя сотнею копій, отправился на границы Брабанта, чтобъ въ случаѣ нужды помочь епископу противъ его мятежныхъ подданныхъ и Гильйома де-ла-Марка; но онъ утѣшился мыслью, что появленіе его отряда вмѣстѣ съ наставленіями, посланными имъ къ Литтихамъ черезъ надежныхъ агентовъ, послужитъ къ предупреденію безпокойствъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ вспышка ихъ, какъ онъ предвидѣлъ, могла сдѣлать собственное его положеніе весьма ненадежнымъ.

Когда наступилъ полдень, весь дворъ герцога расположился обѣдать въ лѣсу, какъ это водилось при такихъ великолѣпныхъ травахъ; это нравилось также и герцогу, потому что избавляло его отъ необходимости церемонной и почтительной торжественности, съ которою онъ долженъ былъ принимать Людовика. Въ сущности, король ошибся въ одномъ, не смотря на свое знаніе природы человѣческой: онъ думалъ, что посѣщеніе его будетъ невыразимо лестно герцогу, ко-

торый сочтетъ это знакомъ снисходительности и неограниченной довѣренности государя къ вассалу; но онъ забылъ, что зависимость Герцогства Бургундскаго отъ французской короны въ тайнѣ мучила такого могущественнаго, богатаго и гордаго государя, какъ герцогъ Карлъ, который безъ сомнѣнія желалъ бы составить изъ своихъ владѣній независимое королевство. Пребываніе короля при бургундскомъ дворѣ ставило герцога въ необходимость принимать на себя роль подвластнаго вассала и показывать подчиненность и почтительность, что такому надменному властелину казалось униженіемъ достоинства владѣтельнаго государя, которое онъ при всѣхъ случаяхъ по возможности старался поддерживать.

Но если на охотѣ и была возможность избѣгнуть въ значительной степени такого церемоніала, потому что обѣдъ происходилъ на зеленомъ дернѣ, при звукѣ роговъ, при откупориваніи бочекъ и со всей неприужденностію лѣснаго пира, однако по той же причинѣ было необходимо, чтобъ за ужиномъ соблюдалась торжественность больше обыкновенной.

Для этого были отданы предварительныя приказанія, и, возвратясь въ Перонну, Людовикъ нашелъ пиръ, приготовленный съ такимъ блескомъ и великолѣпіемъ, какое приличествовало богатству грознаго вассала, владѣвшаго всѣми Нидерландами, — въ то время богатѣйшею странюю въ Европѣ. Въ головѣ длиннаго стола, гнувшагося подъ тяжестью золотыхъ и серебряныхъ блюдъ, наполненныхъ самыми изысканными лакомствами, сидѣлъ герцогъ, а по правую

его руку, на сѣдалищѣ болѣе возвышенномъ, помѣстился царственный гость его. За Карломъ стоялъ съ одной стороны сынъ герцога Гельдернскаго, исправлявшій должность великаго кравчаго, съ другой шутъ ле-Глорье, безъ котораго Карлъ почти не могъ обойтись: герцогъ Бургундскій, какъ большая часть людей пылкаго и грубаго характера, доводилъ до крайности владычествовавшій въ то время вкусъ къ придворнымъ шутамъ.

Людовикъ не упустилъ случая обращать вниманіе на любимаго шута Карла и восхищаться его выходками: онъ дѣлалъ это и потому, что ему казалось, будто замѣчанія ле Глорье, какъ грубы иногда ни были, прикрывали необыкновенно тонкую и ѣдкую наблюдательность, свойственную его собратіямъ.

Дѣйствительно, Тиль Вецвейлеръ, по прозванію ле-Глорье, никакъ не принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ шутовъ. Это былъ высокій, красивый мужчина, отличавшійся искусствомъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, едва ли сообразныхъ съ умственною слабостью, потому что достиженіе ихъ требовало вниманія и терпѣнія. Онъ обыкновенно сопутствовалъ герцогу на войнѣ и на охотѣ; при Монлери, когда Карлъ подвергался значительной опасности, бывъ раненъ въ горло и чуть не попавшись въ плѣнъ одному французскому рыцарю, схватившему поводья коня его, Тиль Вецвейлеръ такъ стремительно напалъ на непріятеля, что опрокинулъ его и спасъ своего государя. Можетъ быть, онъ побоялся, чтобъ такой услуги не сочли слишкомъ серьезною отъ челоуѣка его званія, и чтобъ

она не надѣлала ему враговъ между тѣми вельможами и рыцарями, которые предоставили заботу о безопасности особы своего государя придворному шуту, — какъ бы то ни было, ему показалось лучше, чтобъ смѣялись надъ его подвигомъ, нежели хвалили его, и онъ принялся хвастать такъ нелѣпо своими воинскими дѣянiями, что большая часть считала освобожденiе герцога такою же баснею, какъ и все остальное въ его разсказѣ. По этому случаю онъ получилъ титулъ ле-Глорье (Le Glorieux, хвастливый), которымъ его въ послѣдствii всегда называли.

Ле-Глорье былъ одѣтъ весьма богато, но съ немногими отличительными признаками своего ремесла, да и тѣ были болѣе символическими, нежели существенными. Голова его не была острижена; напротивъ, онъ носилъ густые, длинные, вившіеся отъ природы волосы, выходившіе изъ подъ шапки и соединявшіеся съ хорошо расчесанною и красиво подстриженною бородою; среди ихъ видно было лицо, которое можно было бы назвать прiятнымъ, еслибъ глаза его не имѣли блуждающаго легкомысленнаго выраженiя. Хребтикъ малиноваго бархата, пришитый къ верхушкѣ его шапки, скорѣе напоминалъ о неизбѣжномъ пѣтушьемъ гребнѣ, всегдашней принадлежности головнаго убора шутовъ по ремеслу, нежели дѣйствительно представлялъ его. Погремушка его, выточенная изъ чернаго дерева, была по обыкновению украшена дурацкою головою съ серебряными ослиными ушами; но она была такъ мала и съ такою мелкою рѣзбою, что съ пер-

ваго взгляда ее можно было принять за жезлъ, означающій достоинство гораздо высшаго разряда. Въ этомъ заключались все наружные признаки его званія; во всемъ другомъ, нарядъ его не уступалъ въ пышности одѣянію самыхъ знатныхъ вельможъ. На шапкѣ его была золотая медаль; на шеѣ онъ носилъ золотую цѣпь, а покрой его богатаго платья былъ немногимъ страшнѣе костюма молодыхъ щеголей, одѣвавшихся по всеѣмъ изысканнымъ притязаніямъ тогдашней моды.

Къ этому замѣчательному лицу Карль, а изъ подражанія своему хозяину, и Людовикъ, обращались часто во время великолѣпнаго ужина; оба, повидимому, обнаруживали искреннимъ смѣхомъ свое удовольствіе при отвѣтахъ ле-Глорье.

— Чьи мѣста остались тамъ незанятыми? спросилъ герцогъ у шута.

— Одно изъ нихъ слѣдовало бы мнѣ, по праву наслѣдства, Карль! отвѣчалъ тотъ.

— Отчего это, негодяй?

— Да отъ того, что эти мѣста предназначены съѣру д'Эмберкуру и де-Комину, которые зашли такъ далеко на охотѣ, что забыли объ ужинѣ. А тотъ, кто больше любитъ смотрѣть на летящаго кречета, нежели на фазана, стоящаго на столѣ, сродни дураку; значить, дуракъ долженъ наслѣдовать ихъ мѣста, какъ части ихъ движимаго имущества.

— Старая шутка, другъ Тиль, возразилъ герцогъ: — однако, мудрецы они или дураки, но вотъ они.

Дѣйствительно, Коминъ и д'Эмберкуръ вошли въ залу, поклонились почтительно обоимъ государямъ и въ молчаніи заняли предназначенныя имъ мѣста.

— Что это значить, господа? вскричалъ герцогъ, обращаясь къ нимъ: — охота ваша была навѣрно или слишкомъ хороша, или слишкомъ неудачна, если завлекла васъ въ такую пору такъ далеко отсюда. Сьёръ Филиппъ де-Коминъ, вы упали духомъ; развѣ д'Эмберкуръ выигралъ у васъ такой огромный закладъ? Вы философъ и не должны сердиться на неудачи. Клянусь св. Георгіемъ! Д'Эмберкуръ смотреть не веселѣе тебя. Что это значить, господа? Или вы не нашли дичи? или потеряли своихъ соколовъ? не вѣдьма ли перешла вамъ черезъ дорогу? не встрѣтился ли вамъ въ лѣсу дикій охотникъ? (*) Клянусь честью, вы смотрите, какъ будто пришли не на пиръ, а на похороны.

Пока герцогъ говорилъ, взоры всего общества обращены были на д'Эмберкура и де-Комина; замѣшательство и уныніе, выразившіяся на ихъ лицахъ, сдѣлались до такой степени замѣтными, что веселье и смѣхъ общества, возбужденные въ значительной степени движеніемъ кубковъ съ превосходными винами, постепенно исчезли.

— Что значить это молчаніе, мессирь? сказалъ герцогъ, возвысивъ свой и безъ того суровый голосъ. — Если вы принесли на торжество такіе странные

(*) Знаменитый призракъ, называвшійся иногда Le Grand Veneur.

взгляды и еще болѣе странное молчаніе, то мы готовы желать, чтобъ вы лучше завязли въ болотахъ, отъискивая себѣ цапель, или скорѣе куликовъ и совъ.

— Государь! отвѣчалъ Коминъ: — когда мы сбирались воротиться сюда изъ лѣса, намъ попался графъ де-Кревкеръ.

— Какъ! возразилъ герцогъ: — онъ уже воротился изъ Брабанта? Но вѣрно тамъ все благополучно...

— Графъ сейчасъ-самъ явится къ вашей милости съ своими новостями, сказалъ д'Эмберкуръ: — мы слышали ихъ вскользь.

— Но гдѣ же графъ? спросилъ герцогъ.

— Онъ переодѣвается, чтобъ явиться къ вашему высочеству, отвѣчалъ д'Эмберкуръ.

— Переодѣвается? *Saint bleu!* воскликнулъ нетерпѣливый государь: — что мнѣ за нужда до его платья? Вы, кажется, сговорились съ нимъ, чтобъ свести меня съ ума!

— Или просто, чтобъ не распространяться, сказалъ Коминъ: — онъ желаетъ сообщить вамъ свои новости въ частной аудіенціи.

— *Tête dieu!* ваше величество, сказалъ Карлъ: — вотъ такъ-то намъ всегда служатъ наши совѣтники. Если у нихъ есть что нибудь, что они считаютъ важнымъ для нашего слуха, то смотрятъ на это дѣло еще важнѣе и гордятся своимъ бременемъ подобно ослу, которому дали новое сѣдло. Гей, кто нибудь! послать сюда Крѣвкера сейчасъ же! Онъ пріѣхалъ съ границы Литгиа, а по крайней мѣрѣ мы (онъ произнесъ это мѣстоименіе съ особеннымъ удареніемъ) не имѣемъ въ

тѣхъ мѣстахъ ничего такого, чего бы не сообщили цѣлому свѣту.

Всѣ замѣтили, что герцогъ выпилъ столько вина, что природное его упрямство должно было отъ того усилиться; хотя многіе напомнили бы ему охотно, что теперь не время и не мѣсто выслушивать донесенія и разсуждать о нихъ, но всѣ такъ хорошо знали запальчивость его нрава, что никто не рѣшился вмѣшаться, и всѣ сидѣли въ безпокойномъ ожиданіи новостей, которыя долженъ былъ сообщить графъ де-Крѣвкеръ.

Насталъ краткій промежутокъ времени, въ продолженіе котораго герцогъ съ жаднымъ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на дверь, и присутствующіе сидѣли съ потупленными глазами, стараясь скрыть свое любопытство и волненіе. Одинъ Людовикъ сохранялъ совершенное спокойствіе и попеременно продолжалъ разговаривать то съ великимъ кравчимъ, то съ шутомъ.

Наконецъ, вошелъ Крѣвкеръ. Его привѣтствовала посѣшкый вопросъ его повелителя: — Что новаго въ Литтихѣ и Брабантѣ, съѣръ графъ? Извѣстіе о вашемъ прибытіи отогнало отъ нашего стола веселье; надѣмся, ваше присутствіе возвратитъ его намъ.

— Государь, отвѣчалъ Крѣвкеръ твердымъ, но печальнымъ голосомъ: — мои новости приличнѣе для залы совѣта, нежели для пиршественнаго стола.

— Высказывай ихъ, хотя бы то были вѣсти отъ самого антихриста! вскричалъ герцогъ. — Но я догадываюсь: Литтихцы снова возмутились?

— Да, государь, важно отвѣчалъ Крѣвкеръ.

— Видишь ли, возразилъ Карль: — я сразу угадалъ то, что ты такъ боялся сообщить мнѣ! Безтолковые горожане снова вооружились. Они не могли выбрать для этого лучшаго времени, потому что мы теперь можемъ воспользоваться совѣтомъ нашего собственного государя, продолжалъ онъ, кланяясь Людовику съ взглядомъ, выражавшимъ самую горькую, хотя и подавленную ненависть. — Онъ научить насъ, какъ поступить съ мятежниками. Есть у тебя еще новости? Давай ихъ сюда и потомъ отвѣчай, почему ты самъ не пошелъ впередъ на помощь епископу?

— Государь, мнѣ тяжело высказать дальнѣйшія новости, а вамъ будетъ горестно выслушать ихъ: ни моя помощь, ни помощь всего живущаго рыцарства не могла спасти почтеннаго прелата. Гильюмъ де-ла-Маркъ, соединившись съ возмущившимися Литтихцами, взялъ замокъ Шонвальдтъ приступомъ и умертвилъ епископа въ собственномъ его дворцѣ.

— Умертвилъ епископа! повторилъ герцогъ тихимъ и глухимъ голосомъ, который, однако, слышали всѣ присутствующіе съ одного конца залы до другого: — Крѣвкеръ, тебя обманулъ какой нибудь ложный слухъ, — это невозможно!

— Увы, государь! я слышалъ это отъ очевидца, стрѣлка шотландской гвардіи французскаго короля; онъ былъ въ залѣ, когда убійство свершилось по приказанію Гильюма де-ла-Марка.

— И, разумѣется, помогалъ и содѣйствовалъ этому ужасному святотатству! воскликнулъ герцогъ, вскочивъ и топнувъ ногою съ такимъ бѣшенствомъ, что стояв-

шая передъ нимъ скамейка разлетѣлась въ дребезги. — Запереть двери залы на запоръ, господа, занять всѣ окна! ни одинъ чужестранецъ не смѣй тронуться съ своего стула подѣ опасеніемъ немедленной смерти!... Господа моей свиты, мечи на-голо! — Потомъ, обратясь къ Людовику, онъ немедленно наложилъ руку на эфесъ своего мечѣ, между тѣмъ, какъ король, не обнаруживая ни малѣйшаго страха и не принимая оборонительнаго положенія, сказалъ ему спокойно: — Эти новости, любезный братецъ, потрясли вашъ разумъ.

— Нѣтъ! возразилъ герцогъ страшнымъ голосомъ: — онѣ возбудили справедливое негодованіе, которое я слишкомъ долго удерживалъ пустыми приличіями обстоятельство и мѣста. Убійца своего брата!... возмутитель противъ своего родственника!... вѣроломный союзникъ!... клятвопреступный король!... безчестный дворянинъ!... ты въ моей власти, и я благодарю за это Бога!...

— Лучше благодарите мое безразсудство, отвѣчалъ король: — Когда мы на такихъ же условіяхъ сходились съ вами въ Монлери, вы, кажется, желали быть отъ меня дальше, чѣмъ мы теперь.

Герцогъ продолжалъ держаться за рукоять своего мечѣ, но не обнажалъ его и не рѣшался разить противника, который не дѣлалъ никакого сопротивленія и не подавалъ никакого повода къ насилію.

Между тѣмъ, дикая и общая суета распространилась по всей залѣ. Двери были заперты и охраняемы по приказанію герцога; но многіе изъ французскихъ вельможъ, какъ ни мало было число ихъ, вскочили

съ мѣсть и приготовились защищать своего государя. Людовикъ не говорилъ ни одного слова ни съ герцогомъ Орлеанскимъ, ни съ Дюнуа съ тѣхъ поръ, какъ ихъ выпустили изъ заточенія въ замкъ Лошъ, — если можно назвать освобожденіемъ то, что ихъ присоединили къ свитѣ короля, гдѣ они были очевидными предметами подозрѣнія и недовѣрчивости, а не уваженія. Однако, не смотря на то, голосъ Дюнуа первый раздался надъ общимъ шумомъ, и онъ обратился къ герцогу бургундскому: — Сеньёръ герцогъ, вы забыли, что вы вассаль Франціи, и что мы, ваши гости, Французы. Если вы поднимите руку на нашего монарха, готовьтесь встрѣтить крайнія послѣдствія нашего отчаянія. Повѣрьте, мы будемъ пировать надъ кровью Бургундіи столько же, сколько пировали надъ виномъ ея. Смѣлѣй, монсеньёръ Орлеанъ... а вы, французскіе дворяне, собирайтесь вокругъ Дюнуа и подражайте ему!

Въ это мгновеніе, король увидѣлъ, на какихъ людяхъ онъ могъ положиться. Немногіе, сопровождавшіе его независимые вельможи и рыцари, изъ которыхъ большая часть получала отъ него только пасмурныя мины, — неустрашенные превосходствомъ силъ неприятелей и неизбѣжностью гибели, еслибъ дѣло дошло до ударовъ, поспѣшно окружили Дюнуа и, предволимые имъ, устремились къ верхнему концу стола, гдѣ сидѣли оба государя.

Напротивъ того, агенты и орудія Людовика, которыхъ онъ вытаскилъ впередъ изъ свойственнаго имъ ничтожества и возвысилъ до важныхъ степеней, не-

принадлежавшихъ имъ по праву, обнаружили трусость и безчувственность: сидя смиренно на своихъ мѣстахъ, они повидимому не рѣшались ускорять своей участи содѣйствіемъ Дюнуа, чтобы ни произошло съ ихъ государемъ и благодѣтелемъ.

Первымъ въ числѣ великодушнѣйшихъ спутниковъ короля былъ почтенный лордъ Крауфордъ, который съ ловкостью, удивительною въ его лѣта, пробивалъ себѣ дорогу черезъ всѣ препятствія (правда, не очень сильныя, потому что Бургундцы, или изъ чувства чести, или по тайному желанію предупредить рѣшеніе участи Людовика, разступались передъ старымъ лордомъ) и смѣло бросился между королемъ и герцогомъ. Потомъ онъ надѣлъ на бекрень свою шапку; сѣдые волосы въ безпорядкѣ упали изъ подъ нея; блѣдныя щеки и морщиноватое чело его всныхнули, и старые глаза зажглись всѣмъ огнемъ храбраго воина, отваживающагося на отчаянное дѣло. Плащъ его былъ накинутъ черезъ одно плечо, и всѣ его дѣйствія обнаружили готовность обвернуть имъ свою лѣвую руку, чтобъ обнажить мечъ правою. — Я сражался за его дѣда и отца, были единственные слова его: — и клянусь св. Андреемъ, какъ бы дѣло ни кончилось, не оставлю его въ бѣдѣ.

Все это произошло съ быстротою молніи. Лишь только герцогъ всталъ въ угрожающее положеніе, Крауфордъ бросился между имъ и предметомъ его мести; остальные французскіе дворяне, соединившись со всевозможною поспѣшностью, протѣснялись туда же.

Герцогъ бургундскій все еще не снималъ руки съ

эфеса своего меча и повидимому готовъ былъ подать знакъ ко всеобщему нападенію, которое непременно кончилось бы истребленіемъ слабѣйшей стороны, какъ вдругъ Крэвкеръ бросился впередъ и воскликнулъ звучнымъ какъ труба голосомъ: — Государь, повелитель Бургундіи! вспомните, что вы дѣлаете! Зала эта ваша; вы вассаль короля; не проливайте крови своего гостя на своемъ порогѣ, крови своего государя на тронѣ, вами же для него устроенномъ и на которомъ онъ находится подъ охраною вашей чести. Ради славы своего дома, не рѣшайтесь отмстить одного ужаснаго убійства другимъ, еще болѣе ужаснымъ!

— Прочь съ дороги, Крэвкеръ! отвѣчалъ герцогъ. — Дай исполниться моему мщенію! Прочь съ дороги! Гнѣвъ государей долженъ быть также грозенъ, какъ гнѣвъ небесный!...

— Тогда только, когда, подобно гнѣву небесъ, онъ справедливъ, возразилъ съ твердостью Крэвкеръ: — Позвольте мнѣ просить васъ, государь, обуздать свою пылкость, какъ бы справедлива она ни была. А вы, господа Французы, помните, что тамъ, гдѣ сопротивленіе бесполезно, должно удержаться отъ всего, что можетъ подать поводъ къ кровопролитію!

— Онъ правъ, сказалъ Людовикъ, котораго хладнокровіе не покинуло даже въ эту страшную минуту, и который предвидѣлъ, что если начнется битва, то, при всеобщемъ раздраженіи, ссора усилится болѣе, нежели тогда, когда дѣло разберется спокойно по возстановленіи мира. — Родственникъ мой Орлеанъ, добрый Дюнуа, и ты, мой вѣрный Крауфордъ, не при-

чиняйте своею горячностью кровопролитія и несчастій. Нашъ братецъ герцогъ приведенъ въ неистовство вѣстью о смерти любимаго и уважаемаго друга, почтеннаго епископа литтискаго, котораго гибель мы оплакиваемъ также, какъ и онъ. Старинные и, къ несчастію, еще недавніе предметы недоразумѣнія заставляютъ его считать насъ участникомъ злодѣянія, котораго мы гнушаемся въ глубинѣ души. Еслибъ даже хозяинъ нашъ рѣшился умертвить насъ на этомъ самомъ мѣстѣ, насъ, его короля и родственника, по внушенію ложнаго мнѣнія, будто бы мы принимали участіе въ этомъ злополучномъ событіи, то и тогда участь наша нисколько не облегчилась бы, а, напротивъ, сдѣлалась бы хуже отъ вашего сопротивленія. Итакъ назадъ, Крафордъ... еслибъ это было даже моимъ послѣднимъ словомъ, я говорю какъ король своему военачальнику и требую повиновенія... назадъ, и если нужно будетъ, отдай свой мечъ! Я тебѣ повѣлываю, — присяга обязываетъ тебя повиноваться.

— Правда, правда, государь, сказалъ Крафордъ, отступая назадъ и опуская въ ножны полусобнаженный мечъ: — Все это, можетъ быть, очень справедливо; но клянусь честью, еслибъ я былъ въ головѣ человѣкъ семидесяти моихъ храбрецовъ, вмѣсто того, чтобъ кряхтѣть подъ такимъ же, если не болѣе, числомъ лѣтъ, такъ попробовалъ бы привести въ разсудокъ этихъ нарядныхъ щеголей съ золотыми цѣпями и пестрыми, подстегнутыми съ боку шапками.

Герцогъ простоялъ нѣсколько времени съ потупленными взорами и потомъ сказалъ съ горькою ироніей:

— Крэвкеръ, ты говорилъ справедливо; дѣло касается нашей чести; то, чѣмъ мы обязаны этому великому государю, нашему любезному и почетному гостю, не должно быть оплачено такъ поспѣшно, какъ мы сначала, въ порывѣ гнѣва, предполагали сдѣлать. Мы будемъ дѣйствовать такъ, чтобъ вся Европа признала нашу справедливость. Господа французскіе дворяне, вы должны отдать мечи свои моимъ вельможамъ! Государь вашъ нарушилъ перемиріе и не имѣетъ дальнѣйшаго права пользоваться его преимуществами. Однакожь изъ состраданія къ вашему чувству чести, изъ уваженія къ сану, который онъ унижилъ, и къ роду, который онъ осрамилъ, мы не требуемъ меча нашего брата Людовика.

— Никто изъ насъ, сказалъ Дюнуа: — не отдастъ своего оружія и не выйдетъ изъ этой залы, пока мы не увѣримся въ безопасности короля и въ неприкосновенности его жизни и тѣла.

— Ни одинъ человѣкъ изъ шотландской гвардіи не положитъ меча иначе, какъ по приказанію самого французскаго короля, или его великаго коннетабля, сказалъ Крауфордъ.

— Храбрый Дюнуа и ты, мой вѣрный Крауфордъ, сказалъ Людовикъ: — ревность ваша, вмѣсто пользы, нанесетъ мнѣ вредъ. Я полагаюсь, прибавилъ онъ съ достоинствомъ: — на правоту своего дѣла больше, чѣмъ на тщетное сопротивленіе, которое только будетъ стоять жизни лучшимъ и храбрѣйшимъ изъ моихъ. Отдайте свои мечи! Благородные Бургундцы, которые пріймутъ такіе залого, будутъ въ состояніи лучше за-

щитить и васъ и меня. Отдайте свои мечи, я повелѣваю вамъ!

Такимъ образомъ, въ этой ужасной крайности, Людовикъ обнаружилъ быструю рѣшительность и ясность разсудка, которыя однѣ могли спасти жизнь его. Онъ понималъ, что пока дѣло не дошло до дѣйствительныхъ ударовъ, онъ могъ надѣяться, что большая часть бывшихъ тутъ бургундскихъ вельможъ поможетъ ему успокоить бѣшенство герцога; но что, еслибъ произошла свалка, то и онъ и его немногіе приверженцы были бы умерщвлены неминуемо. Въ то же время, злѣйшіе его враги должны были бы сознаться, что поведеніе короля не имѣло въ себѣ ничего низкаго и робкаго. Онъ избѣгалъ случая превратить гнѣвъ герцога въ слѣпое бѣшенство, но не старался его умиловить и, не показавъ, что боится его, продолжалъ смотрѣть на герцога съ тѣмъ спокойнымъ и пристальнымъ вниманіемъ, съ какимъ человѣкъ храбрый смотритъ на угрожающіе жесты сумасшедшаго, вполне убѣжденный, что собственная его твердость и ненарушимое спокойствіе подѣйствуютъ хоть нечувствительно, но могущественно для укрощенія ярости даже человѣка, лишеннаго разсудка.

Крауфордъ, повинувшись приказанію короля, бросилъ мечъ свой Крѣвкеру. — Возьмите его! вскричалъ онъ: — и пусть чортъ доставитъ вамъ отъ него много удовольствія. Тутъ нѣтъ безчестія законному его хозяину, потому что мы не имѣли честной игры.

— Стойте, господа сказалъ герцогъ прерывистымъ голосомъ, какъ человѣкъ, которому бурныя страсти

мѣшаютъ говорить: — оставьте мечи свои при себѣ: довольно, если вы дадите слово не употреблять ихъ. А вы, Людовикъ де-Валуа, должны считать себя моимъ плѣнникомъ, пока не оправдаетесь въ содѣйствіи убійству и святотатству. Отвести его въ замокъ, въ Башню Графа Эрбера. Пусть будетъ при немъ шестеро изъ его свиты, кого онъ самъ выберетъ. Милордъ Крауфордъ, стрѣлки ваши должны оставить замокъ: они будутъ почетно помѣщены въ другомъ мѣстѣ. Поднять всѣ подъемные мосты и опустить всѣ рѣшетки. Устроить стражу у городскихъ воротъ. Развести наводный мостъ къ правому берегу рѣки. Окружить замокъ моею дружиной черныхъ валлоновъ и поставить часовыхъ на всѣхъ постахъ! Вы, д'Эмберкуръ, будете смотрѣть, чтобъ пѣшіе и конные патрули дѣлали по городу обходъ черезъ каждые полчаса ночью и черезъ часъ на слѣдующій день, если такая предосторожность окажется нужною послѣ разсвѣта, потому что, можетъ случиться, мы станемъ дѣйствовать внезапно. Стерегите особу Людовика, если вамъ дорога жизнь!

Онъ всталъ изъ за стола съ гнѣвною поспѣшностью, бросилъ на короля взглядъ смертельной ненависти и вышелъ изъ залы.

— Господа! сказалъ король, оглянувшись вокругъ себя съ достоинствомъ: — горестъ о смерти друга привела вашего государя въ неистовство. Я увѣренъ, вы, какъ рыцари и люди благородные, столько знаете свою обязанность, что не будете помогать герцогу въ измѣнническомъ насиліи противъ особы его законнаго государя.

Въ это мгновеніе, на улицѣ раздался барабанный бой и слышались звуки роговъ, вызывавшіе воиновъ по всеѣмъ направленіямъ. — Мы, сказалъ Крэвкеръ, исправлявшій при бургундскомъ дворѣ должность гофмаршала: — подданные Буртундіи, и должны исполнять свою обязанность. Наши надежды и молитвы, все наши усилія будутъ клониться къ возстановленію мира и согласія между вашимъ величествомъ и нашимъ государемъ; но мы обязаны повиноваться его повелѣніямъ. Все наши вельможи и рыцари будутъ съ гордостью содѣйствовать доставленію всевозможныхъ удобствъ знаменитому герцогу Орлеанскому, храброму Дюнуа и благородному лорду Крауфорду. Я самъ буду камергеромъ вашего величества и провожу васъ въ ваши покои, хоть и не такъ, какъ бы я желалъ, помня гостепріимство въ Плесси. Вамъ остается выбрать себѣ прислугу, которую повелѣніе герцога ограничиваетъ шестью человекѣми.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ король, оглянувшись вокругъ себя и подумавъ немного: — я желаю имѣть при себѣ Оливье Ланъ, одного рядоваго изъ моихъ тѣлохранителей, прозваннаго Рубцомъ, который, если вамъ угодно, можетъ быть безоружнымъ, Тристана Пустынника съ двумя его людьми, и моего вѣрнаго, надежнаго философа Марціуса Галеотти.

— Желаніе вашего величества будетъ исполнено во всей точности, отвѣчалъ графъ де-Крэвкеръ. — Галеотти, прибавилъ онъ, послѣ минутнаго разспроса: — теперь, какъ я слышалъ, ужинаетъ у кого-то, но за нимъ сейчасъ будетъ послано; остальные

немедленно явятся въ распоряженіе вашего величества.

— Итакъ, впередъ, въ новое жилище, приготовленное для насъ гостепріимствомъ нашего брата! сказалъ король. — Мы знаемъ, что оно крѣпко: остается только надѣяться, что оно будетъ въ соразмѣрной степени безопасно.

— Слышалъ ты, кого король Людовикъ выбралъ себѣ въ прислужники? сказалъ ле-Глорье потихоньку графу де-Крѣвкеру, когда они пошли за королемъ изъ залы.

— Разумѣется, любезный кумъ, возразилъ графъ: — что же ты можешь сказать противъ нихъ?

— Ничего, ничего; только рѣдкій выборъ! Лукавый бородобрей, наемный шотландскій головорѣзь, главный палачъ съ своими двумя помощниками и плуть шарлатанъ. Я пойду съ тобою, Крѣвкеръ, и возьму урокъ въ степеняхъ мошенничества, наблюдая надъ твоимъ искусствомъ въ распредѣленіи ихъ.

Въ слѣдствіе этого, добровольный шутъ фамиллярно подхватилъ подъ руку Крѣвкера и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, тогда какъ тотъ, сохраняя наружное почтеніе, однако подъ сильною стражей, повелъ короля во вновь отведенные для него покои.

XXVIII.

НЕИЗВѢСТНОСТЬ.

Сорокъ воиновъ, шедшихъ съ обнаженными мечами и факелами, служили свитою, или скорѣе стражею королю Людовику на пути изъ перовинской ратуши въ замокъ. Когда онъ вошелъ въ темныя и угрюмыя твердыни замка, ему показалось, будто какой-то голосъ прокричалъ ему на ухо предостереженіе Флорентинца, написанное имъ надъ адскимъ вратами: «Оставь всякую надежду за собою!»

Можетъ быть, въ это мгновеніе въ душѣ короля пробудилось бы чувство совѣсти, еслибы онъ вспомнилъ о сотняхъ и даже тысячахъ людей, которыхъ безъ всякой причины, по одному только подозрѣнію, погружалъ онъ въ глубины своихъ подземелій, лишалъ всякой надежды на освобожденіе и заставлялъ проклинать жизнь, къ которой эти несчастные были еще привязаны по животному инстинкту.

Яркій свѣтъ факеловъ пересиливалъ сіяніе блѣдной луны, которая теперь была озрачена больше, нежели въ предъидущую ночь; дымные красноватыя отблески, отбрасываемые факелами на стѣны стариннаго зданія, придали еще болѣе мрачную тѣнь огромной тюрьмѣ, называвшейся Башнею Графа Эрбера, той самой, на которую Людовикъ смотрѣлъ наканунѣ съ

зловѣщимъ предчувствіемъ, и въ которой теперь ему было суждено обитать. Онъ безпрестанно опасался всякаго рода насилій отъ гнѣвнаго права чрезмѣрно могущественнаго вассала.

Горестныя чувства короля усилились, когда, проходя черезъ дворъ, онъ увидѣлъ нѣсколько труповъ, на которые были поспѣшно выброшены военные плащи. Немногаго времени было ему нужно, чтобъ узнать въ нихъ тѣла убитыхъ стрѣлковъ шотландской гвардіи. Графъ де-Крѣвкеръ увѣдомилъ его, что когда имъ передали повелѣніе герцога выйти изъ покоевъ короля, то завязалась ссора между ими и валлонскими тѣлохранителями Карла, и прежде нежели начальникамъ тѣхъ и другихъ удалось разнять ихъ, на обѣихъ сторонахъ осталось по нѣскольку убитыхъ. — Мои вѣрные Шотландцы! сказалъ король, грустно глядя на печальное зрѣлище: — еслибъ вамъ пришлось сражаться съ равными силами, то противъ васъ не нашлось бы бойцовъ въ цѣлой Фландріи, съ Бургундіей напридачу. — Да, и если угодно вашему величеству, сказалъ Рубецъ, слѣдовавшій близко за королемъ: — сила взрываетъ луга... немного найдется людей, которые могли бы драться противъ двоихъ разомъ. Я самъ никогда не стараюсь нападать на троихъ, кромѣ какъ по особенной должности, когда нечего считать головы противниковъ. — Такъ ты здѣсь, старый знакомецъ? возразилъ король, оглянувшись назадъ: — значить, со мною есть хоть одинъ вѣрный подданный.

— И надежный министр и слуга, въ совѣтахъ ли вашего величества, или въ услугахъ около вашей царственной особы, прошепталъ Оливье Лань.

— Всѣ мы вѣрны, проворчалъ грубо Тристанъ Пустынникъ: — потому что, еслибъ они вздумали умертвить ваше величество, то навѣрно не дозволили бы никому изъ насъ пережить васъ, еслибъ мы этого даже и захотѣли.

— Вотъ, что я называю хорошимъ тѣлеснымъ ручательствомъ за вѣрность, замѣтилъ шутъ ле-Глорье, который, какъ было уже сказано, съ неугомонностью, свойственною поврежденному уму, вмѣшался въ общество, сопровождавшее короля.

Мѣжду тѣмъ, заторопившійся сенешаль съ усиленіемъ повертывалъ огромный ключъ, отворявшій упрямые ворота массивной готической темницы, такъ что наконецъ онъ былъ вынужденъ позвать на помощь одного изъ слугъ Крѣвкера. Когда дверь уступила общимъ усиленіямъ, шесть человѣкъ съ факелами вошли въ нее и отправились впередъ показывать дорогу по узкому, извилистому корридору, надъ которымъ въ разныхъ мѣстахъ господствовали продѣланные въ сводѣ стрѣльницы и окна, пробитыя сзади въ толстой массивной стѣнѣ. Въ концѣ корридора была лѣстница такой же грубой работы, состоявшая изъ большихъ и неровныхъ камней, кое какъ обтесанныхъ молотомъ. Поднявшись по этому всходу, они вступили черезъ крѣпко окованную желѣзомъ дверь въ большую залу темничной башни, освѣщаемую весьма слабо даже дневнымъ свѣтомъ, а теперь она была бы совершенно темна, еслибъ ея не

озаряли пылающіе факелы. Нѣсколько нетопырей и зловѣщихъ птицъ, поднятыхъ необычайнымъ свѣтомъ, полетѣло на огни и едва не загасило ихъ; сенешаль церемонно извинялся передъ королемъ, что главная зала не приведена въ порядокъ, отъ того, что ему не дали никакого срока приготовиться; онъ прибавилъ, что зала эта не была въ употребленіи лѣтъ двадцать, да и прежде жила въ ней очень рѣдко, сколько онъ слыхалъ, со временъ короля Карла Простого.

— Короля Карла Простого! возразилъ Людовикъ: — Теперь я знаю исторію этой башни. Здѣсь онъ былъ убитъ Эрберомъ, графомъ де-Вермандуа, своимъ вѣроломнымъ вассаломъ: такъ говорятъ наши лѣтописи. Я зналъ, что въ моей памяти есть что-то, имѣющее связь съ Перонскимъ Замкомъ, хоть и не могъ припомнить, что именно. Такъ *здѣсь* былъ убитъ одинъ изъ моихъ предшественниковъ?

— Не здѣсь, не совсѣмъ здѣсь, если вашему величеству угодно, сказалъ сенешаль, идя въ сторону съ поспѣшнымъ усердіемъ чичероне, который показываетъ достопримѣчательности любопытнаго мѣста! — Не *здѣсь*, а въ боковой комнатѣ, немного подальше, куда ведетъ дверь изъ спальни вашего величества.

Онъ торопливо отперъ дверь, бывшую въ верхнемъ концѣ залы и ведущую въ спальню, весьма маленькую, какія обыкновенно дѣлались въ такихъ старинныхъ зданіяхъ, но собственно по этому болѣе удобную, нежели только что описанная нами пустынная зала. Тамъ было наскоро сдѣлано нѣсколько приготовленій

для приѣма короля. Обои были привѣшены, и огонь пылалъ въ заржавленной рѣшеткѣ камина, давно уже не топившагося; кромѣ того, грубыя нары приготовлены были для тѣхъ дворянъ, которые, по тогдашнему обычаю, должны были спать въ комнатѣ короля. «Мы приготовимъ въ залѣ постели для остальныхъ изъ вашей свиты, сказалъ болтливый старикъ сенешаль: — но намъ былъ данъ такой короткій срокъ, ваше величество... а если вашему величеству угодно будетъ взглянуть на эти дверцы за обоями, такъ они ведутъ въ маленькую комнатку, устроенную въ толщѣ самой стѣны, гдѣ король Карлъ былъ умерщвленъ; туда ведетъ снизу потайной входъ, которымъ вошли люди, имѣвшіе порученіе лишить его жизни. Ваше величество, имѣя навѣрно зрѣніе лучше моего, можете разсмотрѣть даже кровь на дубовомъ полу, хотя уже съ того времени прошло слишкомъ пятьсотъ лѣтъ.»

Говоря такимъ образомъ, сенешаль хлопоталъ, чтобъ открыть дверцы, о которыхъ онъ разсказывалъ, но король Людовикъ остановилъ его: — Подожди, старикъ, подожди еще нѣсколько времени; тебѣ, можетъ быть, придется разсказывать другую повѣсть, новѣе твоей теперешней, и показывать кровь свѣжѣе той, которая здѣсь на полу. Что вы на это скажете, сеньеръ графъ де-Крѣвкеръ?

— Я могу сказать только, государь, что эти внутренніе покои въ такомъ же полномъ распоряженіи вашего величества, какъ покои въ вашемъ собственномъ замкѣ въ Плесси, и что Крѣвкеръ, котораго имя ни-

когда еще не было очернено измѣною или смертоубійствомъ, будетъ охранять жилище ваше извнѣ.

— Но тайный ходъ въ комнату, о которой говорилъ этотъ человѣкъ? сказалъ король тихимъ и безпокойнымъ голосомъ, держа одною рукою за руку Крѣвкера, а другою указывая на дверцы.

— Это какой нибудь сонъ стараго Морне, возразилъ Крѣвкеръ: — или какое нибудь древнее, пустое преданіе здѣшняго мѣста... Но мы посмотримъ.

Онъ уже собирался отворить дверцы, но Людовикъ сказалъ: — Нѣтъ, Крѣвкеръ, нѣтъ, честь ваша достаточное ручательство. Но что намѣренъ дѣлать со мною вашъ герцогъ, Крѣвкеръ? Онъ не захочетъ же держать меня долго въ плѣну... Короче, скажите мнѣ свое мнѣніе, Крѣвкеръ.

— Государь, отвѣчалъ Крѣвкеръ: — ваше величество можете судить сами, какъ герцогъ бургундскій долженъ негодовать на ужасную жестокость, отъ которой погибъ его близкій родственникъ и союзникъ; какое право онъ имѣетъ полагать, что злодѣяніе свершилось по наущенію вашихъ агентовъ — объ этомъ можете знать только ваше величество. Но повелитель мой человѣкъ благородный и неспособенъ, даже по самой пылкости своей, ни къ какимъ скрытнымъ злодѣйствамъ. Что бы онъ ни сдѣлалъ, будетъ сдѣлано при дневномъ свѣтѣ и въ глазахъ обоихъ народовъ. Я могу только присовокупить, что желаніе всѣхъ окружающихъ его совѣтниковъ, кромѣ развѣ одного, будетъ состоять въ томъ, чтобъ онъ поступилъ кротко, великодушно и справедливо.

— О, Крэкверт! сказалъ Людовикъ, взявъ его за руку, какъ будто подъ вліяніемъ тягостныхъ воспоминаній: — какъ счастливъ государь, имѣющій около себя совѣтниковъ, которые охраняли бы его отъ послѣдствій его собственныхъ гнѣвныхъ страстей! Имена ихъ будутъ напечатаны золотыми буквами въ лѣтописяхъ исторіи его царствованія. Благородный Крэкверт, еслибъ судьба судила мнѣ имѣть подобныхъ тебѣ людей около себя!

— Тогда ваше величество постарались бы избавиться отъ нихъ какъ можно скорѣе, замѣтилъ ле-Глорье.

— А-га, ваша премудрость! и вы здѣсь? сказалъ Людовикъ, обернувшись къ шуту и тотчасъ же перемѣнивъ чувствительный тонъ, съ которымъ онъ говорилъ графу, на шутливый: — и ты шелъ за нами сюда?

— Какъ же, государь, отвѣчалъ ле-Глорье: — премудрость должна идти въ пестромъ платьѣ тамъ, гдѣ безуміе указываетъ дорогу въ багряницѣ.

— Какъ мнѣ понимать тебя, господинъ Соломонъ, возразилъ король: — не хочешь ли ты помѣняться со мною званіемъ?

— Ужь конечно нѣтъ, клянусь вамъ, еслибъ вы даже дали мнѣ пятьдесятъ коронъ на придачу.

— Почему же такъ? Мнѣ кажется, что, судя по государямъ вообще, я бы не пожаловался, имѣя тебя своимъ королемъ.

— Правда, государь; но вопросъ еще въ томъ, захочу ли я, судя по остроумію вашего величества,

поселившему васъ здѣсь, захочу ли я имѣть причину стыдиться такого безумнаго дурака.

— Молчи, пріятель! прервалъ Крѣвкеръ: — языкъ твой бѣгаетъ слишкомъ скоро.

— Не мѣшайте ему, возразилъ король. — Я не знаю для насмѣшекъ лучшаго предмета, какъ безразсудство тѣхъ, которые должны бы быть умнѣе. Вотъ тебѣ, мой прозорливый пріятель, возьми этотъ кошелекъ съ золотомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и совѣтъ мой никогда не быть такимъ глупцомъ, чтобъ считать себя мудрѣе другихъ людей. Прошу тебя, постарайся развѣдать о моемъ астрологѣ Марціусѣ Галеотти и пришли его сюда, какъ можно скорѣе.

— Непремѣнно, государь, отвѣчалъ шутъ: — готовъ поручиться, что найду его у Жана Доппльтюра, потому что философы знаютъ не хуже дураковъ, гдѣ продается лучшее вино.

— Позвольте просить васъ дозволить свободный входъ ко мнѣ этой ученой особѣ, сеньеръ де-Крѣвкеръ, сказалъ Людовикъ.

— Что касается позволенія войти ему сюда, конечно, онъ получить его, отвѣчалъ графъ:—но я долженъ прибавить съ сожалѣніемъ, что данныя мнѣ повелѣнія не уполномочиваютъ меня позволить кому бы то ни было выходить изъ покоевъ вашего величества. Желая вашему величеству покойной ночи; постараюсь приготовить залу какъ можно скорѣе, чтобъ доставить удобное помѣщеніе вашей свитѣ.

— Не безпокойтесь о нихъ, сеньеръ графъ, возразилъ король: — эти люди привыкли бороться съ

неудобствами... По правдѣ сказать, кромѣ Галеотти, мнѣ бы не хотѣлось въ эту ночь имѣть сношеній ни съ кѣмъ извнѣ замка, если вамъ въ томъ не помѣшаютъ полученныя вами наставленія.

— Данныя мнѣ наставленія заключаются въ томъ, чтобъ предоставить вашему величеству полное обладаніе вашими покоями. Таковы приказанія моего повелителя.

— Повелитель вашъ, котораго теперь я могу называть и своимъ, графъ де-Крѣвкеръ, право, государь очень милостивый. Владѣнія мои, прибавилъ король: — нѣсколько сѣззились, потому что теперь они ограничиваются только старой залой и спальнею; но въ нихъ довольно мѣста для всѣхъ подданныхъ, которыми я теперь могу похвастать.

Графъ де-Крѣвкеръ простился съ королемъ. Вскорѣ послѣ того можно было разслышать шаги часовыхъ, отправлявшихся на свои посты по командѣ своихъ начальниковъ, и скорую ходьбу смѣнившейся стражи. Наконецъ все затихло; единственнымъ звуками, наполнявшими воздухъ, былъ однообразный ропотъ рѣки Соммы, глубокой и мутной, скользившей подъ стѣнами замка. — Ступайте въ залу, товарищи, сказалъ Людовикъ своей свитѣ: — но не ложитесь спать. Будьте готовы, потому что въ эту ночь можетъ что нибудь случиться, и очень скоро.

Оливье и Тристанъ удалились въ залу, въ которой оставался Рубецъ съ двумя помощниками уголовного судьи. Они нашли, что оставшіеся въ залѣ разложили въ каминѣ большой огонь, какъ для свѣта, такъ и

для теплоты, и что они сидѣли на полу, завернувшись въ свои плащи, въ такихъ положеніяхъ, которыя ясно обнаруживали уныніе и безпокойство. Оливье и Тристанъ сочли, что лучше всего послѣдовать ихъ примѣру; не будучи никогда большими друзьями, даже во времена своей придворной значительности, они и теперь не были расположены резсуждать между собою откровенно о странной и неожиданной перемѣнѣ ихъ участи; словомъ, всѣ находившіеся въ залѣ были погружены въ безмолвное уныніе.

Между тѣмъ, повелитель ихъ ощущалъ мученія, которыя могли бы отчасти искупить нѣкоторыя страданія, причиненныя другимъ по его повелѣніямъ. Онъ прохаживался по своей спальнѣ короткими и неровными шагами, часто останавливался и всплескивалъ руками, словомъ, далъ полную волю тяжкому безпокойству, которое такъ искусно умѣлъ скрывать при другихъ. Наконецъ, остановившись и ломая руки, онъ сталъ противъ дверецъ, указанныхъ старымъ Морне и ведшихъ къ мѣсту, на которомъ погибъ одинъ изъ его предшественниковъ; тутъ онъ постепенно высказалъ свои чувства въ отрывистыхъ фразахъ: — Карлъ Простой! Какъ назоветъ потомство Одинадцатаго Людовика, котораго кровь, вѣроятно, скоро освѣжитъ слѣды твоей крови? Людовикомъ Глупцомъ, Людовикомъ Вялымъ, Людовикомъ Одураченнымъ, — такія названія еще слишкомъ нѣжны для выраженія вполне моего безумія! Воображать, что жаркоголовые Литтихцы, для которыхъ мятежи также необходимы, какъ дневная пища, останутся въ покоѣ; думать, что дикое

животное арденнское прерветъ ходъ своихъ насилій и грубой кровожадности; предполагать, что разсудкомъ и доказательствами можно добиться чего нибудь добраго отъ Карла Бургундскаго, не испытавъ силы подобнаго рода убѣжденій надъ бѣшенымъ быкомъ... Глупецъ я! вдвойнѣ глупецъ! Но мерзавецъ Марціусъ отъ меня не отдѣлается! онъ дѣйствовалъ тутъ заодно съ этимъ гнуснымъ Балю (*). Если когда нибудь выберусь изъ теперешней опасности, я сорву съ его головы кардинальскую шапку, хотя бы для этого пришлось содрать кожу съ его черепа! Но другой измѣнникъ въ моихъ рукахъ; я все еще на столько король, у меня еще столько власти, что могу наказатъ лживаго, болтливаго, зѣвающаго на звѣзды и выдумывающаго небылицы шарлатана, черезъ котораго я теперь въ плѣну и одураченъ! Сочетаніе созвѣздій... да, сочетаніе... ему надобно было рассказывать вздоръ, который едва ли бы могъ обмануть трижды вываренную баранью голову, а я былъ такъ глупъ, что вообразилъ себѣ, будто понимаю его!

(*) Людовикъ сдержалъ слово относительно кардинала де-Балю, котораго онъ всегда обвинялъ въ преданности Бургундіи. Возвратясь во Францію, онъ велѣлъ запереть своего прежняго любимца въ одну изъ желѣзныхъ кѣтокъ въ Лошѣ. Темницы эти были устроены съ злобною замысловатостью, такъ что челоуѣкъ обыкновеннаго роста не могъ ни стоять въ нихъ свободно, ни улечься во всю длину. Нѣкоторые приписываютъ ужасное изобрѣтеніе ихъ самому Балю. Какъ бы то ни было, но кардиналъ просидѣлъ въ одной изъ такихъ кѣтокъ цѣлыя одиннадцать лѣтъ, и Людовикъ не позволялъ выпускать его оттуда до послѣдней своей болѣзни.

Но мы сейчас увидимъ, что такое именно предвѣщало сочетаніе созвѣздій... Надобно однако, напередъ помолиться.

Надъ маленькою дверью, можетъ быть въ воспоминаніе совершеннаго за нею убійства, находилась грубая впадина и въ ней высѣченное изъ камня распятіе. Король обратилъ на него взоры, готовясь преклонить колѣни передъ священной эмблемой; но вдругъ остановился, какъ будто онъ считалъ опрометчивостью прибѣгнуть прямо къ нему, не завѣривъ себя напередъ частнаго покровительства какого нибудь святого. По этому онъ отвернулся отъ распятія, какъ человѣкъ, недостойный смотрѣть на него, и, выбравъ изъ числа образковъ, которыми, какъ нѣсколько разъ было нами замѣчено, украшена была кругомъ шляпа его, изображеніе клерійской Богоматери, сталъ передъ нимъ на колѣни и сотворилъ слѣдующую необыкновенную молитву (надо замѣтить, что грубое суевѣріе заставляло его нѣкоторымъ образомъ считать клерійскую Богоматерь особою, отличною отъ амбренской, къ любимому изображенію которой онъ часто обращался съ своими обѣтами):

«Возлюбленная Владычица клерійская!» воскликнулъ онъ, всплеснулъ руками и ударяя себя въ грудь: «благословенная Матерь милосердія! всемогущая при Всемогущемъ, помилуй меня грѣшнаго! Правда, я нѣсколько забывалъ о тебѣ для блаженной амбренской сестры твоей; но я король, могущество мое велико и богатство неизмѣримо; еслибъ даже было иначе, я скорѣе буду готовъ удвоить подать, взимаемую съ моихъ

подданныхъ, нежели не платить долговъ моихъ вамъ обѣимъ. Уничтожь эти желѣзныя двери, наполни эти грозныя рвы, выведи меня, какъ мать свое дѣтище, изъ теперешней страшной опасности! Если я отдаю сестрѣ твоей Булонское Графство въ вѣчное владѣніе, то неужели у меня не станетъ средствъ доказать и тебѣ мою преданность? Ты получишь обширную и богатую область Шампань: виноградники ея прольютъ въ твой монастырь изобиліе. Я было обѣщаль эту область брату моему Карлу, но онъ, ты знаешь, умеръ, отравленный злобымъ аббатомъ св. Іоанна д'Анжели, котораго, если доживу, я непременно накажу! Я это обѣщаль уже и прежде, но теперь непременно сдержу свое слово. Если я и зналъ что нибудь объ этомъ преступленіи, вѣрь, возлюбленная Заступница, это было потому только, что я не зналъ другого средства успокоить смуты моего королевства. О, не сочти мнѣ теперь этого стариннаго долга; но будь, какъ всегда была, доброю, благоволящею и легко умолимою! Блаженная Владычица, заступись передъ своимъ чадомъ, чтобъ Оно простило мнѣ всѣ прошедшіе грѣхи и одно, одно небольшое дѣло, которое я долженъ свершить въ эту ночь... то-есть, оно не грѣхъ, возлюбленная клерійская Богоматерь, не грѣхъ, но дѣло правосудія, которое надобно исполнить частнымъ образомъ, потому что мерзавецъ этотъ величайшій самозванецъ, который когда либо напѣваль ложь въ уши государямъ; да къ тому же онъ преданъ гнусной грѣховной ереси. Онъ недостойнъ твоей защиты; предоставь его мнѣ и считай доброю заслугою, что я очищаю отъ

него свѣтъ, потому что человѣкъ этотъ чародѣй и духовидецъ, нестоящій твоихъ мыслей и попеченій, собака, умерщвленіе которой должно быть также незначительно въ твоихъ глазахъ, какъ погашеніе искры, упавшей со свѣтильни лампы, или отдѣляющейся отъ пламени. Не думай объ этой бездѣлицѣ, кроткая, милосердая Владычица, но лучше сообрази, какимъ образомъ выручить меня изъ бѣды! Привязываю къ изображенію твоему мою царственную печать, въ знакъ того, что я выполню свое обѣщаніе касательно Шампани, и что теперь въ послѣдній разъ тревожу тебя кровавыми дѣлами, зная твою благодать, кротость и нѣжное сердце.»

Послѣ такого чуднаго договора съ предметомъ своего обожанія, Людовикъ произнесъ съ видомъ величайшей набожности семь псалмовъ покаянія на латинскомъ языкѣ и нѣсколько *ave* и молитвъ, собственно принадлежащихъ къ службѣ Богоматери. Потомъ онъ всталъ, довольный тѣмъ, что завѣрилъ себѣ заступничество, о которомъ молилъ, и завѣрилъ тѣмъ удобнѣе, какъ онъ лукаво разсуждалъ, что большая часть грѣховъ, о прошеніи которыхъ онъ прежде просилъ предстательства клеріійской Богоматери, были другого рода, а потому, вѣроятно, святая Дѣва не столько будетъ считать его закоснѣлымъ и ожесточеннымъ грѣшникомъ, какъ другіе святые, которыхъ онъ въ такихъ же случаяхъ дѣлалъ повѣренными своихъ преступленій.

Очистивъ такимъ образомъ свою совѣсть, или, скорѣе, выбѣливъ ее за-ново какъ гробницу, король высунулъ голову за двери въ залу и позвалъ къ себѣ

Рубца. — Добрый мой воинъ, сказалъ онъ: — ты служилъ мнѣ долго, но тебя мало повышали. Мы здѣсь въ такихъ обстоятельствахъ, что можемъ остаться живы или умереть; но мнѣ не хотѣлось бы умереть неблагодарнымъ или оставить вознагражденнымъ друга или врага, сколько святые угодники позволяютъ. Теперь у меня есть другъ, котораго я хочу наградить — это ты; есть врагъ, котораго долженъ наказать по заслугамъ — это низкій, вѣроломный мерзавецъ, Марциусъ Галеотти, который своими выдумками и лукавствомъ завлекъ меня сюда, въ руки моего смертельного врага, съ такимъ же твердымъ намѣреніемъ погубить меня, какое когда нибудь имѣлъ мясникъ, таща несчастное животное на бойню.

— Я вызову его на поединокъ за это дѣло, потому что, говорятъ, будто онъ изъ числа сражающихся клинковъ, хотя и смотритъ нѣсколько неповоротливымъ, отвѣчалъ Рубецъ. — Не сомнѣваюсь, что герцогъ бургундскій на столько другъ военнымъ людямъ, что дастъ намъ черезъ нѣкоторое время честное поприще; а если ваше величество доживете до этого времени и воспользуетесь своею свободой, то увидите, какъ я буду сражаться за ваше дѣло и отомщу философу, сколько душа ваша пожелаетъ.

— Очень доволенъ храбростью и преданностью, съ которыми ты всегда служилъ мнѣ. Но этотъ вѣроломный мерзавецъ самъ дюжій воинъ, а я не хотѣлъ бы жертвовать твоею жизнью, мой храбрый боецъ.

— Я бы не былъ храбрымъ бойцомъ, если ва-

шему величеству угодно, когдабъ не осмѣлился напасть на человѣка и получитье его.

— Однако, сказалъ король: — намъ не угодно подвергать тебя такимъ образомъ опасности, Рубецъ. Измѣнникъ прійдетъ сюда по нашему призыву. Мы бы хотѣли, чтобъ ты, лишь только представится удобный случай, подошелъ къ нему поближе и поразилъ его подъ пятое ребро... понимаешь?

— Совершенно понимаю; но если ваше величество позволите, такія дѣла совсѣмъ не въ моемъ обычаѣ. Я бы не могъ убить вамъ собаки иначе, какъ въ жаркой стычкѣ, или въ преслѣдованіи, или по вызову на это...

— Неужели ты имѣешь притязанія на нѣжное сердце — ты, всегда первый на приступѣ и въ нападеніи, и самый жадный, какъ люди рассказываютъ, когда приходится пользоваться выгодами и удовольствіями, которыя въ такихъ случаяхъ пріобрѣтаетъ черствое сердце и кровавая рука?

— Государь, отвѣчалъ Рубецъ: — я никогда не боялся и не щадилъ вашихъ вооруженныхъ враговъ. Приступъ — дѣло отчаянное, сопряженное съ такими опасностями, которыя разгорячаютъ кровь человѣка, такъ что, клянусь св. Андреемъ, она не успокоится часа въ два, а это я называю честнымъ разрѣшеніемъ на грабежъ послѣ побѣды. Но то, что ваше величество предлагаете, совершенно непохоже на мои упражненія, хотя я никогда не стану увѣрять, чтобъ они были не довольно обширны. А что до астролога — если онъ измѣнникъ, то пусть умретъ смертью измѣн-

ника... мнѣ тутъ нечего и вмѣшиваться. У вашего величества есть свой профось, а съ нимъ двое изъ его команды, которымъ гораздо приличнѣе порѣшить это дѣло, нежели шотландскому дворянину моей фамилии и моего званія въ службѣ.

— Ты говоришь правду, сказалъ король: — но покрайней мѣрѣ ты обязанъ не допустить никакой помѣхи и стоять на часахъ, пока не исполнится мой справедливый приговоръ.

— Я готовъ стоять противъ цѣлой Церонны, возразилъ Рубецъ: — Ваше величество можете положиться на мою вѣрность во всемъ, что только не противорѣчитъ моей совѣсти, которая, для моего собственного удобства и для службы вашего величества, могу поручиться, довольно обширна; покрайней мѣрѣ я совершилъ для вашего величества нѣсколько такихъ дѣлъ, что скорѣе готовъ бы былъ отгрызть рукоять кинжала, нежели сдѣлать то же самое для кого бы то ни было другого.

— Оставимъ это, сказалъ король. — Слушай: когда Галеотти войдетъ сюда и дверь за нимъ затворится, стань къ оружію и стереги входъ изъ залы. Не впускай никого — вотъ все, чего я отъ тебя требую. Ступай и пошли сюда уголовного профоса.

Рубецъ вышелъ изъ комнаты и черезъ минуту послѣ того вошелъ изъ залы Тристанъ Пустынникъ.

— Здравствуй, кумъ, сказалъ король: — каково тебѣ кажется наше положеніе?

— Какъ положеніе людей, приговоренныхъ къ

смерти, отвѣчалъ уголовный профось: — если не прійдетъ помилованія отъ герцога.

— Помилованіе, или нѣтъ, но тотъ, кто заманилъ насъ въ эту западню, пойдетъ нашимъ передовымъ на тотъ свѣтъ, чтобъ приготовить для насъ квартиры, сказалъ король съ зловѣщею и звѣрскою улыбкой. — Тристанъ, ты совершилъ много молодецкихъ подвиговъ правосудія... *finis*, — я бы долженъ сказать *funis*, — *coronat opus*. Ты долженъ стоять за меня до конца.

— Разумѣется, государь, сказалъ Тристанъ. — Я малой простой, но благодарный и исполню свою обязанность въ здѣшнихъ стѣнахъ такъ же, какъ исполнялъ вездѣ; пока я живъ, вашъ приговоръ будетъ такъ же буквально выполненъ, какъ еслибъ вы сидѣли на вашемъ собственномъ тронѣ.

— Я всегда этого ожидалъ отъ тебя, мой милый кумъ, возразилъ Людовикъ: — но надежная ли у тебя помощь? Измѣнникъ силецъ и ловокъ, и вѣроятно расшумится, будетъ кричать, звать на помощь... Шотландецъ станетъ только охранять дверь; хорошо еще, что его и на это можно было уговорить любезностями и лестью. Оливье годится только на то, чтобъ лгать льстить и подавать опасные совѣты; онъ скорѣе самъ когда нибудь заслужитъ себѣ веревку, нежели стучитъ угостить ею другого. Есть ли у тебя люди и средства, чтобъ дѣйствовать бойко и вѣрно?

— У меня здѣсь Труазешелль и Птитъ Андре, люди до того опытные въ своемъ дѣлѣ, что изъ трехъ

человѣкъ они повѣсятъ одного прежде, чѣмъ замѣтятъ остальные двое. А мы все рѣшились жить и умереть съ вашимъ величествомъ, зная, что намъ придется дышать недолго, когда вы отправитесь, не долѣе того, сколько случилось кому либо изъ нашихъ пациентовъ. Но кого вы поручаете намъ теперь, если ваше величество позволите спросить? Я люблю знать эти вещи навѣрное: потому что, случилось, что я ошибался въ преступникѣ и вздергивалъ вмѣсто его честнаго земледѣльца, который ни въ чемъ не провинялся.

— Совершенно справедливо; знай же, Тристанъ, что осужденный — Марціусъ Галеотти... Ты удивляешься; но дѣло имевно въ томъ. Негодѣй этотъ заманилъ насъ сюда ложными и вѣроломными увѣреніями, чтобъ предать беззащитныхъ въ руки герцога бургундскаго.

— Но ему будетъ отмщено! воскликнулъ Тристанъ.
— Еслибъ это было даже моимъ послѣднимъ дѣломъ, я ужалю его окончательно, какъ издыхающая оса, хотя бы послѣ того меня самого раздавили въ прахъ!

— Знаю твою вѣрную душу, сказалъ король: — знаю удовольствіе, съ которымъ ты, какъ и все добрые люди, исполняешь свою обязанность, потому что добродѣтель, какъ говорятъ въ школахъ, служить сама себѣ лучшею наградой. Ну, ступай же, приготовь жрецовъ, потому что жертва приближается.

— Угодно вамъ, чтобъ дѣло свершилось въ нашемъ собственномъ присутствіи, государь?

Людовикъ отказался отъ этого предложенія; онъ приказалъ, только, чтобъ уголовный профось приго-

говилъ все къ точному исполненію его приказаній въ ту минуту, когда астрологъ выйдетъ отъ него. «Я хочу еще разъ увидѣть этого измѣнника, сказалъ король: — чтобъ посмотрѣть, какъ онъ выдержитъ себя въ присутствіи государя, котораго онъ вовлекъ въ бѣду. Я люблю, видя, какъ чувство приближающейся смерти уничтожитъ краску съ его румянныхъ щекъ и отуманитъ глаза, которые смѣялись, обманывая меня. О, еслибъ съ нимъ былъ еще одинъ, чьи совѣты помогали его предвѣщаніямъ! Но если я переживу это, поберегите вашу багряную одежду, монсеньеръ кардиналь!... Чего же ты ждешь? Поди и готовь своихъ помощниковъ, — я жду измѣнника сейчасъ же. Молю только небо, чтобъ онъ не испугался и не отказался прійти! Это была бы непріятная неудача... Ступай же, Тристанъ; ты не имѣлъ привычки медлить, когда тебѣ предстояло дѣло.

— Напротивъ, и не во гнѣвъ вашему величеству, вы всегда находили, что я былъ слишкомъ скоръ, и даже иногда ошибался въ вашемъ намѣреніи, кончая дѣло не съ тѣмъ, съ кѣмъ было нужно. Теперь, не угодно ли будетъ вашему величеству дать мнѣ какой нибудь знакъ, чтобъ я зналъ, приступать ли мнѣ къ дѣлу, или нѣтъ, когда Галеотти уйдетъ отъ васъ. Я помню, что ваше величество раза два перемѣняли намѣреніе и осуждали меня за лишнюю торопливость (*).

(*) Вариллясъ, въ своей «Исторіи Людовика XI», замѣчаетъ, что его уголовный профось бывалъ часто такъ поспѣшенъ въ исполненіи, что казнилъ другого челоуѣка вмѣсто

— Подозрительное животное! отвѣчалъ Людовикъ: — говорю тебѣ, что я *не перемѣню* своего намѣренія; но, чтобъ заставить тебя молчать, то замѣть: если я скажу негодю на прощанье: «есть небо надъ нами!» тогда дѣйствуй; если я скажу: «иди съ миромъ,» значитъ, я перемѣнилъ намѣреніе.

— А тѣло, возразилъ профосъ: — какъ мы съ тѣломъ-то распорядимся?

— Дай посмотрѣть, сказалъ король: — окна залы слишкомъ узки; но этотъ выдающійся орильионъ достаточно широкъ. Мы спустимъ тѣло въ Сомму и привяжемъ на грудь бумагу съ надписью: «королевское правосудіе проходитъ безошлинно.» Пусть чиновники герцога выудятъ его для пошрины, если осмѣлятся.

Уголовный судья вышелъ изъ спальни Людовика и созвалъ своихъ помощниковъ для совѣта въ амбразуру окна, гдѣ Труазешель приставилъ къ стѣнѣ горящій факель. Они разсуждали между собою шопотомъ, мало замѣчаемые Оливье, который казался погруженнымъ въ уныніе, и Рубцомъ, который крѣпко спалъ.

Съ необычайною ловкостью и даже съ нѣкотораго рода восхищеніемъ, вѣроятно происходившимъ отъ любви къ своему ремеслу и улаждавшимъ чувство ихъ собственнаго надежнаго положенія, достойные исполнители повелѣній уголовного профоса приготовили ве-

---

указаннаго ему королемъ. Это всегда бывало поводомъ къ двойной казни, потому что гнѣвъ или мщеніе короля никогда не удовлетворялись наказаніемъ одного вмѣсто другого.

ревку и блокъ, которыми должно было привести въ исполненіе приговоръ, произнесенный плѣннымъ государемъ Марціусъ Галеотти. Они, повидимому, обрадовались, что послѣднее ихъ дѣйствіе будетъ въ духѣ занятій ихъ прежней жизни. Тристанъ Пустынный смотрѣлъ на труды своихъ помощниковъ съ довольнымъ видомъ, между тѣмъ, какъ Оливье не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія; а Лесли, пробужденный ихъ хлопотнею, смотрѣлъ на нихъ такими глазами, какъ будто они занимались дѣломъ, вовсе не касавшимся его собственной обязанности и за которое ему самому никакимъ образомъ не пришлось бы отвѣчать.

XXIX.

ВОЗМЕЗДІЕ.

Шутъ де-Глорье безъ большого труда выполнилъ порученіе Людовика: онъ отправился прямо въ лучшую гостинницу въ Пероннѣ, которую онъ самъ часто посѣщалъ, будучи большимъ любителемъ той жидкости, которая уравнивала умы всѣхъ людей съ его собственнымъ.

Онъ нашелъ, или скорѣе замѣтилъ астролога въ углу общей питейной комнаты, или «камина», какъ ее называли Нѣмцы и Фламандцы по главной ее утвари; тамъ мудрецъ былъ занятъ серьезнымъ разговоромъ съ какою-то женщиной въ странной одеждѣ, похожей

на мавританскую или азіатскую. Когда ле-Глорье подошелъ къ Марціусу, она встала, готовясь уйдти. — Вотъ, сказала незнакомка: — новости, на которыя вы смѣло можете положиться. Съ этими словами, она исчезла въ толпѣ гостей, сидѣвшихъ группами за нѣсколькими столами, разставленными въ комнатѣ.

— Братецъ философъ! сказалъ шутъ, являясь астрологу: — не успѣваетъ небо смѣнить одного часового, какъ отправляетъ на его мѣсто другого. Одна безумная фигура ушла, и вотъ является другая — никто другой, какъ я, чтобъ вести васъ въ покон Людовика Французскаго.

— Ты его посланецъ? спросилъ Марціусъ, глядя на него съ быстрою догадливостью, и узнавъ сразу званіе его, хотя оно и менѣе обыкновеннаго отличалось наружными признаками, какъ мы уже имѣли случай замѣтить.

— Да, сударь, не во гнѣвъ вашей учености, отвѣчалъ ле-Глорье. — Когда могущество посылаетъ глупость для приглашенія къ себѣ мудрости, это вѣрный знакъ, на которую ногу пациентъ хромаетъ.

— А если я откажусь ийти, потому что меня зовутъ такъ поздно и черезъ такого вѣстника?

— Тогда мы постараемся доставить вамъ больше удобствъ и перенесемъ васъ туда, возразилъ ле-Глорье. — Здѣсь есть человекъ съ десяткомъ дюжихъ бургундскихъ воиновъ, которыми Крэвкеръ снабдилъ меня для такого случая, потому что мы съ пріятелемъ моимъ, Карломъ Бургундскимъ, еще не отняли у нашего родственника Людовика короны, которую тотъ былъ

такъ глупъ, что отдалъ въ наши руки; мы только немного попилили и обрѣзали ее; но хотъ теперь она и уменьшилась до величины блески, все-таки же она изъ чистаго золота. Просто сказать, онъ все еще владыка надъ своимъ народомъ, включая въ этотъ народъ и тебя. Христіаннѣйшій король въ старой столовой залѣ Перонскаго Замка, куда ты, какъ его вѣрноподданный, долженъ немедленно отправиться.

— Иду съ вами, сударь, сказалъ Марціусъ Галеотти и послѣдовалъ за шутомъ, можетъ быть и потому, что чувствовалъ невозможность отдѣлаться.

— Разумѣется, сударь, сказалъ шутъ, когда они направили путь къ замку: — вы умно поступаете; мы обходимся съ нашимъ родственникомъ какъ со львомъ, засаженымъ въ клѣтку, и бросаемъ ему по временамъ теленка для жвачки, чтобъ доставить упражненіе его старымъ челюстямъ.

— Не полагаете ли вы, что король намѣренъ сдѣлать мнѣ какое нибудь зло?

— Ну, на этотъ счетъ вы должны догадываться лучше моего, возразилъ шутъ: — хотя ночь и пасмурна, я готовъ поручиться, что вы можете звѣзды видѣть сквозь облака. Я тутъ ничего не понимаю; только помню, что мать моя всегда совѣтовала осторожнѣе подходить къ старой крысѣ, попавшейся въ западню, потому что она тогда больше всего бываетъ расположена кусаться.

Астрологъ пересталъ разспрашивать, а ле-Глорье, по обычаю людей своего ремесла, пустился въ дикій и безпорядочный рядъ сарказмовъ, смѣшанныхъ со

вздоромъ, пока не сдаль мудреца стражѣ у воротъ Пероннскаго Замка; тамъ его передавали отъ одного часового къ другому и наконецъ впустили въ Башню Эрбера.

Галеотти не пропустилъ мимо ушей намековъ шута; онъ замѣтилъ что-то особенное во взглядѣ и приемахъ Тристана, котораго обращеніе съ нимъ, когда онъ повелъ его въ спальню короля, имѣло въ себѣ что-то скрытное, сердитое и зловѣщее. Тщательно наблюдая происходившее на землѣ, равно какъ и небесныя тѣла, астрологъ также не оставилъ безъ вниманія блока и веревки. Такъ какъ веревка еще шевелилась, то онъ заключилъ, что кто нибудь, занятый приспособленіемъ ея, былъ прерванъ среди своей работы его внезапнымъ приходомъ. Все это онъ видѣлъ и сосредоточилъ всю свою сметливость и тонкость, чтобъ вывернуться изъ угрожающей опасности, а въ случаѣ, еслибъ это оказалось невозможнымъ, рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности противъ кого бы то ни было.

Съ такою рѣшимостью, принявъ взглядъ и осанку, соотвѣтствовавшія его намѣренію, Галеотти предсталъ предъ Людовика, не смущаясь неудачею своихъ предвѣщаній и не страшась гнѣва короля и вѣроятныхъ его послѣдствій.

— Да благопріятствуетъ вашему величеству всякая добрая планета! сказалъ астрологъ съ поклономъ, похожимъ на восточный: — да удержать свое вліяніе на моего царственнаго повелителя всѣ злыя созвѣздія!

— Мнѣ кажется, возразилъ король: — что когда ты взглянешь вокругъ себя въ этомъ покоѣ и поду-

маешь о томъ, гдѣ онъ находится и какъ его стерегутъ, твоя мудрость должна убѣдиться, что благопріятныя мнѣ свѣтила оказались вѣроломными, и всѣ злыя сочетанія уже излили на меня все, что только есть худшаго. Не стыдно ли тебѣ, Марціусъ Галеотти, видѣть меня здѣсь плѣнникомъ, если вспомнишь, какими увѣреніями я былъ завлеченъ сюда?

— А не стыдно ли тебѣ, мой царственный ученикъ, возразилъ философъ: — тебѣ, котораго успѣхи въ наукѣ были такъ быстры, понятливость такъ велика, постоянство такъ неутомимо, не стыдно ли тебѣ пугаться первой гримасы фортуны, подобно тому, какъ трусь бѣжить при первомъ брянчаніи оружія? Или ты намѣревался сдѣлаться участникомъ тѣхъ таинствъ, которыя возвышаютъ человѣка надъ страстями, неудачами, трудами и житейскими горестями? такого состоянія достигаютъ только тѣ, которые соперничаютъ въ твердости съ древнимъ столбомъ, а ты отшатываешься отъ перваго напора несчастія и отрекаешься отъ славной награды, для которой пустился въ путь, отрекаешься какъ состязатель, спугнутый съ ристалища, какъ бѣгунъ, уstraшенный призраками и несуществующими опасностями?

— Призраками и несуществующими опасностями, безсовѣтный! воскликнулъ король. — Развѣ эта темница не существенна? развѣ оружіе стражей, поставленныхъ вокругъ меня моимъ ненавистнымъ врагомъ бургундскимъ, и брянчащихъ у тѣхъ воротъ, развѣ

это призраки? Что же, измѣнникъ, существенныя бѣдствія, если къ нимъ не принадлежать плѣнъ, низверженіе съ престола и опасность потерять жизнь?

— Невѣжество, невѣжество, братъ мой, и предубѣжденіе, отвѣчалъ мудрецъ съ большою твердостью: — вотъ единственныя существенныя бѣды. Вѣрь мнѣ: государи, даже пользующіеся всѣмъ своимъ могуществомъ, если погружены въ невѣжество и предразсудки, менѣе свободны, нежели мудрецы, брошенные въ подземелья и обремененные существенными цѣпями. Къ этому истинному благополучію взялся я вести тебя; твое дѣло внимать моимъ урокамъ.

— Такъ вотъ къ какой философской свободѣ должны были привести меня твои уроки? возразилъ горько король. — Я бы желалъ, чтобъ ты сказалъ мнѣ въ Плесси, что владычество, такъ щедро мнѣ обѣщанное, будетъ состоять во власти надъ моими страстями, что успѣхъ, въ которомъ я такъ былъ увѣренъ, относится къ усовершенствованію моему въ философіи, и что мнѣ предстояло сдѣлаться такимъ же мудрымъ и ученымъ, какъ скитающійся итальянскій фигляръ! Я бы, конечно, могъ достигнуть такого умственного превосходства гораздо дешевле, чѣмъ цѣною прекраснѣйшей въ цѣломъ христіанствѣ короны и наслажденія видѣть себя въ плѣну въ темницѣ Пероннскаго Замка! Поди, и не думай избѣгать заслуженнаго наказанія — *есть небо надъ нами!*

— Не хочу оставить васъ вашей судьбѣ, возразилъ Марціусъ: — пока не оправдаю даже въ вашихъ глазахъ, какъ бы омрачены они ни были, своей репу-

таціи; она свѣтлѣе самаго блестящаго алмаза твоей короны; ей будетъ удивляться свѣтъ цѣлыя вѣка послѣ того, какъ весь родъ Капета погрузится въ забвеніе въ склепахъ Сень-Дени.

— Говори, сказалъ король: — безстыдство твое не можетъ перемѣнить ни намѣренія моего, ни мнѣнія; но хоть я, можетъ быть, уже никогда не буду въ состояніи произносить приговоровъ какъ государь, не хочу осуждать тебя, не выслушавъ напередъ. Говори же, хотя лучшее, что ты можешь сказать, будетъ сказать истину. Сознайся, что я одураченъ, что ты лжець, что мнимая наука твоя сонъ, и что сіяющія надъ нами планеты имѣютъ на участь нашу также мало вліянія, какъ тѣни ихъ, отражающіяся въ рѣкѣ, на перемѣну ея теченія.

— А почему знаешь ты таинственное вліяніе этихъ священныхъ свѣтильниковъ? смѣло возразилъ астрологъ. — Ты говоришь, они не имѣютъ вліянія на воды, не зная, что слабѣйшее изъ этихъ свѣтилъ, луна, — слабѣйшее потому, что она ближе всѣхъ къ нашей жалкой землѣ, — владычествуетъ не надъ такими бѣдными потоками, какъ Сомма, а надъ самимъ неизмѣримымъ океаномъ, котораго воды возвышаются или понижаются, смотря потому, растеть ли серпъ луны или убываетъ; океанъ подстерегаетъ ея движенія, какъ невольникъ подстерегаетъ знакъ султанши. Теперь, Людовикъ де-Валуа, отвѣчай мнѣ въ свою очередь; сознайся, не похожъ ли ты на безумнаго пугешественника, негодующаго на кормчаго за то, что онъ не можетъ привести корабля въ гавань, не испы-

тавъ на пути враждебной силы вѣтровъ и теченій? Я могъ указать тебѣ, что по всей вѣроятности предпріятіе твое увѣнчается успѣхомъ, но одно могущество неба могло доставить тебѣ благополучное его окончаніе; если путь труденъ и опасенъ, развѣ въ моей власти сдѣлать его болѣе гладкимъ и надежнымъ? Гдѣ твоя вчерашняя мудрость, научившая тебя такъ основательно полагать, что пути судьбы направляются часто въ нашу пользу, хотя и наперекоръ нашимъ желаніямъ?

— Ты напоминаешь... ты напоминаешь мнѣ одну доказанную ложь, сказалъ поспѣшно король. Ты предсказалъ мнѣ, что тотъ молодой Шотландецъ исполнить свое порученіе удачно для моей пользы и чести; а тебѣ извѣстно, какъ оно кончилось: я не могъ бы получить смертельной обиды хуже той, которую доставило мнѣ впечатлѣніе, произведенное послѣдствіями этого дѣла на разгоряченный мозгъ бѣшенаго вола бургундскаго. Ты сказалъ прямую ложь! Тутъ ты уже не можешь уклоняться, не можешь отнестись къ болѣе благопріятной переменѣ теченія, которой ты хотѣлъ заставить меня дожидаться, какъ безумца, сѣвшаго у берега рѣки и рѣшившагося выждать, скоро ли она протечетъ. Тутъ лукавство твое обмануло тебя. Ты былъ столько слабъ, что рѣшился сдѣлать особенное предвѣщаніе, которое оказалось вполнѣ ложнымъ.

— Которое окажется вполнѣ вѣрнымъ и неизбѣжнымъ, отвѣчалъ смѣло астрологъ. — Я не желалъ бы лучшаго торжества науки надъ невѣжествомъ, какъ то, которое доставитъ осуществленіе моего предска-

нія. Я сказалъ тебѣ, что Шотландецъ исполнить вѣрно всякое благородное порученіе: развѣ вышло не такъ? Я сказалъ тебѣ, что онъ посовѣстится принять участіе во всякомъ безчестномъ предпріятіи: развѣ онъ этого не доказалъ? Если ты въ томъ сомнѣваешься, поди и спроси у цыгана Гайрадина Мограбина (тутъ король сильно покраснѣлъ отъ стыда и досады)...

— Я говорилъ тебѣ, продолжалъ астрологъ: — что сочетаніе планетъ, при которомъ онъ пустился въ путь, предвѣщало ему опасность: развѣ странствіе его не было сопряжено съ гибелью? Я сказалъ тебѣ, что оно будетъ выгодно посылающему: ты скоро этимъ воспользуешься.

— Скоро воспользуюсь! воскликнулъ король: — развѣ я уже не дождался окончанія, приведшаго меня къ униженію и плѣну?

— Нѣтъ, конецъ еще не насталъ; скоро твой собственный языкъ сознается въ пріобрѣтенной тобою выгодѣ, судя по тому, какъ посланный велъ себя, исполняя твое порученіе.

— Это уже слишкомъ, слишкомъ нагло! обманывать и въ то же время оскорблять меня... Но ступай! не думай, чтобъ мои несчастія остались неотомщенными, *есть небо надъ нами!*

Галеотти повернулся, чтобъ уйти. — Однако стой, сказалъ Людовикъ: — ты храбро выдержишь свою лживую роль. Отвѣчай мнѣ на одинъ вопросъ и напередъ обдумай то, что станешь говорить. Можетъ ли твое мнимое искусство опредѣлить часъ твоей собственной смерти?

— Только относительно къ участи другого, отвѣчалъ Галеотти.

— Не понимаю...

— Знай же, государь, сказалъ Марціусъ, что касательно моей собственной смерти я могу съ достоинствомъ сказать только, что она произойдетъ ровно за двадцать четыре часа до кончины вашего величества.

— Какъ! что ты говоришь? воскликнулъ Людовикъ, снова измѣняясь въ лицѣ. — Стой, стой, не уходи, подожди одну минуту. Ты говоришь, что моя смерть послѣдуетъ такъ близко за твоею?

— Ровно черезъ двадцать четыре часа, повторилъ Галеотти съ твердостью: — если есть хоть одна искра правдиваго предвѣщанія въ этихъ свѣтлыхъ и таинственныхъ разумныхъ существахъ, изъ которыхъ каждое говоритъ на своемъ пути, хотя и не имѣетъ языка. Желаю вашему величеству покойной ночи.

— Стой, стой, не уходи! сказалъ король, взявъ его за руку и отводя отъ дверей. — Марціусъ Галеотти, я былъ для тебя кроткимъ повелителемъ, обогатилъ тебя, сдѣлалъ своимъ другомъ, товарищемъ, наставникомъ въ наукѣ. Будь со мною откровененъ, прошу тебя. Есть ли въ самомъ дѣлѣ что нибудь особенное въ твоей наукѣ? Дѣйствительно ли будетъ мнѣ полезно порученіе, данное этому Шотландцу? И правда ли, что сроки нашихъ существованій такъ тѣсно, очень тѣсно между собою связаны? Признайся, добрый Марціусъ, ты говоришь это только какъ обыкновенныя рѣчи, необходимыя въ твоемъ искусствѣ. Прошу

тебя, сознайся; ты не увидишь за это никакого неудобства съ моей стороны. Я въ лѣтахъ, плѣнникъ; вѣроятно, могу даже лишиться короны: человѣку въ моемъ положеніи истина стоитъ царствъ, и отъ тебя, дорогой Марціусъ, жду я этого безцѣннаго алмаза.

— И я предложилъ его вашему величеству, рискуя тѣмъ, что въ припадкѣ безумнаго гнѣва вы могли броситься на меня и растерзать меня въ клочки.

— Кто, я, Галеотти? кротко возразилъ Людовикъ: — Увы! какъ ты во мнѣ ошибаешься! Развѣ я не въ плѣну? развѣ я не долженъ быть терпѣливъ потому только, что гнѣвъ мой доказалъ бы лишь безсиліе? Скажи же мнѣ чистосердечно: ты одурачилъ меня?... Или наука твоя правдива, и ты говорилъ правду?

— Простите, ваше величество, если я отвѣчу, что только время, время и самое событіе убѣдятъ васъ въ истинѣ. Неприлично человѣку, занимавшему такое почетное мѣсто за столомъ въ совѣтѣ знаменитаго завоевателя, Матѳея Корвина венгерскаго, даже въ кабинетѣ самого императора, повторять увѣренія въ томъ, что сказанное имъ — не выдумка. Если вы не хотите мнѣ вѣрить, я могу только сказать, что ходъ событій подтвердить слова мои. Терпѣніе въ продолженіе одного или двухъ дней докажетъ или опровергнетъ то, что я предсказывалъ касательно молодого Шотландца; пусть я умру на колесѣ, пусть члены мои будутъ переломаны по составамъ, если ваше величество не приобретете пользы, и весьма важной, отъ неустрашимаго поведения этого Квентина Дорварда. Но если я долженъ умереть въ такихъ пыткахъ, то ваше величество

хорошо сдѣлаете, отыскавъ себѣ духовника: съ того мгновенія, когда я вздохну въ послѣдній разъ, вамъ останется для исповѣди и покаянія ровно двадцать четыре часа.

Людовикъ продолжалъ держаться за кафтанъ Галеотти, провожая его до дверей. Когда астрологъ отворялъ ихъ, король громко произнесъ: — Завтра мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе. *Иди съ миромъ, ученый отецъ мой, иди съ миромъ, иди съ миромъ!*

Онъ три раза повторилъ эти слова; потомъ, все еще боясь, чтобъ уголовный судья какъ нибудь не ошибся, провелъ астролога въ залу, не выпуская изъ рукъ полы его платья, какъ будто опасаясь, чтобъ не вырвали его и не лишили жизни при его глазахъ. Онъ не оставилъ одежды Галеотти, не повторивъ еще нѣсколько разъ фразы «иди съ миромъ», и не сдѣлавъ уголовному судѣй знакъ, чтобъ тотъ прекратилъ всѣ приготовленія противъ особы звѣздочета.

Такимъ образомъ, обладаніе какимъ нибудь тайнымъ свѣдѣніемъ, вмѣстѣ съ дерзостью и находчивостью, спасло Галеотти отъ неминуемой опасности, и такимъ образомъ Людовикъ, самый прозорливый, самый мстительный изъ всѣхъ государей своего времени, былъ обманутъ и лишенъ удовольствія отмстить: суевѣріе имѣло сильное вліяніе на себялюбивый нравъ его и на духъ, которому, отъ внутренняго сознанія во множествѣ преступленій, смерть была очень страшна.

Такимъ образомъ прошла ночь въ Башнѣ Графа Эрбера, въ Перонскомъ Замкѣ. Когда первый лучъ разсвѣта проникъ въ старинный готическій покой, ко-

роль позвалъ къ себѣ Оливье. Цирюльникъ нашель своего государя сидящимъ въ халатѣ и удивился перемѣнѣ, напечатлѣнной на его лицѣ одною ночью смертельнаго безпокойства. Онъ уже готовъ былъ выразить на этотъ счетъ свое удивленіе; но король остановилъ его, вступивъ въ изложеніе различныхъ средствъ, которыми онъ сначала старался приобрѣтать себѣ друзей при бургундскомъ дворѣ, и которыя Оливье долженъ былъ опять пустить въ дѣло лишь только ему позволять выйти изъ замка. Никогда еще этотъ лукавый министръ не бывалъ до такой степени пораженъ ясностью ума своего государя и точнымъ знаніемъ всѣхъ пружинъ, имѣющихъ вліяніе на человѣческія дѣйствія, какъ въ это достопамятное совѣщаніе.

Часа черезъ два послѣ того, Оливье выпросилъ у графа де-Крэккера позволеніе отлучиться для выполненія порученій, данныхъ ему королемъ. Потомъ Людовикъ послалъ за астрологомъ, которому, казалось, снова началъ вѣрить, и имѣлъ съ нимъ также длинный разговоръ, внушившій ему повидимому больше твердости духа и самоувѣренности, нежели сколько онъ сначала обнаружилъ. Наконецъ одѣлся и принялъ утреннее привѣтствіе Крэккера съ такимъ спокойствіемъ, которому не могъ надивиться бургундскій вельможа, слышавшій, что герцогъ провелъ нѣсколько часовъ въ тревожномъ состояніи духа, дѣлавшемъ повидимому безопасность короля весьма ненадежною.

ПРИШЪЧАНІЕ КЪ ГЛАВЪ ХХІХ.

Смерть Марціуса Галеотти имѣла нѣкоторую связь съ Людовикомъ XI. Астрологъ былъ въ Ліонѣ, и, услышавъ, что король приближается къ городу, сѣлъ на коня, чтобъ выѣхать къ нему на встрѣчу. Соскакивая торопливо съ лошади, чтобъ изъяснить королю свое почтеніе, онъ упалъ, и дородность его сдѣлала это паденіе столь сильнымъ, что онъ вскорѣ умеръ (въ 1478 году).

Но остроумная и показывающая большую находчивость выдумка для избѣжанія немедленной смерти, не принадлежитъ къ исторіи этого философа. Такой, или почти такой анекдотъ рассказываютъ о Тиверіи, спросившемъ гадателя Тразулла, знаетъ ли онъ часъ своей собственной смерти, и получившемъ въ отвѣтъ, что онъ умретъ ровно за трое сутокъ прежде императора. Послѣ подобнаго отвѣта, вмѣсто того, чтобъ бросить предсказателя черѣзъ скалы въ море, какъ сначала намѣревался тиранъ, о немъ приложили большія попеченія на весь остатокъ его жизни. — *Taciti Annal. lib. VI, cap. 22.*

Обстоятельства, въ которыхъ Людовикъ XI получилъ такой же отвѣтъ отъ одного астролога, слѣдующія: — вѣщунъ предсказалъ, что любимица короля Людовика, къ которой онъ особенно былъ привязанъ, умретъ черезъ недѣлю. Такъ какъ предсказаніе его сбылось, король сильно разгнѣвался на астролога, какъ будто тотъ могъ отвратить напророченное имъ несчастіе. Пославъ за звѣздочетомъ, Людовикъ велѣлъ нѣсколькимъ челоуѣкамъ приготовиться убить его лишь только онъ выйдетъ изъ королевской аудіенціи. На распросы короля касательно собственной его участи, онъ сознался, что замѣчаетъ признаки крайней опасности; потомъ, когда Людовикъ спросилъ астролога о днѣ его смерти, тотъ отвѣчалъ ему съ большимъ спокойствіемъ, что умретъ ровно тремя сутками

прежде его величества. Послѣ этого, разумѣется, употреблено было стараніе отъ него назначенную ему участь; въ послѣдствіи, онъ всегда пользовался особеннымъ покровительствомъ короля, какъ человѣкъ ученый, котораго участь тѣсно связана съ судьбою его государя.

Хотя почти всѣ историки Людовика изображаютъ его протязкомъ касательно общихъ въ то время, но блестящихъ обмановъ судейской астрологіи, однако легковѣріе его врядъ ли можно считать глубоко укорененнымъ, если справедливъ рассказанный Бэйлемъ слѣдующій анекдотъ:

Однажды Людовикъ, собираясь охотиться и сомнѣваясь на счетъ погоды, спросилъ бывшаго при его особѣ астролога, будетъ ли хорошій день. Мудрецъ, обратившись напередъ къ своей астрологіи, съ увѣренностью отвѣчалъ утвердительно. При входѣ въ лѣсъ, королевскій поѣздъ встрѣтилъ угольщика, который выразилъ свое удивленіе нѣкоторымъ изъ слугъ, что король пускается на охоту въ такой день, когда готовится гроза. Предвѣщаніе угольщика оказалось справедливымъ. Король долженъ былъ отказаться отъ охоты вмѣстѣ съ своимъ дворомъ, промокши насквозь; услышавъ о томъ, что говорилъ угольщикъ, онъ велѣлъ позвать его къ себѣ. — Какимъ образомъ, другъ мой, предсказалъ ты вѣрнѣе этого ученаго мужа? спросилъ король. — Я человѣкъ неученый, государь, отвѣчалъ угольщикъ: — никогда не бывалъ въ школахъ и не учился ни читать, ни писать. Но за то у меня есть гадатель, который умѣетъ предсказывать погоду лучше любого изъ нихъ: — это осель, таскающій мои уголья; когда надобно ждть дурной погоды, онъ наостряетъ уши впередъ, идетъ тише обыкновеннаго и старается тереться около стѣнъ; по этимъ признакамъ я вчера и угадалъ, что будетъ гроза. — Король расхохотался, отставилъ отъ себя двуногого астролога и назначилъ угольщику небольшую пенсію на содержаніе четвероногого, поклявшись, что впередъ онъ не повѣритъ никакому астрологу, кромѣ осла угольщика.

Но если въ этомъ разсказѣ есть сколько нибудь правды,

то легковѣріе Людовика не излечилось отъ описанной здѣсь неудачи. Говорятъ, онъ вѣрилъ предвѣщанію медика своего Анджело Катто, бывшаго другомъ Комина и предсказавшаго смерть Карлу Бургундскому въ тотъ самый день и часъ, когда герцогъ лишился жизни въ сраженіи при Мора. Основываясь на этомъ увѣреніи, Людовикъ далъ обѣтъ сдѣлать серебряную раку св. Мартину, что онъ въ послѣдствіи и исполнилъ, заплативъ за нее сто тысячъ франковъ. Кромѣ того, хорошо извѣстно, что онъ былъ всеглашнимъ рабомъ своихъ врачей. Одинъ изъ нихъ, Коктье или Коттье, кромѣ постоянной платы десяти тысячъ кронъ, выпрашивалъ отъ своего царственного пациента большія суммы денегъ и земли, наконецъ, въ добавокъ ко всему, выпросилъ Амьенское Епископство своему племяннику. Онъ имѣлъ надъ Людовикомъ неограниченное вліяніе и обходился съ нимъ съ самою непочтительною суровостью и грубостью. — Я знаю, говорилъ онъ большому королю: — что вы когда нибудь прогоните и меня, также какъ прогнали многихъ другихъ. Но, клянусь небомъ, вамъ лучше остеречься, потому что вы не проживете и недѣли послѣ того, какъ это сдѣлаете! Нечего больше распространяться о страхахъ и суевѣріи государя, котораго жалкая любовь къ жизни заставляла переносить подобныя оскорбленія.

XXX.

НЕИЗВѢСТНОСТЬ.

Если проведенная Людовикомъ ночь прошла въ безпокойствѣ и опасеніяхъ, то ночь герцога бургундскаго, который никогда не имѣлъ равной съ своимъ соперникомъ власти надъ собственными страстями, а, напротивъ, давалъ имъ почти полное и неограниченное вліяніе надъ своими дѣйствіями, была еще болѣе тревожна.

Сообразно съ обычаями того времени, двое изъ его главныхъ и наиболѣе любимыхъ совѣтниковъ, д'Эмберкуръ и де-Коминъ, были въ его спальнѣ, гдѣ для нихъ были приготовлены постели недалеко отъ кровати самого герцога. Присутствіе ихъ никогда не было нужнѣе, какъ въ ту ночь, когда душа герцога, терзаемая горестью, гнѣвомъ, жаждою мщенія и чувствомъ чести, непозволявшимъ ему разразиться надъ Людовикомъ въ теперешнемъ его положеніи, — походила на огнедышащую гору, выбрасывающую въ одной горящей массѣ все, что есть внутри ея.

Онъ не хотѣлъ раздѣваться, запретилъ всякія приготовленія ко сну, и провелъ всю ночь въ безпрестанно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ бѣшеныхъ порывахъ. Въ одни изъ такихъ припадковъ, онъ безпрестанно говорилъ съ своими приближенными, но такъ скоро и такъ невнятно, что они дѣйствительно опасались за

его разсудокъ. Карлъ распространился о достоинствахъ и благородномъ сердцѣ убитаго епископа литтискаго, припоминалъ взаимную дружбу, привязанность и довѣренность, которыя они питали другъ къ другу, и довелъ себя до такой восторженной горести, что бросился лицомъ въ постель, и, казалось, готовъ былъ задохнуться отъ рыданій и слезъ, которыя старался задушить въ себѣ. Потомъ, вскочивъ съ кровати, онъ предался другому, болѣе неистовому расположенію духа; скорыми шагами ходилъ онъ по комнатѣ, произнося несвязныя угрозы и еще болѣе невнятыя клятвы мщенія; топалъ ногою, по своему обыкновению, призывалъ св. Георгія, св. Андрея и всѣхъ святыхъ, которыхъ наиболѣе почиталъ, въ свидѣтели, что онъ разразится кровавою местию надъ Гильйомомъ де-ла-Маркомъ, жителями Литтиха, и надъ нимъ, главнымъ виновникомъ всего. Послѣднія угрозы, произнесенныя сбивчивѣе другихъ, очевидно относились къ самой особѣ короля; герцогъ изъявилъ даже рѣшимость послать немедленно за герцогомъ Нормандскимъ, братомъ короля, бывшимъ съ нимъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ, послать для того, чтобъ принудить плѣннаго государя отдать брату или корону свою, или нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ ея правъ и принадлежностей.

Еще сутки прошли въ такихъ же бурныхъ и порывистыхъ размышленіяхъ, или скорѣе, быстрыхъ переходахъ страстей; герцогъ почти ничего не ѣлъ, не перемѣнялъ одежды и велъ себя почти какъ человекъ, котораго бѣшенство можетъ кончиться совершеннымъ

разстройствомъ разсудка. Постепенно, однако, онъ началъ успокоиваться и отъ времени до времени совѣтовался съ своими министрами, при чемъ многое предлагалось, но ничего не рѣшалось. Коминъ увѣряетъ, что была минута, когда гонецъ сидѣль уже на конѣ въ совершенной готовности скакать для приглашенія герцога Нормандскаго: въ такомъ случаѣ, — судя по обыкновеніямъ того времени, темница Французскаго короля, вѣроятно, была бы для него кратчайшимъ путемъ въ могилу.

По временамъ, когда истощалось неистовство Карла, онъ сидѣль съ неподвижнымъ лицомъ, и черты его были суровы и строги, какъ у человѣка, обдумывающаго отчаянное дѣло, на которое онъ еще не вполне можетъ рѣшиться. Безспорно, малѣйшаго косвеннаго намека отъ котораго нибудь изъ его приближенныхъ было бы довольно, чтобъ подвигнуть герцога на самый отчаянный поступокъ. Но бургундскіе вельможи, изъ уваженія къ священной неприкосновенности особы короля, верховнаго ихъ феодальнаго владыки, и помышляя о народной чести, равно какъ о чести самого герцога, которою огражденъ былъ Людовикъ, отдаваясь во власть Бургундіи, — были почти единодушно склонны къ умѣренности; доказательства, которыя д' Эмберкуръ и Коминъ рѣшались иногда представлять въ продолженіе ночи, были въ болѣе хладнокровные часы слѣдующаго утра высказываемы и поддерживаемы Крѣвкеромъ и другими. Очень возможно, что усердіе ихъ въ пользу короля было не вполне безкорыстно. Многіе, какъ мы упомянули, уже вос-

пользовались щедростью Людовика; другіе имѣли или помѣстья или какія нибудь притязанія во Франціи, которыя отчасти подчиняли ихъ его вліянію: достоверно то, что сокровища, которыми были навьючены четыре мула, когда король вѣхалъ въ Перонну, значительно облегчились во время этихъ переговоровъ.

Въ продолженіе третьяго дня, графъ де-Кампо Бассо прибылъ въ совѣтъ герцога съ своимъ итальянскимъ умомъ: Людовику выгодно было, что онъ находился въ отсутствіи въ первое время бѣшенства Карла. Немедленно послѣ приѣзда графа Кампо Бассо, созвано было полное собраніе совѣтниковъ герцога бургундскаго для обсужденія мѣръ, которыя слѣдовало принять въ такомъ необыкновенномъ случаѣ.

При этомъ, Кампо Бассо изложилъ свое мнѣніе, основанное на баснѣ о путешественникѣ, змѣѣ и лисицѣ; онъ напомнилъ герцогу совѣтъ, данный человеку лисицей, чтобъ онъ раздавилъ своего смертельнаго врага, такъ какъ случай предалъ участь его на его произволь. Коминъ, замѣтившій, что глаза герцога засверкали отъ предложенія, которое бурный нравъ и безъ того часто представлялъ уму его, поспѣшилъ сказать, что Людовика, можетъ быть, и нельзя прямо обвинять въ содѣйствіи кровавому злодѣянію, совершенному въ Шонвальдтѣ; что онъ, можетъ быть, даже въ состояніи очиститься отъ такого нареканія и вознаградить другими средствами за смуты, посянныя его интригами во владѣніяхъ герцога и его союзниковъ; что всякое насиліе съ особою короля навѣрно повлечетъ за собою для Франціи и Бургундіи рядъ

самыхъ несчастныхъ послѣдствій, въ числѣ которыхъ придется опасаться не менѣе прочихъ и того, что Англія воспользуется неизбѣжными при такомъ случаѣ потрясеніями и междоусобіями, въ намѣренія снова овладѣть Нормандіей и Гиенной, и возобновитъ тѣ ужасныя войны, которыя съ величайшимъ трудомъ были прекращены только соединенными силами Франціи и Бургундіи противъ общаго ихъ врага. Наконецъ, Коминъ заключилъ, что онъ вовсе не думаетъ предлагать полнаго и безусловнаго освобожденія Людовика, но полагаетъ, что герцогъ долженъ воспользоваться настоящимъ положеніемъ короля не болѣе, какъ для заключенія выгоднаго и честнаго договора между обѣими странами, съ такимъ обезпеченіемъ со стороны Людовика, чтобъ ему на будущее время было трудно нарушить свои обязательства или тревожить внутреннее спокойствіе Бургундіи. Д' Эмберкуръ, Крѣвкеръ и другіе изъявили несогласіе на насильственные мѣры, предложенныя графомъ Кампо Бассо: по ихъ мнѣнію, договоръ могъ доставить гораздо болѣе прочныя выгоды и былъ бы для Бургундіи почетнѣе, нежели поступокъ, который очернилъ бы ее навсегда, какъ измѣнницу противъ правилъ чести и гостепріимства.

Герцогъ слушалъ эти предложенія съ потушенными взорами, и густыя брови его нахмурились до того, что сдвинулись между собою. Но когда Крѣвкеръ сказалъ, что Людовикъ вѣрно не зналъ объ ужасномъ преступленіи, совершившемся въ Шонвальдтѣ, или покрайней мѣрѣ не принималъ въ немъ участія, Карлъ поднялъ голову, и, бросивъ на своего совѣтника

гнѣвный взглядъ, воскликнулъ: — И вы также, Крѣвкеръ, слышали звонъ французскаго золота? Мнѣ кажется, оно брѣнчить въ моихъ совѣтахъ такъ же весело, какъ когда либо звонили колокола въ Сень Дени. Найдется ли хоть одинъ, кто осмѣлился бы сказать, что не Людовикъ раздуваетъ эти смуты во Фландріи?

— Милостивый повелитель, возразилъ Крѣвкеръ: — рука моя всегда чаще зналась со сталью, нежели съ золотомъ; я такъ далекъ отъ того, чтобъ считать Людовика невиннымъ въ безпорядкахъ Фландріи, что недавно еще, при собраніи всего французскаго двора, обвинилъ въ нихъ короля и вызвалъ его на поединокъ отъ вашего имени. Но хотя интриги его и были безъ сомнѣнія первоначальною причиною этихъ безпокойствъ, однакожь я нисколько не увѣренъ, что онъ уполномочилъ умертвить прелата; мнѣ извѣстно даже, какъ одинъ изъ его агентовъ публично протестовалъ противъ этого злодѣянія: я могу показать этого чело-вѣка, если вашей милости угодно его видѣть.

— Если вамъ *угодно!* сказалъ герцогъ: — Святой Георгій! можешь ли ты сомнѣваться въ нашемъ желаніи дѣйствовать справедливо? Даже въ сильнѣйшей степени нашего гнѣва, насъ знаютъ, какъ судью правдиваго и прямодушнаго. Мы сами удивимъ французскаго короля, мы сами объявимъ ему свои обвиненія и сами объяснимъ ему, какого вознагражденія требуемъ и ожидаемъ. Если онъ окажется невиннымъ въ этомъ убійствѣ, ему легко будетъ загладить другія преступленія; но если онъ былъ въ немъ виновенъ,

кто скажетъ, что жизнь кающагося грѣшника, проведенная въ какомъ нибудь отдаленномъ монастырѣ, не будетъ ему самымъ заслуженнымъ и самымъ милосерднымъ приговоромъ? Кто, прибавилъ онъ, вспыхнувъ: — кто тогда осмѣлится осуждать мщеніе даже болѣе прямое и короткое? Приведи своего свидѣтеля: мы отправимся въ замокъ за часъ до полудня... Мы приготовимъ нѣсколько статей, на которыя онъ долженъ согласиться, или — горе ему! Другія будутъ зависѣть отъ испытанія. Совѣтъ можетъ разойтись. Я только переодѣнусь, потому что этотъ нарядъ едва ли будетъ приличенъ въ присутствіи моего *всемилостивѣйшаго государя*. Произнеся послѣднія слова съ особенно выразительнымъ и горькимъ удареніемъ, герцогъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

— Безопасность Людовика, и, что еще хуже, честь Бургундіи, зависитъ отъ одного паденія игральныхъ костей, сказалъ д'Эмберкуръ Крѣвкеру и де-Комину. — Поспѣши въ замокъ, Коминъ; у тебя языкъ заостренъ лучше, чѣмъ у меня или у Крѣвкера. Объясни Людовику, какая буря приближается; онъ лучше всѣхъ будетъ знать, какъ въ ней править рулемъ. Я увѣренъ, что этотъ тѣлохранитель не скажетъ ничего, чтобы испортило дѣло, потому что, кто знаетъ, какое именно тайное порученіе было ему довѣрено?

— Молодой человѣкъ, сказалъ Крѣвкеръ: — кажется, смѣлъ, но остороженъ и благоразуменъ не по лѣтамъ. Во всемъ, что онъ мнѣ говорилъ, онъ былъ щекотливъ, когда дѣло шло о королѣ, какъ о государѣ, которому онъ служить. Я увѣренъ, онъ ока-

жется такимъ же и въ присутствіи герцога. Я отправлюсь за нимъ и за молодою графинею де-Круай.

— За графинею! вы сказали, что оставили ее въ Монастырѣ св. Бригитты?

— Да; но я былъ принужденъ послать за нею нарочнаго, по приказанію герцога, отвѣчалъ графъ. — Ее принесли сюда на носилкахъ, потому что она была не въ силахъ путешествовать иначе.

Извѣстіе, что могодая графиня въ рукахъ Карла Бургундскаго, прибавило нѣсколько свѣжихъ и болѣе колючихъ шиповъ къ неудовольствіямъ Людовика. Онъ понималъ, что Изабелла, объяснивъ интриги, которыми онъ завлекъ графиню Амелину и заставивъ ее бѣжать изъ Перонны, можетъ замѣнить свидѣтеля, уничтоженнаго казною Замета Мограбина: Людовикъ зналъ, какъ много подобное доказательство его вмѣшательства въ дѣла герцога доставитъ его непріятелю причинъ и предлоговъ воспользоваться его собственнымъ невыгоднымъ положеніемъ.

Людовикъ распространялся объ этихъ вещахъ съ большимъ безпокойствомъ въ разговорахъ съ сѣромъ де-Коминонь, котораго тонкость и политическія дарованія гораздо болѣе ему нравились, нежели воинственное прямодушіе Крѣвкера, или феодальная надменность д'Эмберкура. — Этимъ желѣзными руками воинамъ, добрый другъ мой, Коминонь, говорилъ онъ своему будущему историку: — никогда бы не слѣдовало входить въ кабинеты государей; лучше бы оставаться имъ съ своими сѣкирами и бердышами въ передней. Съ такими людьми, какъ ты, Филиппъ, которыхъ глаза

одарены быстрымъ и прозорливымъ чувствомъ, видящимъ далѣе внѣшней оболочки дѣлъ, государи должны раздѣлять столъ своего совѣта, свой кабинетъ... что я говорю? имъ они должны открывать самыя скрытныя тайники души своей.

Естественно, Комину, человѣку дѣйствительно даровитому, было лестно слышать такое одобреніе отъ прозорливѣйшаго изъ европейскихъ государей; онъ не могъ вполнѣ скрыть своего внутренняго удовольствія, и Людовику легко было замѣтить, что онъ произвелъ на него нѣкоторое впечатлѣніе.

— Я бы желалъ, продолжалъ король: — имѣть такого слугу, или скорѣе, быть достойнымъ такого слуги! Тогда я не былъ бы въ теперешнемъ несчастномъ положеніи, о которомъ, не смотря на то, я едва ли бы сожалѣлъ, еслибъ могъ найти средство завѣрить себѣ услуги такого опытнаго политика.

Де-Коминъ отвѣчалъ, что всѣ его способности, каковы бы онѣ ни были, готовы къ услугамъ его христіаннѣйшаго величества, исключая, разумѣется, преданности его къ природному своему повелителю, герцогу Карлу Бургундскому.

— Не уже ли я такой человѣкъ, что сталъ бы отклонять васъ отъ этой преданности? сказалъ Людовикъ съ чувствомъ. — Увы! развѣ я теперь не въ опасности за то, что слишкомъ довѣрилъ своему васалу? И развѣ дѣло феодальной приверженности можетъ быть для кого нибудь такъ священно, какъ для меня, котораго безопасность зависитъ отъ нея? Нѣтъ, Филиппъ де-Коминъ, продолжайте служить Карлу Бур-

гундскому; вы услужите ему наилучшимъ образомъ, если устроите надежное примиреніе его съ Людовикомъ Французскимъ. Дѣйствуя такъ, вы будете служить намъ обоимъ, и одинъ, по крайней мѣрѣ, останется вамъ признателенъ. Я слыхалъ, что жалованье ваше при здѣшнемъ дворѣ едва ли равняется тому, которое получаетъ великій сокольничій: и такъ, служба мудрѣйшаго совѣтника во всей Европѣ уравнена или даже поставлена ниже занятій человѣка, который кормитъ и лечитъ хищныхъ птицъ! Франція имѣетъ обширныя земли, у государя ея много золота: позвольте мнѣ, другъ мой, поправить это соблазнительное неравенство. Средства недалеки, позвольте употребить ихъ.

Король вытащилъ увѣсистый мѣшокъ съ деньгами; но Коминъ, котораго чувства были разборчивѣе, нежели у большей части придворныхъ того времени, отказался отъ предложеннаго, объявивъ, что онъ совершенно доволенъ щедростью своего природнаго государя, и увѣряя Людовика, что желаніе служить ему не можетъ усилиться ни отъ какого подарка. — Странный человѣкъ! воскликнулъ король: — позволь мнѣ обнять единственнаго придворнаго нашего времени, который уменъ и неподкупенъ. Мудрость вождельнѣе чистаго золота: вѣрь мнѣ, Филиппъ! я въ теперешней бѣдѣ больше полагаюсь на твои душевныя качества, нежели на купленную помощь многихъ, принявшихъ мои подарки. Я знаю, ты не посовѣтуешь своему государю употребить во зло такой удобный случай, ка-

кой ему доставила судьба, или, вѣрнѣе сказать, Ко-
минъ, мое собственное безразсудство...

— Употребить во зло, конечно нѣтъ, отвѣчалъ
историкъ: — но употребить въ пользу, разумѣется.

— Какъ и до какой степени? Я не такой осель,
чтобъ ожидалъ отдѣлаться безъ выкупа; но пусть вы-
купъ будетъ сообразенъ съ разсудкомъ, — я всегда
охотно внимаю голосу разсудка, въ Парижѣ или въ
Плесси, столько же, какъ и въ Пероннѣ.

— Конечно; но если ваше величество позволите
замѣтить, возразилъ де-Коминъ: — въ Парижѣ и въ
Плесси разсудокъ имѣлъ обыкновеніе говорить такимъ
тихимъ и скромнымъ голосомъ, что не всегда приобрь-
талъ аудіенцію у вашего величества, а въ Пероннѣ
онъ занялъ трубу у необходимости, и голосъ его дѣ-
дается звученъ и повелителенъ.

— Вы выражаетесь фигурно, сказалъ Людовикъ,
немогшій удержатъ своей досады. — Я человекъ ту-
пой и простой, съѣръ де-Коминъ. Прошу васъ оста-
вить свои иносказанія и говорить просто. Чего ожи-
даетъ отъ меня вашъ герцогъ?

— Я не уполномоченъ ни на какія требованія,
государь, отвѣчалъ де-Коминъ: — герцогъ самъ вскорѣ
объяснитъ вамъ свое соизволеніе; но мнѣ представля-
ются нѣкоторыя вещи въ видѣ предложеній, на кото-
рыя вашему величеству нужно бы быть готовымъ.
Напримѣръ, на счетъ окончательной передачи этихъ
городовъ на Соммѣ?

— Я этого ожидалъ.

— Чтобъ вы отреклись отъ Литтихцевъ и отъ Гильйома де-ла-Марка.

— Также охотно, какъ отрекаюсь отъ ада и сатаны.

— Потребуется надежныя обезпеченія, въ родѣ залоговъ, или занятія крѣпостей, или чего нибудь другого, въ томъ, что Франція на будущее время удержится отъ подстреканія къ мятежамъ Фламандцевъ.

— Это что-то новое, отвѣчалъ король: — васаль требуетъ обезпеченій отъ своего государя... но пусть будетъ такъ!

— Приличное и независимое владѣніе для вашего знаменитаго брата, союзника и друга моего повелителя, Нормандію или Шампань. Герцогъ любитъ домъ вашего отца, государь.

— Столько, что готовъ всѣхъ ихъ сдѣлать королями. Истощился ли запасъ вашихъ намековъ?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ совѣтникъ: — безъ сомнѣнія, отъ вашего величества потребуется, чтобъ вы перестали бозпокоить герцога бретаньскаго, какъ дѣлывали прежде, и чтобъ вы долѣе не оспаривали правъ, которыя имѣетъ онъ и другіе великіе вассалы короны чеканить монету, титуловаться герцогами и «Божіею милостію» государями.

— Однимъ словомъ, сдѣлать изъ моихъ вассаловъ столько же королей! Сьѣръ Филиппъ, не хотите ли вы, чтобъ я былъ братоубійцею? Вы помните моего брата Карла; онъ умеръ, лишь только сталъ герцогомъ гіенскимъ. Что же тогда останется потомку и

представителю Карла Великаго, когда онъ отдастъ эти богатяя области? Его будутъ помазывать масломъ въ Реймсѣ, за обѣдомъ онъ будетъ сидѣть подь высокимъ балдахиномъ — и только!

— Мы облегчимъ заботу вашего величества на этотъ счетъ, давъ вамъ товарища въ вашемъ высокомъ уединеніи, сказалъ де-Коминъ. — Герцогъ бургундскій, хоть онъ теперъ и не требуетъ себѣ титула независимаго короля, однако желаетъ на будущее время быть освобожденнымъ отъ унижительныхъ обрядовъ вассальства, слѣдующихъ отъ него французской коронѣ.

— Но какъ смѣетъ герцогъ бургундскій, присяжный вассалъ Франціи, — воскликнулъ Людовикъ, вскочивъ съ мѣста въ необыкновенномъ душевномъ волненіи: — какъ онъ смѣетъ предлагать своему государю такія условія, за которыя, по всѣмъ европейскимъ законамъ, онъ долженъ лишиться своихъ ленныхъ владѣній?

— Приговоръ такого рода трудно было бы исполнить при теперешнихъ обстоятельствахъ, возразилъ хладнокровно Филиппъ де-Коминъ. — Вашему величеству извѣстно, что точное толкованіе феодальныхъ законовъ вышло изъ употребленія въ самой имперіи, и что государи и вассалы сами стараются о томъ, какъ бы поправить свои взаимныя отношенія, смотря по силѣ и возможности каждаго. Сношенія вашего величества съ фламандскими вассалами герцога будутъ достаточнымъ извиненіемъ моему государю, предполагая, что онъ будетъ настаивать на томъ, что, рас-

пространивъ его независимость, Франція на будущее время освободится отъ всякаго предлога къ дѣйствіямъ подобнаго рода.

— Коминь, Коминь! сказалъ Людовикъ, снова вставъ съ своего мѣста и въ задумчивости прохаживаясь по комнатѣ: — это ужасное поученіе на текстъ *Vae victis!* Вы не можете полагать, что герцогъ будетъ настаивать на такихъ жестокихъ условіяхъ?

— По крайней мѣрѣ, я бы желалъ, чтобъ ваше величество были въ состояніи обсудить ихъ.

— Но умѣренность, де-Коминь, умѣренность въ счастіи, — никто лучше васъ этого не понимаетъ, — необходима для существенной пользы.

— Если вашему величеству угодно, достоинство умѣренности, какъ я уже замѣтилъ, больше всего восхваляется теряющею стороною. Выигрывающій больше уважаетъ благоразуміе, которое научаеъ его не упускать удобнаго случая, не воспользовавшись имъ.

— Хорошо; мы подумаемъ, возразилъ король: — но теперь, по крайней мѣрѣ, ты достигъ крайняго предѣла безразсудныхъ требованій герцога: теперь не остается ничего, а если и остается, — потому что я вижу это на твоемъ лицѣ, — что же? чего еще можетъ онъ требовать, если не моей короны... хотя предварительныя условія, если на нихъ согласиться, лишаютъ уже ее всего блеска?

— Государь, сказалъ де-Коминь: — то, о чемъ осталось упомянуть, находится отчасти, даже въ сильной степени, въ предѣлахъ власти самого герцога, хотя онъ и намѣренъ пригласить ваше величество со-

гласиться, ибо, дѣйствительно, дѣло это касается васъ близко.

— *Pasques dieu!* воскликнулъ нетерпѣливо король: — да что же это такое? Договаривайте, съѣръ Филиппъ.

— Родственникъ вашего величества, свѣтлѣйшій герцогъ Орлеанскій...

— Что?... воскликнулъ король; но Коминъ продолжалъ, не обращая вниманія на его возгласъ:

— Удостоилъ своей благосклонности молодую графиню Изабеллу де-Круай, и герцогъ Карль надѣется, что ваше величество съ своей стороны согласитесь на ихъ бракъ, на который согласенъ и онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлите для высокой четы такой удѣлъ, который, вмѣстѣ съ землями самой графини, составилъ бы владѣніе, приличное сыну Франціи.

— Никогда, никогда! отвѣчалъ король, предавшись чувствамъ, которыя онъ до того времени подавлялъ съ большимъ трудомъ и шагая по комнатѣ со всѣми признаками разстройства. — Никогда, никогда! пусть принесутъ ножницы и выстригутъ меня, какъ приходскаго дурака, которому я такъ умно подражалъ! пусть откроется передо мною монастырь или могила! пусть несутъ раскаленные до красна чаши, чтобъ выжечь мнѣ глаза! пусть умертвятъ меня сѣкирою или отравятъ меня аконитомъ, чѣмъ они хотятъ, но Орлеанскій не преступитъ священнаго обѣта, даннаго имъ моей дочери, и не женится на другой, пока жива она!

— Ваше величество, возразилъ де-Коминъ: — прежде, нежели вы такъ непреклонно вооружитесь

противъ предлагаемаго вамъ, вспомните, какъ мало у васъ средствъ къ сопротивленію. Всякій благоразумный человѣкъ, видя обрушивающуюся скалу, уклонится отъ безразсуднаго намѣренія остановить ея паденіе.

— Но человѣкъ храбрый, сказалъ Людовикъ: — найдетъ себѣ подъ нею могилу. Де-Коминъ! подумайте объ огромной потерѣ, о крайнемъ разореніи, какое подобный бракъ причинитъ моему королевству. Вспомните: сынъ мой только слабый мальчикъ, а этотъ Орлеанскій — ближайшій послѣ него наслѣдникъ престола; подумайте, что церковь согласилась на бракъ его съ Жанной, который такъ счастливо соединяетъ выгоды обѣихъ отраслей моей фамиліи; разсудите обо всемъ этомъ, и подумайте, что такой союзъ былъ любимую мыслію всей моей жизни, что я обдумывалъ его, сражался для него, бодрствовалъ для него, молился о немъ, даже грѣшилъ для него. Филиппъ де-Коминъ, я не перенесу этого! Филиппъ, пожалѣй обо мнѣ! ты по крайней мѣрѣ, долженъ знать, что для людей съ разсудкомъ и прозорливостью, разрушеніе долго обдумываемаго ими замысла, надъ которымъ они долго трудились, несравненно убійственнѣе, нежели скоропреходящая горестъ обыкновенныхъ людей, которыхъ старанія стремятся только къ удовлетворенію какой нибудь временной страсти, — не уже ли ты не пожалѣешь обо мнѣ?

— Государь! возразилъ де-Коминъ: — соболѣзную о вашемъ несчастіи, сколько долгу мой относительно моего собственнаго государя...

— Не упоминайте о немъ! воскликнулъ Людовикъ,

находившійся или казавшійся подѣ вліяніемъ непреодолимаго и запальчиваго душевнаго движенія, заставившаго его забыть всегдашнюю обдуманность рѣчей своихъ: — Карлъ Бургундскій не стоитъ вашей привязанности. Тотъ, кто можетъ оскорблять и бить своихъ совѣтниковъ, тотъ, кто можетъ дать мудрѣйшему и вѣрнѣйшему изъ нихъ обидное прозваніе *сапожной головы*...

Вся мудрость Филиппа де-Комина не могла предохранить его отъ высокаго сознанія своей личной важности; онъ былъ до того пораженъ словами, которыя король повидимому произнесъ въ пылу гнѣва, заставившаго его забыть о приличіяхъ, что могъ только возразить, повторивъ слова: «Сапожная голова! Невозможно, чтобъ герцогъ назвалъ такимъ образомъ вѣрнаго подданнаго, который находился при его особѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ сѣлъ на лошадь, и въ добавокъ передъ иностраннымъ государемъ... это невозможно!»

Людовикъ тотчасъ замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе; избѣгая тона соболѣзнованія, который могъ показаться обиднымъ, или сочувствія, которое показалось бы притворствомъ, онъ сказалъ просто, но съ достоинствомъ: — Несчастія заставляють меня забывать вѣжливость; иначе я не сказалъ бы вамъ того, что вамъ неприятно слышать. Но вы въ отвѣтъ своемъ упрекнули меня, замѣтивъ, будто бы я говорю вещи несбыточные — это касается моей чести; я долженъ буду покориться такому обвиненію, если не скажу вамъ обстоятельство, которыя герцогъ, смѣясь

до слезъ, объявилъ первоначальною причиною обиднаго прозвища, повтореніемъ котораго не стану оскорблять вашего слуха. Вотъ какъ это было. Вы, сьеръ Филиппъ де-Коминъ, были на охотѣ вмѣстѣ съ повелителемъ вашимъ, герцогомъ бургундскимъ; когда охота кончилась, онъ потребовалъ вашихъ услугъ, чтобъ вы сняли съ него сапоги. Читая, можетъ быть, въ глазахъ вашихъ естественное негодование на такое неприличное обхожденіе, онъ велѣлъ вамъ сѣсть и оказалъ вамъ ту же услугу, которою только что воспользовался съ вашей стороны. Но разсерженный тѣмъ, что вы такъ буквально его поняли, онъ, только что снявъ одинъ изъ вашихъ сапоговъ, съ бѣшенствомъ началъ бить имъ по вашей головѣ, пока изъ нея не пошла кровь, восклицая о дерзости подданнаго, осмѣливагося принять такую услугу отъ своего государя; и съ тѣхъ поръ онъ и привилегированной шутъ его, де-Глорье, имѣють привычку отличать васъ глупымъ и неприличнымъ прозваніемъ *Tête-botte*, которое доставляетъ герцогу обыкновенный предметъ для шутокъ.

Говоря это, Людовикъ испытывалъ двойное наслажденіе: во первыхъ, онъ уязвлялъ своего собесѣдника, — а это удовольствіе онъ вообще любилъ себѣ доставлять, даже не имѣя, какъ теперь, благовиднаго къ тому предлога, — и, во вторыхъ, онъ замѣтилъ, что наконецъ-то нашелъ въ характерѣ де-Комина слабую сторону, посредствомъ которой его можно будетъ постепенно отвлечь отъ Бургундіи и привязать къ Франціи.

Коминъ принудилъ себя смѣяться рассказанному

королемъ анекдоту и прибавилъ: — Я не думалъ, чтобъ подобная бездѣлица оставалась такъ долго въ памяти герцога и стояла повторенія. Конечно, было что-то похожее на исторію снятія сапоговъ и тому подобнаго, но все это слишкомъ преувеличено въ его воспоминаніи... Оставимъ это.

— Конечно, оставимъ *это*, сказалъ король. — Дѣйствительно, совѣстно, что такія вещи заняли насъ даже на минуту. Теперь, съеръ Филиппъ, надѣюсь, вы на столько Французъ, что дадите мнѣ лучшій совѣтъ въ этихъ трудныхъ дѣлахъ. Я увѣренъ, что вы обладаете нитью отъ лабиринта: могу ли надѣяться, что сообщите ее и мнѣ?

— Ваше величество можете распологать лучшими моими совѣтами и услугами, отвѣчалъ де-Коминъ: — не въ ущербъ разумѣется, преданности моей къ герцогу бургундскому.

Почти то же самое царедворецъ говорилъ и прежде, но теперь онъ повторилъ это такимъ тономъ, что Людовикъ, понявшій въ первый разъ, какимъ важнымъ препятствіемъ ставитъ Коминъ вѣрность свою Бургундіи, ясно увидѣлъ, что смыслъ фразы вышелъ совершенно наоборотъ, — что говорившій придалъ больше вѣса обѣщанію своему подать полезный совѣтъ, нежели ограниченію, вставленному имъ только для вида. Король сѣлъ на свое прежнее мѣсто, усадилъ Коми́на подлѣ себя, и приготовился внимать словамъ государственнаго мужа, какъ рѣчи оракула. Коминъ говорилъ тѣмъ тихимъ и выразительнымъ голосомъ, который обнаруживаетъ большую искренность и вмѣстѣ

съ тѣмъ осторожностью; въ то же время онъ говорилъ медленно, съ разстановкою, какъ будто желая, чтобъ король взвѣшивалъ и обдумывалъ каждое его слово, въ которомъ заключается особенный, значительный смыслъ.

— Вашему величеству, говорилъ, между прочимъ, Коминтъ: — случилось видѣть искусныхъ рыбаковъ, которые справляются съ большою и тяжелою рыбою, окончателно вытаскивая ее на берегъ посредствомъ одного только волоска, тогда какъ та же самая рыба оборвала бы лесу вдесятеро крѣпче, еслибъ рыбакъ вздумалъ вытаскивать ее прямо и давалъ ей на свободѣ биться и вертѣться: такъ точно и ваше величество уступчивостью въ тѣхъ статьяхъ, которыя герцогу покажутся наиболѣе близкими къ его чести и къ удовлетворенію его мщенія, можете избѣгать многихъ другихъ, несваримыхъ въ желудкѣ требованій, на которыя я вамъ намекнулъ; эти требованія... я долженъ откровенно сказать вашему величеству, что тутъ будутъ и такія, отъ которыхъ Франція особенно ослабѣетъ, — выскользнуть изъ его памяти и вниманія; а потомъ, откладывая ихъ до дальнѣйшихъ засѣданій и подробнѣйшаго разсмотрѣнія, отъ нихъ можно будетъ и вовсе уклониться.

— Понимаю, я добрый сеньеръ Филиппъ; но это ничего. А къ какимъ изъ этихъ благопріятныхъ предложеній вашъ герцогъ наиболѣе привязанъ, такъ что противорѣчіе взбѣситъ его и сдѣлаетъ неукротимымъ?

— Къ каждому, или ко всѣмъ вмѣстѣ, если вашему величеству угодно, лишь только онъ встрѣтитъ

противорѣчіе съ вашей стороны. Этому именно надобно вашему величеству избѣгать больше всего. Ярость его, уже значительно утихшая, истощится сама собою, если не встрѣтитъ сопротивленія, и вы тотчасъ же увидите, что онъ сдѣлается и дружественнѣе и стоворчивѣе.

— Однако, сказалъ король въ задумчивости: — должны же быть какія нибудь особенныя требованія, которыя ближе другихъ къ сердцу моего любезнаго брата. Еслибъ я только зналъ о нихъ, съѣръ Филиппъ.

— Ваше величество можете сдѣлать незначительнѣйшее изъ его требованій важнѣйшимъ: стоитъ только придать ему важности противорѣчіемъ; не смотря на то, государь, я могу сказать только, что даже тѣнь трактата будетъ невозможна, если вы не откажетесь отъ Гильйома де-ла-Марка и Литтихцевъ.

— Я уже сказалъ, что отрекись отъ нихъ, отвѣчалъ король: — и они этого заслуживаютъ; негодяи начали свою суматоху въ такое время, что она могла стоять мнѣ жизни.

— Но герцогъ Карлъ потребуетъ больше, нежели простого отреченія отъ ихъ дѣлъ, ваше величество: онъ намѣренъ требовать пособія вашего для усмиренія мятежа, и вашего королевскаго присутствія, чтобъ вы сами были свидѣтелемъ того, какъ онъ караетъ непокорныхъ.

— Едва ли это будетъ сообразно съ нашею честью, де-Коминъ, сказалъ король.

— А отказъ будетъ едва ли совмѣстенъ съ безопасностью вашего величества, возразилъ Бургундецъ!

— Карль рѣшился показать Фламандцамъ, что ни надежда, ни обѣщаніе на помощь изъ Франціи не спасутъ мятежниковъ отъ гнѣва и мщенія Бургундіи.

— Но, съеръ Филиппъ, я буду говорить прямо; еслибъ мы только могли протянуть время, развѣ у этихъ литтискихъ негодяевъ не станетъ силъ отстоять противъ него своего города?

— Съ помощью тысячи французскихъ стрѣлковъ, которыхъ ваше величество обѣщали имъ, они бы, конечно, могли что нибудь сдѣлать; но...

— Которыхъ я имъ обѣщаль! Ахъ, добрый съеръ Филиппъ! вы меня обижаете.

— Но безъ которыхъ, продолжалъ де-Коминъ, не обращая вниманія на слова короля: — такъ какъ ваше величество найдете теперь неудобнымъ помочь имъ, — горожане не въ силахъ будутъ отстоять свой городъ, въ стѣнахъ котораго еще не задѣланы проломы, пробитые Карломъ послѣ сраженія при Сенъ-Тронъ; копя Геннегау, Брабанта и Бургундіи могутъ выѣхать въ атаку по двадцати человѣкъ въ рядъ...

— Непредусмотрительные глупцы! Если они такъ не радуютъ о своей безопасности, то не заслуживаютъ моего покровительства. Далѣе... Я для нихъ не стану ссориться.

— Слѣдующій пунктъ, я опасаюсь, будетъ вашему величеству ближе къ сердцу.

— Ахъ! возразилъ король: — вы хотите говорить объ этомъ адскомъ бракѣ! Я не соглашусь на уничтоженіе сговора между Жанной и моимъ родственникомъ Орлеанскимъ: это значило бы исторгнуть скипетръ

Франціи у меня и у моего потомства; потому что слабое дитя дофинъ — полу-увядшій цвѣтокъ, который не принесетъ плодовъ. Бракъ между Жанной и Орлеанскимъ былъ мыслью моею днемъ, моимъ сновидѣніемъ ночью. Говорю тебѣ, сьѣръ Филиппъ, я не могу отъ него отказаться! Да и безчеловѣчно требовать отъ меня, чтобъ я собственными руками разстроилъ разомъ свой политическій замыселъ и счастье четы, предназначенной другъ для друга.

— Развѣ взаимная привязанность ихъ такъ сильна?

— По крайней мѣрѣ, съ одной стороны, за которую я обязанъ больше всего беспокоиться. Но вы улыбаетесь, сьѣръ Филиппъ? вы не вѣруете въ могущество любви?

— Напротивъ, возразилъ де Коминъ: — если вамъ угодно, государь, я такъ мало не вѣрю въ эти вещи, что хотѣлъ было спросить, могли ли бы вы согласиться на предполагаемый бракъ герцога Орлеанскаго съ Изабеллою де Круай, узнавъ, что склонность молодой графини до того обращена на другого, что браку этому, вѣроятно, никогда не состояться?

Король Людовикъ вздохнулъ. — Ахъ, добрый, безцѣнный другъ мой! сказалъ онъ: — изъ какой гробницы извлекли вы подобное утѣшеніе для мертвецовъ? Ея склонность... право! Сказать вамъ правду? еслибъ предположить, что Орлеанскій даже ненавидитъ мою дочь, то все-таки, — не будь этого новаго неудачно составившагося сцѣпленія обстоятельствъ, онъ долженъ бы былъ на ней жениться; а потому вы можете сообразить, какъ мало вѣроятно, чтобъ эта красавица

могла отказать при таком принужденіи, да еще въ добавокъ принцу Франціи...

— Ваше величество унижаете твердость этой молодой дамы. Она происходитъ отъ фамиліи упорно самовольной; я слыхалъ отъ Крѣвкера, что она питаетъ романическую привязанность къ одному молодому воину, который, по правдѣ сказать, оказалъ ей на дорогѣ много важныхъ услугъ.

— Какъ! сказалъ король: — ужь не стрѣлокъ ли это изъ моихъ тѣлохранителей, по имени Квентинъ Дорвардъ?

— Думаю, что онъ самый, отвѣчалъ де-Коминъ. Его взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ графиней, когда они путешествовали.

— Хвала Господу и нашей Владычицѣ, моньсенъёру святому Мартину и моньсенъёру святому Юліану, всѣмъ и каждому изъ нихъ сказалъ король. — Честь и слава ученому Галеотти, прочитавшему по звѣздамъ, что судьба этого юноши связана съ моею! Если графиня къ нему до того привязана, что окажется непокорною герцогу бургундскому, этотъ Квентинъ дѣйствительно чрезвычайно мнѣ полезенъ.

— Я полагаю, государь, отвѣчалъ Бургундецъ: — что, соображаясь съ словами Крѣвкера, можно надѣяться на достаточное упрямство съ ея стороны; сверхъ того, нѣтъ сомнѣнія, что и самъ благородный герцогъ, не смотря на то, на что ваше величество намекнули въ видѣ предположенія, не захочетъ добровольно отказаться отъ своей прекрасной кузины, для которой онъ такъ давно предназначенъ.

— Гм? возразилъ король. — Но вы никогда не видали моей дочери Жанны. Это сова, пріятель! сущая сова, которой я стыжусь даже... Но пусть онъ только будетъ уменъ и женится на ней, тогда я дамъ ему полную свободу... Развернули ли вы предо мною полную карту ума вашего повелителя?

— Я сообщилъ вамъ, государь, предложенія, на которыхъ онъ теперь больше всего будетъ настаивать. Но вашему величеству хорошо извѣстно, что расположеніе духа герцога похоже на сокрушительный потокъ, который течетъ плавно тамъ только, гдѣ волны его не встрѣчаютъ преграды; а что именно въ состояніи привести его въ ярость теперь, объ этомъ невозможно догадываться. Еслибъ неожиданно явилось болѣе опредѣлительное доказательство сношеній вашего величества (простите мое выраженіе: теперь не время выбирать фразы) съ Литтихцами или Гильюмомъ де-ла-Маркомъ, то слѣдствія могли бъ быть ужасны. Изъ тѣхъ мѣстъ дошли сюда странныя новости: говорятъ, де-ла-Маркъ женился на Амелинѣ, старшей графинѣ де-Круай.

— Эта старая дура до того бѣсилась, что готова была принять руку самаго сатаны; но меня больше удивляетъ, что такое животное, какъ де-ла-Маркъ, женился на ней.

— Говорятъ также, что посоль или герольдъ отъ де-ла-Марка приближается къ Пероннѣ: это приведетъ герцога въ совершенное изступленіе; надѣюсь, у него нѣтъ писемъ или чего нибудь такого, что онъ могъ бы показать со стороны вашего величества?

— Писемъ къ Дикому Вепрю! отвѣчалъ король. — Нѣтъ, нѣтъ, съѣръ Филиппъ; я былъ не такъ глупъ, чтобъ метать жемчугъ передъ свиньями; немногія сношенія мои съ этимъ грубымъ животнымъ дѣлались черезъ посланцевъ, и для этого я всегда выбиралъ такихъ негодяевъ и бродягъ, что ихъ не приняли бы въ свидѣтели даже въ дѣлѣ о какомънибудь раскраденномъ курятникѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я смогу только совѣтовать вашему величеству быть осторожнымъ, сказалъ де-Комиль, откланиваясь королю: — руководствоваться обстоятельствами, а главное, стараться говорить съ герцогомъ такимъ языкомъ, который можетъ быть приличнѣе вашему достоинству, нежели вашему настоящему положенію.

— Если достоинство мое станетъ меня беспокоить, сказала король: — то что со мною рѣдко случается, когда должно подумать о чемънибудь болѣе важномъ, то у меня есть особенно цѣлительное лекарство для такой душевной болѣзни: стоитъ взглянуть въ одинъ запущенный чуланчикъ, съѣръ Филиппъ, и подумать о смерти Карла Простого: это вылечиваетъ меня такъ же хорошо, какъ холодное купанье помогаетъ горячкѣ. А теперь, мой другъ и наставникъ, ты долженъ уйдти. Ну, съѣръ Филиппъ! настанетъ же время, когда тебѣ наскучитъ читать уроки государственной политики воу бургундскому, который не въ состояніи понять самаго простого довода; если Людовикъ де-Валуа доживетъ до этого, у тебя будетъ другъ при французскомъ дворѣ. Говорю тебѣ, Филиппъ, счастливо было бы мое коро-

левство, еслибъ я когда нибудь могъ приобрести тебя, ибо ты, при глубокомысленномъ взглядѣ на государственныя дѣла, имѣешь также совѣсть, способенъ чувствовать и различать добро отъ зла. Помози мнѣ Господь и Владычица, и монсеньеръ св. Мартинъ, а сердца Оливье и де-Балю такъ же жестки, какъ нижній мельничный жерновъ; жизнь моя отравлена угрызениями совѣсти и покаяніями въ преступленіяхъ, которыя они заставили меня совершить. Ты, сьеръ Филиппъ, обладаешь мудростью прошедшихъ и настоящихъ вѣковъ, и можешь научить меня, какъ сдѣлаться великимъ, не преставая быть добродѣтельнымъ. — Трудная цѣль, которой немногіе достигали, отвѣчалъ историкъ: — но которая можетъ быть достигнута государями, если они захотятъ для нея трудиться. Между тѣмъ, государь, будьте готовы, потому что герцогъ сейчасъ придетъ бесѣдовать съ вами. — Людовикъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ за Филиппомъ де-Коминомъ, когда тотъ вышелъ; наконецъ горько расхохотался. — И онъ воображаетъ себя добродѣтельнымъ, потому что отказался отъ взятки и удовольствовался лестью, обѣщаніями и наслажденіемъ отмстить за обиду, нанесенную его тщеславію! Что жъ! онъ только остался бѣднѣе отъ того, что не принялъ денегъ, но ни на волосъ не сдѣлался честнѣе. Онъ, однако, долженъ быть моимъ, потому что у него голова лучше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ... Ну, теперь къ благороднѣйшей игрѣ! Я долженъ встрѣтить Левіана Карла, который сейчасъ приплыветъ сюда, разсѣкая передъ собою волны. Я долженъ, подобно тре-

пещущему мореходцу, бросить за бортъ кадку, чтобъ позабавить его. Но я дождусь когда нибудь случая всадить острогу въ его внутренность!

XXXI.

Р О З Ъ И С К Ъ .

Въ гибельное и достопамятное утро, предшествовавшее свиданію двухъ государей въ Перонскомъ Замкѣ, Оливье Лань исполнялъ для своего повелителя обязанность дѣятельнаго и ловкаго агента, склонявшаго въ пользу Людовика всѣхъ или подарками или обѣщаніями, такъ что, когда настало бы время вспыхнуть гнѣву герцога, всѣ окружающіе его старались бы погасить, а не раздуть пламя пожара. Онъ, какъ ночь, скользилъ изъ палатки въ палатку, изъ дома въ домъ, дѣлая себѣ друзей. Инымъ изъ бургундскихъ вельможъ приходилось основывать на Франціи свои надежды или опасенія, а другіе думали, что если власть Людовика очень уменьшится, то собственный ихъ герцогъ въ-роятнѣе всего устремится смѣлыми и неудержимыми шагами къ деспотической власти, составлявшей, весьма естественно, предметъ его сердечной склонности.

Когда Оливье подозрѣвалъ, что собственное присутствіе него или доводы могутъ не такъ понравиться, онъ пускалъ въ дѣло другихъ изъ свиты короля; такимъ образомъ, онъ выпросилъ у Крѣвкера позволеніе устроить свиданіе между лордомъ Крауфордомъ, котораго со-

проводилъ Рубецъ, и Квентиномъ Дорвардомъ, который, со времени прибытія своего въ Перонну, былъ содержимъ какъ бы въ почетномъ заточеніи. Причиною надобности такого свиданія были объявлены частныя дѣла; но Крѣвкеръ, вѣроятно боявшійся, чтобъ государь его не былъ подвигнутъ незапною вспышкою гнѣва къ какому нибудь безчестно насильственному поступку противъ Людовика, охотно согласился доставить Крауфорду случай дать молодому стрѣлку нѣсколько намековъ, которые могли бы быть для короля полезны. Изъ разговора съ Дорвардомъ, старый лордъ убѣдился, что на Шотландца можно вполне положиться и что онъ, если его призовутъ на судъ, ничего не скажетъ такого, что могло бы послужить ко вреду Людовика. «Милордъ, я не перескащикъ: ни допросы, ни пытки не извлекутъ изъ меня ни одного слова въ осужденіе короля Людовика, если что нибудь и дошло до моего свѣдѣнія пока я былъ въ его службѣ,» заключилъ Квентинъ.

— Пойдите, милордъ, сказалъ Квентинъ, отводя Крауфорда нѣсколько въ сторону отъ дяди: — Я долженъ сказать вамъ, что есть на свѣтѣ еще особа, знающая отъ меня всѣ обстоятельства, тайна которыхъ существенно важна для безопасности короля; особа эта, можетъ быть, не сочтетъ себя обязанною молчать такъ, какъ молчу я по долгу королевскаго воина, отличеннаго его благосклонностью; такія вещи не могутъ ее связывать... И потому употребите свое вліяніе на Крѣвкера, чтобъ онъ позволилъ мнѣ увидѣться съ графинею Изабеллою де-Круай, которую я, можетъ

быть, уговорю быть такою же молчаливою, какимъ непремѣнно буду самъ во всемъ, что только можетъ ожесточить герцога противъ короля Людовика.

Старый воинъ долго оставался въ раздумьи, смотрѣлъ въ потолокъ, потомъ опускалъ глаза, покачивалъ головою, и наконецъ заговорилъ: — Во всемъ этомъ кроется что-то такое, чего, клянусь честью, я не могу понять. Графиня Изабелла де-Круай! свиданіе съ дамою ея рожденія, крови, имѣющею такія владѣнія! и ты, несозрѣлый шотландскій ребенокъ, такъ увѣренъ, что побѣдишь ее? Или ты черезъ чуръ самонадѣянъ, или хорошо употребилъ свое время въ дорогѣ. Но, клянусь крестомъ св. Андрея! я поговорю объ этомъ съ Крэвкеромъ; а такъ какъ онъ дѣйствительно опасается, что герцогъ Карлъ, можетъ быть сильно взбѣшенный на короля, сдѣлаетъ что нибудь дурное, то можно надѣяться, онъ согласится на твое требованіе, хотя оно, право, очень смѣшно!

Сказавъ это и пожавъ плечами, старый лордъ вышелъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ, Крауфордъ возвратился и повелъ Шотландца въ монастырь Урсулинокъ, гдѣ жила Изабелла. Результатомъ этого свиданія было то, что графиня обѣщала своему спасителю не говорить, что король содѣйствовалъ ихъ бѣгству изъ Бургундіи и обѣщала предать ее въ руки Гильйома де-ла-Марка.

— Это причинить, сказалъ Квентинъ: — можетъ быть, смерть королю, или низвергнетъ его съ престола: во всякомъ случаѣ, между Франціей и Бургундіей отъ

этого возникнетъ самая кровавая война, какую когда либо вели между собою эти два государства.

— Бѣдствія эти не произойдутъ отъ меня, если я только могу предупредить ихъ, отвѣчала Изабелла: — малѣйшей вашей просьбы было бы достаточно, чтобъ заставить меня отказаться отъ мщенія, еслибъ даже я больше всего желала эту страсть. Неужели было бы возможно, чтобъ я больше помнила зло короля Людовика, нежели ваши неоцѣнныя услуги? Но какъ это сдѣлать? Когда меня потребуютъ къ моему государю, герцогу бургундскому, я должна буду или молчать, или говорить правду. Первое было бы ослушаніемъ, а коли вы, вѣроятно, не пожелаете склонить языкъ мой.

— Конечно, нѣтъ, сказалъ Дорвардъ: — но пусть свидѣтельство ваше касательно Людовика ограничится тѣмъ, что вы знаете сами за положительную истину; а если будете говорить о томъ, что слышали отъ другихъ, какъ бы достоверно оно ни было, пусть это и останется только слухами; остерегитесь подтверждать вашимъ личнымъ свидѣтельствомъ то, чему вы можете вполне вѣрить, но чего сами лично не могли узнать за непреложную истину. Собранный совѣтъ Бургундіи не можетъ отказать королю въ правосудіи, которое въ моемъ отечествѣ воздается самому низкому обвиненному. Они должны считать его невиннымъ, пока не получатъ прямыхъ и непреложныхъ доказательствъ его виновности.

При первомъ звонѣ колокола, который долженъ

былъ созвать въ совѣтъ главнѣйшихъ бургундскихъ вельможъ вмѣстѣ съ немногими французскими пэрами, могшими присутствовать въ этомъ собраніи, — герцога Карль, въ сопровожденіи части своей свиты, вооруженной палицами и бердышами, вошелъ въ залу Башни Эрбера, въ Перонскомъ Замкѣ. Король Людовикъ, ожидавшій этого посѣщенія, всталъ и сдѣлалъ два шага на встрѣчу герцогу; потомъ остановился съ видомъ величія, который, не смотря на бѣдность одежды и простоту всегдашнихъ пріемовъ, онъ хорошо умѣлъ принимать на себя, когда считалъ это нужнымъ. При теперешнемъ важномъ кризисѣ, наружное спокойствіе короля произвело очевидное вліяніе на его соперника, который, войдя въ покой, перемѣнилъ свои скорые и отрывистые шаги на походку болѣе приличную великому вассалу, входящему въ присутствіе своего верховнаго властелина. По видимому, герцогъ рѣшился обходиться съ Людовикомъ, по крайней мѣрѣ сначала, со всѣми обрядами, подобающими его высокому сану; но въ то же время было очевидно, что, поступая такимъ образомъ, онъ съ немалымъ усиленіемъ подавлялъ свое природное пылкое нетерпѣніе и едва былъ въ силахъ обуздать чувства негодованія и жажду мщенія, кипѣвшія въ груди его. Поэтому, хотя онъ и принудилъ себя къ соблюденію внѣшностей и въ нѣкоторой степени къ почтительности и вѣжливости выраженій, но краска на лицѣ его то появлялась, то исчезала, голосъ былъ отрывистъ, глухъ и неровень, онъ хмурился и кусалъ себѣ до крови верхнюю губу, и каждый взглядъ, каждое движеніе его обнаруживали, что

самый запальчивый изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ государей былъ подѣ влияніемъ одного изъ своихъ сильнѣйшихъ припадковъ бѣшенства.

Король замѣчалъ эту борьбу страстей спокойнымъ и несмущеннымъ окомъ; хотя онъ и прочиталъ во взглядахъ герцога предвкусіе горечи смерти, которой боялся, какъ смертный и какъ грѣшникъ, однакожь рѣшился, подобно опытному и знающему кормчему, не допустить себя смутиться отъ своихъ собственныхъ опасеній, ни покинуть руль, пока еще есть возможность спасти корабль искуснымъ управленіемъ. Такимъ образомъ, когда герцогъ сказалъ ему что-то о безопасности его помѣщенія глухимъ голосомъ, Людовикъ отвѣчалъ съ улыбкою, что не жалуется на это, ибо досихъ поръ находилъ Башню Эрбера лучшимъ мѣсто-пребываніемъ, нежели какою она оказалась для одного изъ его предковъ. — Такъ вамъ рассказали это преданіе? спросилъ Карль: — да, здѣсь онъ былъ убитъ, но потому, что отказался надѣть клобукъ и кончить дни свои въ монастырѣ.

— Тѣмъ глупѣе онъ былъ, возразилъ Людовикъ съ притворнымъ равнодушіемъ: — если принялъ смерть, сдѣлавшую его мученикомъ, тогда какъ онъ не заслужилъ этого святостью.

— Я пришелъ, сказалъ герцогъ: — просить ваше величество присутствовать въ верховномъ совѣтѣ, въ которомъ будутъ разбираться важные вопросы, касающіеся благосостоянія Франціи и Бургундіи. Вы сейчасъ же услышите о нихъ... то есть, если это вамъ будетъ угодно.

— Перестаньте, любезный братец, сказалъ король: — не простирайте своей вѣжливости такъ далеко, чтобъ просить о томъ, что вы смѣло можете повелѣть. И такъ, въ совѣтъ, если это угодно вашей милости! Свита наша нѣсколько обрѣзана, прибавилъ онъ, оглядываясь на немногихъ приближенныхъ, готовившихся за нимъ слѣдовать: — но вы, братецъ, должны сіять за насъ обоихъ.

Государи вышли изъ башни Графа Эрбера на дворъ замка, наполненный, какъ Людовикъ могъ замѣтить, тѣлохранителями и воинами герцога, великолѣпно одѣтыми, вооруженными и выстроенными въ воинственномъ порядкѣ. Перешедъ черезъ дворъ, они вошли въ залу совѣта, находившуюся въ строеніи, принадлежавшемъ къ болѣе новѣйшимъ временамъ, нежели то, которое занималъ Людовикъ, и хотя запущенную, но на скоро приготовленную для торжественнаго засѣданія верховнаго совѣта. Подъ тѣмъ же балдахинномъ поставлено было двое кресель, изъ которыхъ назначенное королю поднималось на двѣ ступени выше приготовленнаго для герцога; человекъ около двадцати первостепенныхъ вельможъ сидѣло въ должномъ порядкѣ по каждую сторону главныхъ сѣдалищъ. Такимъ образомъ, когда усѣлись оба государа, можно было по справедливости сказать, что особа, для суда которой совѣтъ былъ собранъ, занимала возвышеннѣйшее мѣсто и повидимому предсѣдательствовала въ засѣданіи.

Можетъ быть, для того, чтобъ избавить отъ такой несообразности и недоумѣній, которыя могли бы

отъ нея произойди, герцогъ Карлъ, слегка поклонившись королевскому мѣсту, грубо открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

— Добрые мои вассалы и совѣтники! не безъизвѣстно вамъ, какіе беспорядки происходили въ нашихъ владѣніяхъ, какъ при нашемъ отцѣ, такъ и въ нынѣшнее время, отъ возмущеній вассаловъ противъ ихъ верховныхъ властелиновъ, и подданныхъ противъ государей. Въ послѣднее время, мы имѣли самое ужасное доказательство высоты, до которой зло это достигло у насъ, — въ постыдномъ бѣгствѣ графини Изабеллы де-Круай и тетки ея, графини Амелины, рѣшившихся искать укрывательства въ чужеземной державѣ, отказывавшихся этимъ отъ вѣроподданства намъ и тѣмъ подвергавшихъ себя лишенію ленныхъ владѣній; другое доказательство этого получили мы въ гораздо болѣе ужасномъ, болѣе горестномъ случаѣ, — въ святотатственномъ и кровавомъ убіеніи возлюбленнаго нашего брата и союзника, епископа литтискаго, и въ возмущеніи вѣроломнаго города Литтиха, который былъ слишкомъ милосердо наказанъ за послѣдній мятежъ. Мы были увѣдомлены, что эти горестныя событія имѣли свое начало не въ одномъ только непостоянствѣ и безуміи женщинъ и самонадѣянности избалованныхъ горожанъ, но въ проискахъ чужеземной державы, — во вмѣшательствѣ могущественнаго сосѣда, отъ котораго, если добрые поступки заслуживаютъ какого нибудь воздаянія, Бургундія должна была бы ожидать только самой искренней и преданной дружбы. Если это окажется справедливымъ,

сказаль герцога, стиснувъ зубы и упираясь коблукомъ въ полъ: — то какое препятствіе можетъ насъ удержать (такъ какъ всѣ способы въ нашей власти) отъ принятія мѣръ, которыя бы дѣйствительно и въ самомъ началѣ закрыли источникъ, разлившій на насъ всѣ эти бѣдствія?

Герцогъ началъ было рѣчь свою съ нѣкоторымъ спокойствіемъ, но при заключеніи постепенно возвышалъ голосъ; послѣднія фразы были произнесены такимъ тономъ, который привелъ въ трепетъ всѣхъ совѣтниковъ и нагналъ мимолетную блѣдность на щеки короля. Однако, Людовикъ тотчасъ же овладѣлъ собою и обратился къ собранію въ свою очередь съ такимъ спокойствіемъ и непринужденностью, что герцогъ, хотя повидимому и желалъ прервать или остановить его, не нашель для того приличнаго случая.

— Вельможи Франціи и Бургундіи, рыцари святого духа и золотого руна! заговорилъ Людовикъ: — если королю приходится защищаться, какъ обвиненному, онъ не можетъ желать себѣ болѣе знаменитыхъ судей, какъ цвѣтъ знатности, образецъ и гордость рыцарства. Нашъ любезный братецъ, герцогъ бургундскій, только затемнилъ споръ между нами тѣмъ, что вѣжливость не допустила ему изложить сущность дѣла въ настоящихъ выраженіяхъ. Не имѣя причинъ къ соблюденію такой разборчивости, и даже по самому положенію своему не будучи въ силахъ быть разборчивымъ, я прошу позволенія говорить опредѣлительнѣе. Насъ, господа, насъ, его законнаго государя, его родственника и союзника, несчастныя обстоятель-

ства, помрачающія ясный разумъ и добрыя чувства нашего брата, заставляютъ обременять ненавистными обвиненіями въ томъ, будто мы отвлекаемъ его вассаловъ отъ подданства, подстрекаемъ жителей Литвы къ возмущеніямъ и поощряемъ лишеннаго правъ на покровительство законовъ Гильйома де-ла-Марка къ совершенію самаго жестокаго и святотатственнаго смертоубійства. Вельможи Франціи и Бургундіи! я по справедливости могъ бы сослаться на обстоятельства, въ которыхъ нахожусь самъ, какъ на совершенно противорѣчащія такому обвиненію: возможно ли предполагать, чтобъ, имѣя разумъ разумнаго существа, я такъ беззавѣтно предался во власть герцога бургундскаго, еслибъ въ то же время устраивалъ противъ него козни и измѣну, которыя, будучи обнаруженными, предали бы меня, какъ теперь, совершенно на произволъ справедливо разгнѣваннаго государя? Безуміе того, кто сѣлъ бы отдохнуть на мину, зажегши палецъ, долженствующій произвести немедленный взрывъ, было бы мудростью въ сравненіи съ моимъ безразсудствомъ. Не сомнѣваюсь, чтобы въ числѣ участвовавшихъ въ гнусныхъ злодѣяніяхъ, свершенныхъ въ Шонвальдѣ, не нашлось злодѣевъ, прикрывавшихся моимъ именемъ; но развѣ я долженъ за это отвѣчать, не давъ имъ на то никакого права? Если двѣ сумасбродныя женщины, разсерженные какими нибудь романическими причинами неудовольствія, искали убѣжища при моемъ дворѣ, развѣ изъ того слѣдуетъ, что онѣ поступили такимъ образомъ по моему наущенію? Если, разсмотрѣвъ это подробнѣе, окажется,

что такъ какъ честь и рыцарство воспретили мнѣ отослать ихъ назадъ къ бургундскому двору, чего, я думаю, господа, никто изъ носящихъ ожерелья этихъ орденовъ не могъ бы одобрить, то я приблизился къ этому сколько возможно, отдавъ ихъ на руки досто-почтенному по Богѣ отцу, который теперь святой на небесахъ! (тутъ Людовикъ казался сильно тронутымъ и прижалъ платокъ къ глазамъ), — въ руки, говорю я, члена моей собственной фамиліи и еще тѣснѣе связаннаго съ бургундскимъ домомъ, — человѣка, котораго положеніе, высокій духовный санъ, и, увы! многочисленныя добродѣтели, дѣлали лучшимъ временнымъ защитникомъ этихъ несчастныхъ странницъ и посредникомъ между ими и ихъ законнымъ государемъ. И такъ утверждаю, что единственныя обстоятельства, которыя въ слишкомъ поспѣшномъ взглядѣ моего бургундскаго брата на этотъ предметъ доставляютъ ему поводъ къ недостойнымъ противъ меня подозрѣніямъ, могутъ быть объяснены самыми честными и благородными причинами. Къ этому я долженъ присовокупить, что невозможно привести ни малѣйшаго достовѣрнаго доказательства въ подтвержденіе обидныхъ обвиненій, внушившихъ моему братцу мысль отказать въ дружественномъ расположеніи своемъ тому, кто пришелъ къ нему въ полной увѣренности найти дружескій приемъ, — обвиненій, заставившихъ его превратить ширшественную залу въ мѣсто засѣданія суда и гостепріимные покои въ темницу.

— Государь, государь! сказалъ Карль, начавъ говорить лишь только король пріостановился: — то, что

вы здѣсь въ такое неудачное время, которое совпадаетъ съ исполненіемъ вашихъ замысловъ, я могу объяснить предположеніемъ, что люди, избравшіе себѣ ремесломъ обманывать другихъ, иногда безразсудно ошибаются сами. Минеръ иногда взлетаетъ на воздухъ отъ взрыва своей собственной петарды. Но пусть всё послѣдствія будутъ зависѣть отъ теперешнаго торжественнаго изслѣдованія. Привести сюда графиню Изабеллу де-Круай!

Когда вошла молодая графиня, поддерживаемая съ одной стороны графинею де-Крэвкеръ, а съ другой игуменьей урсулинскаго монастыря, Карлъ воскликнулъ съ всегдашнею своею суровостью: — Вотъ какъ, прекрасная принцесса! вы, которыя едва могли дышать, чтобъ отвѣчать намъ, когда мы отдавали вамъ свои справедливыя повелѣнія, вы нашли, однако, достаточно силъ, чтобъ пробѣжать такой длинный путь, какимъ когда либо спасалась преслѣдуемая лань. Что вы думаете о прекрасномъ дѣлѣ, устроенномъ вами между двумя великими государями и двумя сильными державами, которые чуть не начали воевать между собою изъ-за вашего смазливаго личика?

Многочисленность присутствующихъ и грубость Карла совершенно превозмогли принятую Изабеллою рѣшимость броситься къ ногамъ герцога и умолять его, чтобъ онъ взялъ ея владѣнія и позволилъ ей удалиться въ монастырь. Она стояла неподвижно, какъ женщина, устрешенная грозою, слышащая со всѣхъ сторонъ раскаты грома и при каждомъ новомъ ударѣ ожидающая себѣ смерти. Графиня де-Крэвкеръ, кото-

рой возвышенный духъ равнялся знатности рода и красотѣ, сохраненной ею даже въ пожилыхъ лѣтахъ, сочла нужнымъ вступиться. — Государь! сказала она герцогу: — моя прекрасная родственница находится подъ моею защитою. Я знаю лучше вашей милости, какъ должно обращаться съ дамами, и мы сейчасъ же выйдемъ отсюда, если вамъ не будетъ угодно употребить выраженія и тонъ болѣе приличные нашему сану и полу.

Герцогъ расхохотался. — Крѣвкеръ! сказалъ онъ: — смиреніе твое сдѣлало изъ твоей графини величественную даму; но это не мое дѣло. Подайте стулъ этой робкой дѣвушкѣ, къ которой я такъ мало чувствую пріязни, что готовлю ей высочайшую милость и честь. Садитесь, сударыня, и расскажите намъ на свободѣ, какой лукавый овладѣлъ вами, что вы бѣжали изъ отечества?

Съ большимъ трудомъ и часто прерывая свой рассказъ, Изабелла призналась, что, рѣшившись непреклонно отказаться отъ предложеннаго ей герцогомъ бургундскимъ супружества, она льстила себя надеждою найти покровительство при французскомъ дворѣ.

— И покровительство французскаго короля? сказалъ Карль. — Въ этомъ, безъ сомнѣнія, вы были увѣрены?

— Я дѣйствительно считала себя въ томъ увѣренною, отвѣчала графиня Изабелла: — иначе я не отважилась бы на такой рѣшительный шагъ. (Тутъ Карль взглянулъ на короля съ невыразимо горькою улыбкой, которую Людовикъ перенесъ съ величайшею

твердостью; только губы его сдѣлались нѣсколько бѣлѣе обыкновеннаго). Но свѣдѣнія мои касательно намѣреній короля Людовика, продолжала графиня послѣ краткаго молчанія: — получала я почти исключительно отъ несчастной тетки моей, графини Амелины; а ея мнѣнія были основаны на словахъ и увѣреніяхъ людей, которые, какъ оказалось въ послѣдствіи, были самые низкіе измѣнники и самые вѣроломные злодѣи. — Далѣе она рассказала въ короткихъ словахъ то, что послѣ узнала объ измѣнѣ Мартонѣ и Гайрадина Мограбина, присовокупивъ, что старшій Мограбинъ, по имени Заметъ, присовѣтовавшій имъ бѣжать, былъ способенъ къ измѣнѣ и обманамъ всякаго рода, также, какъ и къ самовольному принятію на себя роли агента короля французскаго.

Настало молчаніе, и графиня снова принялась рассказывать свою исторію, хотя въ весьма краткихъ выраженіяхъ, начиная съ того времени, какъ она, вмѣстѣ съ теткою, оставила владѣнія Бургундіи, до шонвальдскаго приступа и того, какъ она отдалась окончательно графу де-Крѣкеру. Всѣ слушали въ безмолвіи ея краткое и прерывистое повѣствованіе, а герцогъ бургундскій устремилъ въ землю мрачные и гнѣвные взоры, какъ будто ища предлога предаться своему бѣшенству, и не находя никакого достаточнаго повода, который оправдалъ бы его въ собственныхъ глазахъ. — Кротъ, сказалъ онъ наконецъ, взглянувъ вверхъ: — все-таки очень вѣрно ведетъ свой темный подземный путь подъ нашими ногами, хотя мы, убѣжденные въ его движенія, и не можемъ съ досто-

вѣрностью за ними слѣдовать. Однако, я желалъ бы знать, почему король Людовикъ держалъ этихъ дамъ при своемъ дворѣ, если онѣ не отправились туда по его приглашенію?

— Я ихъ не очень угощалъ, любезный братецъ, отвѣчалъ король. — Дѣйствительно, изъ сожалѣнія я принялъ ихъ тайно, но воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ помѣстить ихъ подъ покровительство почтеннаго покойнаго епископа, вашего союзника; онъ былъ (упокой его Господи!) лучшимъ судьей, нежели я или всякій другой свѣтскій государь, въ томъ, какимъ образомъ согласить покровительство, оказываемое укрывающимся, съ долгомъ государя относительно своего союзника, изъ владѣній котораго онѣ бѣжали. Смѣло спрашиваю эту молодую даму, былъ ли пріемъ мой радушень, или онъ былъ таковъ, что заставилъ ихъ раскаяваться въ томъ, что онѣ избрали дворъ мой своимъ убѣжищемъ?

— Онъ былъ до такой степени нерадушень, возразила молодая графиня: — что заставилъ, по крайней мѣрѣ меня, сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли ваше величество слѣдали приглашеніе, въ которомъ меня увѣряли люди, называвшіе себя вашими агентами. Полагая только, что они поступали по вашему уполномоченію, трудно было бы согласить поведеніе вашего величества съ тѣмъ, чего слѣдовало ожидать отъ короля, рыцаря и дворянина.

Говоря это, графиня обратила на короля взоръ, въ которомъ, вѣроятно, хотѣла выразить упрекъ; но грудь Людовика была хорошо защищена противъ та-

кой артиллеріи. Напротивъ, двигая медленно распро-
стертыми руками и оглядываясь вокругъ себя, онъ
повидимому съ торжествомъ обращался къ присут-
ствующимъ, какъ будто призывая ихъ вниманіе на
то, что показаніе молодой графини подтверждаетъ его
невинность.

Герцогъ бургундскій, между тѣмъ, бросилъ на него
взглядъ, который повидимому выражалъ, что если онъ
и принужденъ умолкнуть, то меньше нежели когда
нибудь чувствуетъ себя удовлетвореннымъ; потомъ
отрывисто обратился къ графинѣ: — Мнѣ кажется,
прекрасная дѣвица, въ разсказѣ о своихъ странствіяхъ
вы забыли упомянуть о нѣкоторыхъ приключеніяхъ...
Вы забыли упомянуть о нѣкоторыхъ рыцаряхъ въ
лѣсу, которые нѣсколько нарушили ваше спокойствіе.
Хорошо! извѣстіе объ этомъ достигло нашего слуха:
мы изъ него, чтонибудь составимъ. Скажите мнѣ,
король Людовикъ, не лучше ли будетъ, пока эта стран-
ствующая Елена троянская или круайская не поста-
вила еще нѣсколькихъ государей на дыбы другъ про-
тивъ друга, не лучше ли будетъ соорудить для нея
приличное супружество?

Король Людовикъ, хотя и вполне знавшій, какого
рода предложенія ему слѣдовало ожидать, спокойно и
въ молчаніи изъявилъ свое согласіе на слова Карла;
но сама графиня почувствовала при такой крайности воз-
вращеніе всей своей бодрости. Она оставила руку графи-
ни де-Крѣвкеръ, на которую до того времени опиралась,
выступила впередъ робко, но съ видомъ достоинства,

и, преклонивъ колѣни передъ сѣдалищемъ герцога, обратилась къ нему: — Благородный герцогъ бургундскій, законный мой государь и повелитель! Сознаю въ винѣ своей: я сдѣлалась преступною, укрывшись изъ вашихъ владѣній безъ вашего милостиваго разрѣшенія, и готова перенести всякое наказаніе, какимъ только вамъ угодно будетъ покарать меня. Отдаю свои замки и земли въ полное ваше распоряженіе и прошу отъ вашего милосердія, ради памяти отца моего, только одного — чтобъ вы удѣлили послѣдней изъ рода де-Круай, изъ всѣхъ ея обширныхъ владѣній, скромное содержаніе, котораго было бы достаточно для вступленія въ монастырь на весь остатокъ ея жизни.

— Что вы думаете, государь, о прошеніи этой молодой особы? сказалъ герцогъ.

— Какъ о святомъ и смиренномъ душевномъ движеніи, которое, вѣроятно, внушено ей свыше, и потому не должно встрѣтить отказа и сопротивленія, отвѣчалъ король.

— Смиряющійся вознесется, сказалъ Карль. — Встаньте, графиня Изабелла де-Круай; мы имѣемъ для васъ въ виду нѣчто получше того, что вы сами себѣ избрали. Мы не намѣрены конфисковать вашихъ имѣній, ни отнимать должныхъ вамъ почестей; напротивъ, мы намѣрены значительно увеличить и то, и другое.

— Ахъ, государь! возразила графиня, продолжая стоять на колѣняхъ: — я боюсь вашей благосклонности еще болѣе, нежели гнѣва вашей милости, если должна подвергнуться принужденію.

— Святой Георгій бургундскій! развѣ волѣ нашей

будутъ поперечить и повелѣнія наши оспаривать каждый разъ? Встаньте, сударыня, говорю вамъ, и покуда удалитесь отсюда. Когда намъ будетъ время подумать о тебѣ, мы устроимъ дѣла такъ, что вы будете намъ повиноваться, или худо вамъ будетъ!

Не смотря на такой суровый отвѣтъ, графиня Изабелла оставалась у ногъ герцога и, вѣроятно, довела бы его своимъ упорствомъ до какихъ нибудь еще болѣе жесткихъ выраженій, еслибъ графиня де-Крѣвкеръ, лучше знавшая расположеніе Карла Бургундскаго, не подняла своей молодой подруги и не увела ее изъ залы.

Позвали Квентина Дорварда; онъ предсталъ передъ короля и герцога съ тою непринужденностью, которая равномѣрно далека была отъ робкой застенчивости и самонадѣянной наглости, но приличествовала юношѣ благовоспитанному, хорошей фамиліи, который умѣетъ быть почтительнымъ передъ кѣмъ должно, не позволяя себѣ ослѣпляться или смущаться присутствіемъ высшихъ. Дядя снабдилъ его средствами одѣться снова въ костюмъ и вооруженіе стрѣлка шотландской гвардіи, а лицо его, взглядъ и осанка вполне соответствовали этому великолѣпному наряду. Юность Дорварда также расположила въ его пользу совѣтниковъ, тѣмъ болѣе, что никто не могъ бы повѣрить, чтобъ осторожный Людовикъ сдѣлалъ такого молодого человека повѣреннымъ въ политическихъ интригахъ. Такимъ образомъ, теперь, какъ и въ другихъ случаяхъ, король воспользовался значительно страннымъ выборомъ своихъ агентовъ, относительно званія и возраста

ихъ, такъ что тутъ трудно было бы предполагать какое нибудь особенное намѣреніе съ его стороны. По приказанію герцога, подтвержденному королемъ, Квентинъ началъ рассказывать путешествіе свое съ графинями де-Круай до Литтиха, объявивъ о наставленіяхъ французскаго короля, заключавшихся въ томъ, что онъ долженъ былъ доставить ихъ въ безопасности ко двору епископа.

— И ты исполнилъ мои повелѣнія? сказалъ Людовикъ.

— Исполнилъ, государь, отвѣчалъ Шотландецъ.

— Ты выпустилъ одно обстоятельство замѣтилъ герцогъ: — на тебя въ лѣсу напало двое странствующихъ рыцарей.

— Мнѣ не слѣдовало вспоминать о такомъ случаѣ, или хвастать имъ, сказалъ юноша, скромно покраснѣвъ.

— Но *мнѣ* не должно забывать объ этомъ, сказалъ герцогъ Орлеанскій: — Этотъ юноша исполнилъ свою обязанность мужественно и защищалъ порученныхъ ему дамъ такъ, что я долго объ этомъ не забуду. Приходи ко мнѣ, стрѣлокъ, когда засѣданіе кончится, и ты увидишь, что я не забылъ твоего храбраго поведенія, тѣмъ болѣе, что оно равняется твоей скромности.

— Зайди и ко мнѣ, сказалъ Дюнуа. — У меня есть для тебя шлемъ, который я тебѣ, какъ кажется, долженъ. Квентинъ низко поклонился обоимъ, и допросъ начался снова. По требованію герцога Карла,

онъ показалъ письменныя наставленія короля, данныя ему для путешествія.

— Ты слѣдовалъ этимъ наставленіямъ буквально? спросилъ герцогъ.

— Нѣтъ, ваша милость. Они предписывали мнѣ, какъ вы могли замѣтить, переправиться черезъ Маасъ у Намюра: а я держался лѣваго берега рѣки, какъ ближайшаго и болѣе безопаснаго.

— А зачѣмъ это?

— Загѣмъ, ваша милость, что я началъ сомнѣваться въ вѣрности нашего проводника.

— Замѣть теперь вопросы, которые я намѣренъ тебѣ сдѣлать, сказалъ герцогъ. — Отвѣчай на нихъ по истинѣ и не бойся за нее ничего неудовольствія. Но если ты будешь увертываться или кривить въ своихъ отвѣтахъ, я велю привѣсить тебя живого на желѣзной цѣпи къ колокольнѣ ратуши, гдѣ ты долго будешь желать смерти, прежде, нежели она прійдетъ къ тебѣ!

Настало глубокое молчаніе. Наконецъ, давъ юношѣ время одуматься и взвѣсить обстоятельства, въ которыхъ онъ находился (герцогъ считалъ это для него нужнымъ), онъ спросилъ Дорварда, кто былъ его проводникъ, кѣмъ къ нему доставленъ, и почему онъ сталъ подозрѣвать его въ измѣнѣ? На первый изъ этихъ вопросовъ Квентинъ отвѣчалъ, назвавъ цыгана Гайрадина Мограбина; на второй, что проводникъ былъ ему данъ Тристаномъ пустыннокомъ; а въ отвѣтъ на третій вопросъ онъ разсказалъ случившееся во фран-

писканскомъ монастырѣ близъ Намюра: какъ Цыгана выгнали изъ священнаго дома; какъ, не довѣряя его поведенію, онъ послѣдовалъ за нимъ ночью до мѣста свиданія его съ однимъ изъ ланцкнехтовъ Гильйома де-ла-Марка, и подслушалъ, что они сговаривались захватить въ распахъ дамъ, бывшихъ подъ его защитою.

— Теперь слушай, сказалъ герцогъ: — и подумай еще разъ, что жизнь твоя зависитъ отъ твоей правдивости... Упоминали ли эти мерзавцы о томъ, что они имѣютъ согласіе короля, — этого самого короля Людовика Французскаго, — на замыселъ свой напасть на твой отрядъ и увести дамъ?

— Еслибъ такіе презрѣнные люди и говорили чтонибудь подобное, возразилъ Квентинъ: — я не знаю, какъ бы я могъ повѣрить имъ, имѣя, въ противоположность ихъ рѣчамъ, слово самого короля.

Людовикъ, слушавшій до того времени съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, не могъ удержаться, услышавъ отвѣтъ Квентина, чтобъ не перевести духа, какъ человѣкъ, съ груди котораго сняли тяжелое бремя. Герцогъ снова сдѣлался недоволенъ и угрюмъ; обратясь къ Дорварду, онъ спросилъ его еще настойчивѣе, не понялъ ли онъ изъ разговора этихъ людей, что замышляемые ими козни были разрѣшены королемъ Людовикомъ.

— Повторяю, я не слышалъ ничего такого, что дало бы мнѣ право утверждать это, отвѣчалъ молодой человѣкъ, хотя внутренно и увѣренный, что король принималъ участіе въ измѣнѣ Гайрадина, но счи-

принялъ на себя, какъ агентъ короля Людовика, власть надъ злодѣями, свершившими гнусное преступленіе?

— Государь, сказалъ Квентинъ: — найдется много свидѣтелей, что я не принималъ на себя роли агента Франціи въ городѣ Литтихъ; мнѣ приписали это званіе буйные возгласы самихъ горожанъ, отказывавшихся вѣрить моимъ отрицаніямъ. Я рассказалъ объ этомъ приближеннымъ епископа, когда мнѣ удалось выбраться изъ города, и совѣтовалъ имъ обратить вниманіе на защиту замка, что могло бы отвратить ужасное несчастіе слѣдовавшей за тѣмъ ночи. Безъ сомнѣнія, правда и то, что я послѣ, въ крайней опасности, воспользовался вліяніемъ, которое давало мнѣ мое мнимое агентство, для спасенія графини Изабеллы, для защиты моей собственной жизни, и, сколько было въ моихъ силахъ, для обузданія кровожадности, которая уже обнаружилась такимъ ужаснымъ образомъ. Повторяю и готовъ поддержать это своимъ тѣломъ, что я не имѣлъ отъ французскаго короля никакихъ порученій къ жителямъ Литтиха, а еще менѣе наставленій подстрекать ихъ къ мятежу, и что, наконецъ, когда я воспользовался своимъ самозванствомъ, то сдѣлалъ это какъ будто схватилъ первый попавшійся мнѣ щитъ для обороны себя въ крайности, и употребилъ его такъ, какъ долженъ былъ употребить, для прикрытія имъ себя и другихъ, не справляясь о томъ, имѣлъ ли я право на геральдическія украшенія, которыя на немъ рисовались.

— Въ этомъ молодой мой товарищъ и плѣнникъ

тавшій противнымъ своему долгу объявлять подозрѣнія свои на этотъ счетъ: — и еслибъ я даже слышалъ подобныя увѣренія отъ такихъ людей, скажу еще разъ, я не придалъ бы имъ никакой важности, имѣя письменныя наставленія самого короля.

— Ты вѣрный посланный, сказалъ герцогъ съ насмѣшливою улыбкой: — рискну сказать, что, повинаясь наставленіямъ короля, ты разрушилъ его ожиданія и пострадалъ бы за это, еслибъ послѣдующія происшествія не превратили твоей упрямой вѣрности въ добрую услугу.

— Не понимаю вашей милости, отвѣчалъ Квентинъ Дорвардъ: — мнѣ извѣстно только, что повелитель мой, король Людовикъ, послалъ меня защищать этихъ дамъ, и что я это исполнилъ сколько у меня было умѣнья, на пути въ Шонвальдтъ и послѣ того. Я понималъ, что приказанія короля благородны и выполнялъ ихъ благородно; будь они другого свойства, они не были бы приличны человѣку моего имени и моей націи.

— Гордъ какъ Шотландецъ, сказалъ Карлъ, который, хотя и былъ недоволенъ отвѣтомъ Дорварда, однако не былъ такъ несправедливъ, чтобъ осуждать его смѣлость. — Но послушай, стрѣлокъ, какія же наставленія заставляли тебя, какъ насъ увѣдомили нѣкоторые бѣглецы изъ Литтиха, расхаживать по улицамъ города въ головѣ мятежниковъ, которые въ послѣдствіи такъ безчеловѣчно умертвили своего свѣтскаго государя и духовнаго отца? И что за рѣчь произнесъ ты послѣ свершенія убійства, въ которомъ

дѣйствовалъ такъ же мужественно, какъ и благоразумно, замѣтилъ Крѣвкеръ, не будучи въ силахъ удержаться долѣе: — поступокъ его не можетъ быть поставленъ въ вину королю Людовику.

Ропотъ одобренія слышался между вельможами и раздался радостью въ ушахъ Людовика, раздосадовавъ Карла. Герцогъ гнѣвно обращалъ взоры вокругъ себя; чувства, такъ единодушно выраженные столь многими изъ его знатнѣйшихъ вассаловъ и мудрѣйшихъ совѣтниковъ, не предупредили бы, можетъ быть, какого нибудь взрыва его буйнаго и самовластнаго нрава, еслибъ де-Коминъ, предвидѣвшій опасность, не отвратилъ ея внезапнымъ возвыщеніемъ о прибытіи герольда отъ города Литтиха.

— Герольдъ отъ ткачей и гвоздевицковъ? воскликнулъ Карлъ: — однако, допустить его немедленно. Клянусь Владычицей, я узнаю отъ этого герольда что нибудь больше о надеждахъ и замыслахъ тѣхъ, которые послали его, нежели сколько намѣренъ объявлять этотъ молодой шотландскій воинъ!

(до слѣдующ. №).

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 140 до 200 страницъ. Смотри по содержанию статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

ЦѢНА за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ** рублей, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ** руб., съ пересылкою въ города **СЕМЬ** руб. **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. сер.

Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньги въ теченіи 1860 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ — въ конторахъ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ»: при книжныхъ магазинахъ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, и *Д. Е. Кожанчикова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К^о*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Въ Тифлисѣ — у книгопродавца *Беренштама*.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ редакцію журнала, въ С. Петербургъ, на Лиговкѣ, въ домъ Зуева.

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.

